

ПИОНЕР

ФЕВРАЛЬ

Издательство „Правда“ 1951 г.

2

СУВОРОВЕЦ

Инна Кульская

Рисунки Ф. Лемкуля

Все завидуют Миколу:
Он теперь в военной школе!

Он в суворовском мундире,
На фуражке кант кругом...
Малыши у нас в квартире
Дружат с маленьким Грицком,—

Знают хитрые ребята:
Ждёт Грицко на праздник брата.

Лишь суворовец придет,
Прибегут к нему соседи,
Все ребята тут как тут,
Чаю выпить не дадут...

Малыши глядят влюблённо,
Трогают его погоны,
Гладят пуговицы рукой.

— Ах, красивый ты какой!
— Это праздничный мундир!
— Ты солдат или командир!

Всё хотят узнать ребята.
Младший спрашивает брата:

— Если вдруг война опять,
Дашь мне пушку пострелять!

— Не игра война, не шутка,—
Отвечает тихо брат. —
И сейчас мне вспомнить жутко,
Как горел наш детский сад.

И теперь грозят войною
Нам враги издалека,
Но за мир стоят стеною
Нашей армии войска.

Чтобы вы, беды не зная,
Жили мирно, хорошо,
Чтоб цвела страна родная, —
Я в суворовцы пошёл.

Я хочу, — закончил Коля, —
Край любимый охранять.
Я учусь в военной школе,
Чтоб солдатом мира стать!

Перевод с украинского
З. Александровой

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН и КЛИМЕНТ ЕФРЕМОВИЧ ВОРОШИЛОВ В КРЕМЛЕ.
Картина А. Герасимова

Верный сын народа

4 февраля исполнилось 70 лет Клименту Ефремовичу Ворошилову, верному соратнику Ленина и Сталина, члену Политбюро ЦК ВКП(б), заместителю Председателя Совета Министров СССР.

Всю свою жизнь с юношеских лет Климент Ефремович посвятил борьбе за освобождение трудящихся от ига капитализма, за победу Великой Октябрьской социалистической революции, за оборону и укрепление Советского государства, за построение социализма в нашей стране.

Замечательный партийный руководитель, крупнейший государственный деятель, один из выдающихся организаторов нашей Советской Армии, Климент Ефремович Ворошилов своим неутомимым трудом на благо родной страны, своей беззаветной преданностью партии и народу заслужил глубокое уважение и горячую любовь всех советских людей.

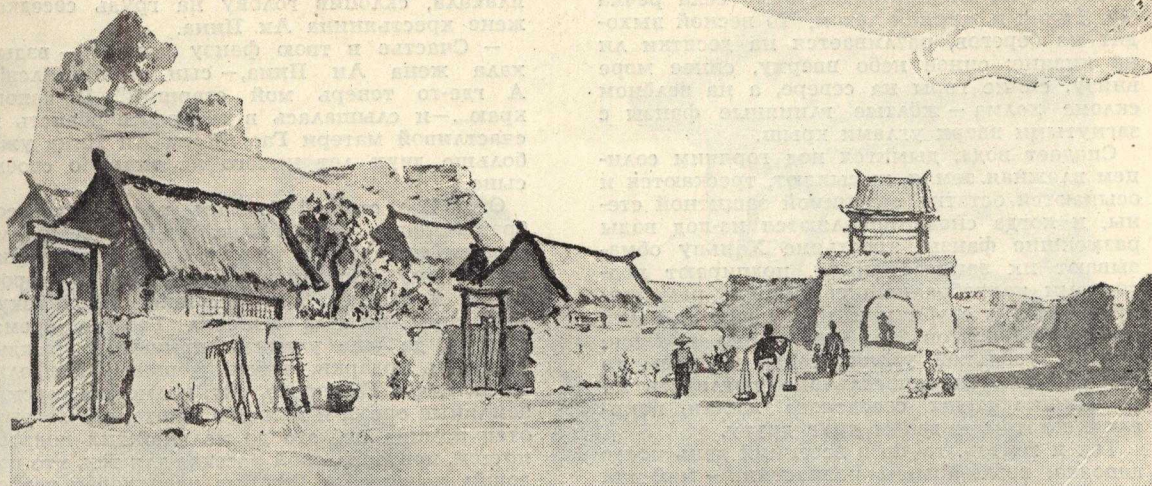
Пионеры Советской страны вместе со всем народом горячо поздравляют Климента Ефремовича Ворошилова и желают ему многих лет здоровья и плодотворного труда на благо Родины.

СОВЕТСКАЯ КОННИЦА В БОЯХ ПОД МОСКВОЙ.

Картина П. Кривоногова.

Художественная выставка 1950 года.

БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ

Олеся Кравець
Перевод с украинского Анны Кравченко

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунки П. Кирпичёва

Два события в Ханьпу

В тот день в Ханьпу произошло два события. Одно было очень уж необычным: вернулся Гао Сяо, сын бедняка Гао Яня. Об этом говорили все. За много месяцев это был первый человек, которого село встречало. До сих пор приходилось только провожать: то на заработки уходила молодёжь, то спасалась в горах от мобилизации в гоминдановскую армию, то власти угоняли людей на каторжные работы, откуда ещё никто не приходил обратно. Гао учился в Даньяне и был едва ли не первым человеком в селе, закончившим начальную школу. Старый Янь, май-май жень¹, прошёл не одну тысячу ли² со своим нехитрым товаром, чтобы заработать сыну на учёне. Сколько пуговиц должен был он продать, сколько ниток, гребёнок и иголок, чтобы оплатить сыновью науку! Полуслепой, старый Янь сердцем угадывал дорогу к покупателю. Слабый и немощный, он три года носил на себе плетёную корзину с товарами, ходил из села в село, из города в город, в зной и в дождь, зимой и летом, и всегда, когда спрашивали у него о сыне, отвечал:

— Учится сын, учится! Учится писать и читать прекрасные слова! Учится! — и улыбался так счастливо и радостно, как человек, хранящий в сердце великую, дорогую тайну. — Учится сын!

Крестьянин Ли Пин, сосед старого Яня, говорил не раз:

— Нелегко это — учиться! Сколько горя терпит Гао!

Ли Пин вспоминал свою молодость, свои мечты об учении, которым не суждено было осуществиться, и вздыхал. Старый Янь после некоторого молчания произносил уверенно:

— Ничего, ведь у меня один сын. Да и не такой он, чтобы побояться невзгод!

И вот теперь поглядеть на учёного сбежались все. Гао привёз с собой книги.

Книги в Ханьпу!

Ханьпу — убогое, небольшое село, в нём всего одна улица, двадцать дворов. К южному склону холма прилепились крытые рисовой соломой фанзы³. В Ханьпу ещё сохранились остатки старинной защитной стены, некогда со всех сторон окружавшей село, и серые каменные ворота. Такими стенами с давних времён в Китае обносили деревни и города.

Улицей в Ханьпу служит узенькая тропинка, выложенная три-четыре века назад каменными плитами.

Взбегая на холмы, спускаясь в долины, через рисовые поля с запада на восток пролегла она. Сяо-чо называют в Китае такие дороги. Точно бусы на нитку, нанизаны на сяо-чо сёла. За столетия до блеска вытерли сотни тысяч босых ног её каменные плиты.

Даже чиновники гоминдановской управы власти Даньян, которым полагалось бы знать, откуда и куда бежит сяо-чо, — и те не знают её длины. Через две провинции тянется сяо-чо. Служит она узкой улицей в деревнях, по обе стороны её толпятся домики, а потом она снова вырывается в степь и стремительно убегает вдаль, к новым сёлам.

Вокруг Ханьпу, куда ни кинешь взгляд, — поля. Над речкой — рисовые, а подальше в

¹ Май-май жень — бродячий торговец, корабейник.

² Ли — мера длины, немногим более полукилометра.

³ Фанза — дом.

стень — пшеница, просо, гаолян, кукуруза. С севера на юг протекает мимо села речка Чо. Тихая и мирная летом, Чо весной выходит из берегов, разливаясь на десятки ли по низине; синее небо вверху, синее море внизу, синие горы на севере, а на зелёном склоне холма — жёлтые глиняные фанзы с загнутыми вверх углами крыш.

Спадает вода, дымит под горячим солнцем влажная земля, высыхают, трескаются и осыпаются остатки старинной защитной стены, и когда снова появляются из-под воды размокшие фанзы, крестьяне Ханьпу обмазывают их заново глиной, подпирают подпорками полуобвалившиеся стены, ремонтируют крыши: старики и дети носят для них камыш с берегов Чо. Оживлённо в такие дни на узенькой улочке села; то здесь, то там собираются односельчане поглядеть на размокшие стены соседского жилья, помогают советом и делом друг другу.

Так и теперь, точно в весенний день после паводка, возле фанзы разносчика — май-май жена — стояла большая толпа.

Гао, шестнадцатилетний юноша с чёрными непоскорными волосами и весёлыми, смеющимися глазами, был одет в праздничную синюю рубашку и белую безрукавку. Он почти-точно здоровался с односельчанами, шутиливо раскланивался с ровесниками, отвечал на вопросы старикам, а глаза его с тревогой следили за тем, как из рук в руки передавали крестьяне одну из привезённых им книг.

Мать Гао, круглолицая женщина с коротко остриженными седыми волосами, в будничном тёмном платье, вытирая ладонями обильные счастливые слёзы, говорила:

Разносчик — май-май жень.

— Сыночек мой, сынок, ты ли это? — и плакала, склонив голову на грудь соседке, жене крестьянина Ли Пина.

— Счастье в твою фанзу пришло, — вздыхала жена Ли Пина, — сын возвратился!.. А где-то теперь мой старший? В каком краю... — и слышалась в её голосе зависть к счастливой матери Гао. Жена Ли Пина уже больше двух лет ничего не знала о своём сыне.

Отец Гао, старый Гао Янь, рассказывал собравшимся о том, в какой хорошей школе учился его сын, о том, что много раз пришлось ему передавать для сына в город харчи и одежду. Три рубашки, безрукавку, две пары штанов износил Гао за время ученья, да еще учителю пришлось дважды послать подарки: табак, мешок картофеля. Посылали и Гао просо, рис, полмешка гороха, земляные орехи и немного каштанов. Старый отец помнил всё это до мельчайших подробностей, повторял свой рассказ для тех, кто подошёл позднее. А Гао был взволнован встречей и, казалось, всё время высматривал кого-то в толпе.

— В последний год, — продолжал свой рассказ старый Янь, — хозяин школы велел привести барана. Барана! Откуда мне было взять барана?!

Жена Ли Пина, указывая на Гао, повторяла своему младшему сынишке:

— Смотри, сынок, какие учёные люди бывают! Смотри, чтобы и ты таким был!

Дети вились вокруг Гао, как мухи возле сладкого пряника. Дед Лю Йо-дунь, старый, иссохший, похожий в своём широком вылинявшем халате на стручок, из которого вылучили фасоль, ребром поставил к уху ладонь и спрашивал:

— А? Что? Спросите у Гао, не знает ли он, почему теперь земля? Я хотел бы продать свою землю.

Дед Лю Йо-дунь имел собственное поле на самом берегу Чо. Поле было крошечное — тридцать дедовых шагов в ширину и пятьдесят один шаг в длину. Но вода каждую весну подмывала берег и за несколько лет унесла половину поля. Лю Йо-дунь волновался: пройдёт некоторое время — ненасытная Чо проглотит и остаток земли!

В стороне от крестьян стоял староста села — Фу. Он один не подошёл к Гао, не приветствовал его, не поздравил с возвращением и окончанием ученья. Опираясь на палку, Фу прислушивался к тому, что говорил Гао, который уехал из села мальчиком, а вернулся едва ли не самым уважаемым человеком. Фу был встревожен появлением Гао. С какими мыслями пришёл юноша домой, с какими намерениями? За последние несколько лет староста никого не встречал из молодёжи: все уходили; и в глубине души Фу был рад этому: меньше хлопот. Пусть уходят, пусть делают, что хотят, только не в Ханьпу! Староста прислушивался к разговорам, чтобы потом рассказать обо всём знахарю и ворожею Ли Лу-фуню. Ли был могучий, сильный колдун. «Живой бог» — звали его в селе. Многие в Ханьпу верили, что он может накликасть на село грозовой дождь, град или разогнать самую тёмную тучу. Знахарь лечил и по книге и

Толпа возле фанзы старого Гао Яня не уменьшалась.

по звёздам и говорил, что знает все триста шестьдесят мест на теле человека, которые можно без боли колоть иголкой, чтобы выгнать какую угодно болезнь. Ли накрывал больного бумагой, рукой отмечал место прокола и колол тонкой длинной серебряной иголкой. Колол под коленом, если у больного болел живот, от кашля колол в пятку левой ноги. В фанзе «живого бога» висели пучки сухих трав, стены и потолок были расписаны ему одному понятными колдовскими надписями.

В фанзе Ли всегда тлело множество свечей. Ли уверял, что священной силой дыма можно выгнать из земли злые силы. Для этого нужно только одно — зажечь на фанзах в селе, на межах в поле, на колодцах и храмах, в садах и на степных дорожках множество травяных курительных свечек. У самого Ли такие свечи тлели каждый день.

Рассказывали, что когда Ли нужно куда-нибудь поехать, к нему прилетает огненный вихрь.

Староста Фу и ворожей Ли были всегда во всём согласны друг с другом, всегда действовали вместе, как две руки одного хозяина.

Толпа возле фанзы старого Гао Яня не уменьшалась. Соседи собрались, как на спектакль приезжего театра, желанного и недостижимого для бедного села гостя.

— Гао, — спрашивали у юноши, — ты закончил школу в Даньяне, теперь ты поедешь в Нанкин или в Шанхай?

— Я никуда не поеду из Ханьпу, — отвечал Гао, — никуда не поеду. Я остаюсь здесь.

— Гао, — спрашивали снова, — а что же ты будешь делать в Ханьпу?

— Буду учиться дальше.

— Да что вы говорите! — всплеснула руками жена Ли Пина. — Неужели в Ханьпу теперь будет школа?

Гао не ответил ей. Он отыскал глазами, у кого из крестьян привезённая им книга, и сказал:

— Чтобы читать китайскую книгу, нужно переворачивать страницы от левой руки к правой. Листайте наоборот.

— Каким же наукам ты будешь учиться теперь в Ханьпу? — спросил у Гао Ли Пин, и староста Фу сделал шаг вперёд.

Чем дальше, тем больше не нравился старосте молодой Гао. Старосте казалось, что было бы спокойнее, если бы Гао вовсе не появлялся в Ханьпу. Того и гляди начнут у него расспрашивать о коммунистах! Фу молча смотрел на смуглого юношу, на возбуждённые лица крестьян и крепче сжимал рукой свою суковатую палку. Каким наукам Гао будет учиться в Ханьпу?

— Скажи, Гао, — спросил Ли Пин, — а умёшь ли ты считать на пальцах, не запи-

сывая на бумаге? Учили ли тебя в твоей школе искусству шоу-суань цзи¹?

Ли Пин подмигнул Гао одним глазом, как бы говоря: «А ну-ка, посмотрим!»

Жена толкнула его в плечо:

— Молчи, не срамись перед учёным человеком!

Но Ли Пин уже поднял руку, требуя от односельчан внимания:

— Тише! Я спрашиваю Гао, учили ли его в школе считать, не записывая числа на бумаге?

Гао покраснел, оглянулся на отца. Считать, не записывая, он не умел. Старый Янь, подбадривая сына, всплеснул руками:

— Хо! Зато так считать на бумаге, как Гао, никто в школе не умел. Можешь это проверить! Давай, сынок, бумагу!

В Ханьпу было известно, что Ли Пин умеет считать, не записывая цифры. Как удалось ему изучить премудрость шоу-суань цзи, — никто не знал. Но о нём говорили: «Вот если бы Ли Пина учить, из него непременно вышел бы главный звездочёт!»

Ли Пин кашлянул в кулак, смущённо поправил на голове старую шапку и тихо проговорил:

— А что ж! Можно и проверить... Только... судить кто будет?

— Судить, судить! — зашумела толпа. — Кто будет судить?

— Ван! Ван будет судить! — закричала жена Ли Пина.

На щеках её от волнения проступили яркие, точно нарисованные, розовые пятна.

— Хорошо, пусть это будет Ван, — согласился разносчик. — Ван... Кто ещё?

— Арендатор² У, — негромко сказал староста. — У будет судить.

— Хорошо, — кивнул головой Ли Пин, — Ван и У станут возле Гао, а я... — Он обвёл взглядом толпу и решил: — Я буду говорить ответ деду Лю Яо-дуню и Чжан Го-туну. Чжан Го-тун! — прокричал Ли Пин, сложив рупором руки. — Иди сюда!

Через толпу к Ли-Пину, Гао и Яню начал пробираться немолодой высокий крестьянин в старой потрёпанной цао мао³, в покрытой многочисленными заплатами рубашке и безрукавке. С ним, крепко держась за его руку, размазывая по лицу слёзы, шла де-

¹ Шоу-суань цзи — способ счёта на пальцах.

² Арендатор — крестьянин, который по договору за плату получает от помещика землю на определённый срок. Причём арендная плата в старом Китае достигала 30% с урожая.

³ Цао мао — плетёная из соломы островерхая шляпа.

Ответил на этот раз быстрее Ли Пин...

вочка в полинялом, выгоревшем на солнце коротеньком платице и штанишках.

— Доброе утро, Гао, — низко поклонился Чжан Го-тун юноше, — завтракал ли ты сегодня⁴?

— О дядя Чжан! — радостно вскричал Гао. — Здравствуйте! Всё ли хорошо, дядя Чжан?

Чжан Го-тун покачал головой:

— Хорошо, что ты снова дома, Гао! А твой друг Тун Ю, сын мой, пошёл на заработки... Далеко пошёл, давно... вместе с другими парнями... — и Чжан Го-тун, вздохнув, посмотрел на север.

Там, озарённые солнцем, смутно виднелись покрытые молодыми лесами склоны далёких гор. Но Гао вдруг остановил Чжан Го-туна. Он положил руку ему на плечо, как бы предупреждая: «Не надо говорить об этом, дядя Чжан!» И, желая, переменить тему разговора, спросил:

— А наш белый голубь, дядя Чжан, жив он?

Чжан Го-тун вздохнул:

— Приходи вечером... Я тебе всё расскажу, а сейчас...

— А что, дядя Чжан, у тебя беда какая-нибудь?

— Видишь? — указал Чжан Го-тун рукой на девочку. — Иду сейчас с нею... Отвести нужно... в Лицзян, к помещику Чену.

Девочка подняла на Гао полные слёз тёмные глаза и всхлипнула.

Гао неуклюже погладил её по голове:

— Не плачь!

— Я не плачу... — тихо проговорила девочка. — Я не плачу...

— Давай! Давай! — кричали из толпы. — Считать — так считать!

— Хорошо, хорошо! — повторял старый Янь. — Судьи, — распоряжался он, — становитесь двое к Гао, двое к Ли Пину.

Он по-хозяйски взял сына за руку и отвёл на середину двора. Вану и У он велел стать рядом с Гао, затем, прищурив один глаз, начал соображать: куда поставить Ли Пина.

Кольцо вокруг приехавшего сузилось. Каждому хотелось послушать, как Гао будет доказывать свою учёность. Гао и Ли Пин стали друг против друга. Ли Пин спрятал руки в рукава своей рубашки, а Гао вынул листок бумаги.

— Давайте! — закричал Ли Пин. — Говорите, какие числа будем считать!

Некоторое время всё было тихо. Никто не отваживался первым предложить число.

⁴ Китайское приветствие: употребляется вместо «доброе утро».

Но вот староста Фу под-
нялся на цыпочки и
громко сказал:

— 559 841 взять 79 548
раз.

— Ого! — закричали в
толпе. — Такое если и пе-
ремножат, кто проверит?

Староста Фу самодо-
вольно посмотрел на кре-
стьян: поглядим, чья
взъёмёт!

А Гао и Ли Пин уже со-
средоточенно рассчиты-
вали ответ. От первого во-
проса зависело очень
много: уважение и дове-
рие.

Кружили над селом го-
луби, лёгкий ветер шеве-
лил развешенное на забо-
ре тряпье, шуршал по-
желтевшей бумагой, кото-
рой были заклеены окна
фанзы старого Яня.

Гао смотрел прямо пе-
ред собой отсутствующим
взглядом, губы его шеве-
лились, неслышно выго-
варивая слова. А Ли Пин
на пальцах правой руки
мысленно откладывал
единицы и десятки умно-
жаемого числа, на паль-
цах левой руки перемно-
жал сотни и тысячи.

Чтобы не сбиться со
счёта, Гао отрешился на
миг от всего окружающего.
Он говорил себе:
«Будь внимателен и не
торопись!»

Ли Пин, наоборот, свер-
кая крепкими зубами, улыбался жене, которая
не сводила с него глаз, даже приплясывал,
всем своим видом показывая односельчанам,
что ему совсем не трудно считать, не запи-
сывая цифры.

Неожиданно Ли Пин широко развёл руки
и, обняв за плечи обоих своих судей, зашеп-
тал ответ на ухо Чжан Го-туну. Дед Лю Яо-
дунь, хотя и ничего не слышал, кивал го-
ловой:

— Правильно, правильно...

Через мгновение и Гао подал своим судьям
знак приблизиться к нему. Ван и Чжан Го-
тун, глядя друг на друга, громко и отдель-
но произнесли:

— Четыре, четыре и пять, три, четыре и
два, три, один и восемь, и шесть и восемь!

— Сорок четыре миллиарда пятьсот три-
дцать четыре миллиона двести тридцать
одна тысяча восемьсот шестьдесят восемь! —
повторил за ними разносчик Янь. — Ответы
одинаковые! Проверьте!

— 1 468 умножьте на миллион, — слышал-
ся чей-то голос из задних рядов. — Нет, нет,
подожди, Гао! — умолял кто-то другой. —
Раздели 14 255 на...

Староста Фу больше не вмешивался в
спор. Для него уже не оставалось сомнений:
Гао — человек опасный.

А у Гао число получилось не такое, как у Ли Пина.

А крестьяне просили и просили Гао и Ли
Пина делить и множить огромные числа.
Гао и Ли Пин отвечали почти одновремен-
но: то Гао немного опередит Ли Пина, то
Ли Пин опередит Гао.

— Гао, — попросил Янь сына, — давай и я
скажу своё число. Разве напрасно я за тебя
столько платил?

Старый Янь дождался полной тишины, по-
смотрел на небо и прищурил глаза:

— Я вам такое число дам, что целый ме-
сяц его только выговаривать нужно.

Крестьяне удивлялись ловкости Гао и Ли
Пина, никогда не учившегося в школе, а
умевшего считать не хуже Гао. Они с вос-
хищением цокали языками, покачивали го-
ловами, а Фу думал: надо будет и самому
научиться так считать. Для подсчёта дохо-
дов с 700 му земли шоу-суань цзи было бы
очень кстати.

Гао и Ли Пин повернулись к Яню, внима-
тельно выслушали его слова и погрузились
в счёт. Ответил на этот раз быстрее кре-
стьянин Ли Пин, а у Гао число получилось
не такое, как у Ли Пина. Проверили — и
снова у Гао вышло иначе.

— Хо! — радовался Ли Пин. — Хо, давай,
давай проверим ещё раз! Я не учился в
школе, но и не ошибался никогда. Мудрость

народа выше мудрости, которой обучают за плату!

Гао, казалось, готов был заплакать от отчаяния. Но вдруг взгляд его упал на человека, стоявшего недалеко от него, под старой акацией. Человек этот смотрел на Гао смеющимися глазами, как бы говоря: «Ничего, Гао, крепись!» Гао вспыхнул, прикусил нижнюю губу, чтобы удержать радостное восклицание, и, скрывая своё волнение, опустил глаза.

Никто не успел заметить этой коротенькой сценки.

Человек, стоявший под акацией, одетый в обыкновенную синюю стёганку, спокойно переступил с ноги на ногу и отвязал от пояса трубку. Гао покраснел и кивнул незнакомцу. Этого тоже никто не заметил.

Толпа, обсуждая состязание в искусстве шоу-суань цзи и возвращение Гао, громко обмениваясь мнениями, понемногу стала расходиться. Выбрался из толпы и ушёл со своей дочкой Чжан Го-тун. Никем не замеченный ушёл и незнакомец в синем ватнике. Гао проводил его долгим сияющим взглядом.

Какой-то проходивший через Ханьпу носильщик остановился возле Гао, сбросил свою ношу на коромыслах прямо на землю, вытер рукой вспотевший лоб и поинтересовался, что же случилось в Ханьпу. Поговорить с ним решил старый Янь. Он в сотый раз рассказал о том, как дорого стоит учение в городе.

Проходили через Ханьпу двое крестьян, жителей Лицзянсяна — дальнего села. Остановились и они у фанзы старого Яня. Один из них, постарше, с седыми пучочками бровей на загорелом морщинистом лице, снял соломенную шляпу и низко поклонился Гао, а другой, паренёк лет пятнадцати, почти тельно и боязливо взял в руки книгу, привезённую Гао. Он не пытался даже полистать страницы, только ногти его побелели от напряжения: паренёк держал книгу так, будто это была птица и сейчас она выпорхнет из его рук и пропадёт в сияющем весеннем небе.

Разошлись прохожие каждый в свою сторону, и к вечеру весть об учёном Гао, который закончил школу в Дяньяне и умел прекрасно считать на бумаге, долетела до самых дальних сёл. Седобровый крестьянин из Лицзянсяна говорил даже о том, что в честь возвращения сына старый Янь решил отпустить усы. Усы, по древнему обычаю, отец отпускает после того, как его сын женится. Но бедняку выучить сына — дело нелёгкое. Можно и усы себе позволить.

Да, это было чрезвычайное событие: Гао, сын безземельного разносчика — май-май жена — стал гордостью Ханьпу. О нём говорили в течение целого месяца, удивлялись, радовались, завидовали.

А другое событие, которое произошло в Ханьпу в тот же день, было таким обычным, что на него никто не обратил внимания. Только кое-кто из женщин вздыхал, вспоминая своих детей, дочь или сына, да на дороге прохожие сторонились, пережидая, пока пройдут по узенькой каменной тропинке крестьянин с девочкой.

В этот день крестьянин Чжан Го-тун отвёл в соседнее село, к помещику, свою старшую дочку.

Чжан Го-тун арендовал у помещика Чена из соседнего села Лицзяна пять му¹ земли. Два года тому назад он взял у Чена в займы соху и деревянный ящик для посева зерна. Урожай в то лето был плохой, и Чжан Го-тун не сумел вернуть Чену долг — полдана² чумизы. Прошло полгода — долг вырос вдвое, а ещё через год увеличился в десять раз.

Потому что Чен говорил:

— На моих полях за это время каждое зёрнышко принесло десять новых.

А теперь, даже если бы Чжан Го-тун отдал ему весь свой урожай, он не смог бы расплатиться с помещиком. Приходилось навсегда отдавать Чену дочку.

Цзун-Цзунгу плакала. Прохожие горестно вздыхали и покачивали головами, глядя вслед Чжан Го-туну и его девочке.

Прозрачное, ясное небо дышало теплом. Маленькие белые облачка отражались в неглубокой воде рисовых полей. Зеленели всходы; на невысоких валах, разделявших поля, поднималась молоденькая густая травка. Вдалеке синели горы. Над самой землёй кружились ласточки.

Стояла весна — прекраснейшее время года, когда солнце, внимательный и заботливый хозяин, согревает каждый стебелёк, поит теплом самое крошечное зёрнышко, ласкает и нежит всё живое на земле.

Чжан Го-тун шёл и думал. Он думал о том, когда теперь придётся ему видеть свою дочку, о том, как быть без неё дома: маленькая она, а помогала много...

Тревожно, беспокойно было на сердце Чжан Го-туна ещё и потому, что тревожно и беспокойно было на земле. Чжан Го-туну лет было уже много, но он не помнил, когда началась война. Отец Чжан Го-туна, и его дед, и отец его деда всю свою жизнь прожили во время войны, и Чжан Го-тун родился во время войны. Она длилась на протяжении всей его жизни, и до сих пор не видно было ей конца. Чжан Го-тун привык к тому, что ночами ветер пахнет едким дымом пожаров, а на горизонте, как зарницы, вспыхивают алые зарева. Страшными были годы, в которые довелось жить Чжан Го-туну. С того времени, как пришёл к власти Чан Кай-ши, Чжан Го-тун не знал ни одного спокойного дня. Каждая заря приносила с собой новую горе: то прибежит рано утром сосед Ли Пин и взволнованно расскажет об увеличении налога за проезд по мосту через реку, то вдруг арестуют и ушлют на каторжные работы в шахты соседских сыновей. За что?! Пели недозволенную песню, слышанную на базаре в городе. То вдруг помещик Чен втрое повы-

¹ Му — одна шестнадцатая гектара.

² Полдана — около пятидесяти килограммов.

сит арендную плату за землю, и Чжан Готуну остаются только жалкие крохи от собранного урожая.

Так же, как дед, и прадед, и отец его, Чжан Готун верил, что жизнь была бы совсем не такая, как теперь, если бы не «май-го цзей» — люди, которые продают родину.

Когда Чжан Готун был совсем ещё маленьким, отец рассказал ему старинную легенду о май-го цзей.

Много-много лет назад, когда строили Великую Китайскую стену, один старый, мудрый человек наказал строителям: «Делайте Великую стену в шесть саженей высотой и в три сажени шириной, и тогда ни один враг не одолеет нашу страну. Но помните: если хоть на вершок сделаете Великую стену уже или ниже, не будет она иметь той защитной силы, ради которой мы её строим». Однако были среди строителей плохие люди — май-го цзей, изменники, которые ради своих интересов могут продать родину. И подумали май-го цзей:

«А почему бы нам не разбогатеть на строительстве Великой Китайской стены?» Подумали они так и решили по всей длине сделать Великую стену уже на четыре кирпича. Вот почему стена не могла защитить страну от врагов: лезли в Китай все, кому не лень: и англичане, и японцы, и американцы.

Цзун-Цзунгу успела уже устать, бегом поспевая за отцом. Время от времени она спрашивала:

— Далеко ещё идти?

Цзун-Цзунгу не терпелось поскорее дойти до помещичьего двора. Впервые за свою коротенькую жизнь девочка чувствовала себя ответственной за участь всей семьи. Ночью она почти не спала, не в силах дожидаться той волнующей минуты, когда отец поведёт её отрабатывать долг — трудиться. Девочке казалось, что даже самую тяжёлую работу она выполнит хорошо. Теперь их было в семье двое: отец и она. Вдвоём они отвечали за всех...

Но прощанье с матерью, с младшими сестричками и двухлетним братом растревожило чуткое сердце девочки. Ещё и теперь, идя узенькой степной дорожкой, Цзун-Цзунгу вспоминала утро, тихо вздыхала и размазывала по щекам слезинки: маленький Чжан Го-бо ни за что не хотел отпускать Цзун-Цзунгу. Мальчик не понимал, что она уходит навсегда. Он кричал, требуя, чтобы сестрёнка забавляла его, показывая на стене усталую тень ослика...

Чжан Готун, прикрывая рукой глаза, посмотрел на солнце:

— Идём быстрее, дочка! Далеко ещё, а мне сегодня же нужно вернуться домой...

Чжан Готуну было очень жаль девочку. Запылавшись, он едва поспевала за отцом, но не просила его идти медленнее. Чжан Готун хорошо понимал её тревогу и волнение: ведь она шла работать для всей семьи...

Чжан Готун остановился, как бы с интересом разглядывая чужое поле, вытер глаза рукавом своей заплатанной рубашки, чтобы девочка не видела его скучных отцовских слёз. Маленькая фигурка Цзун-Цзунгу отражалась в воде рисовых полей. В руке де-

Цзун-Цзунгу успела уже устать, бегом поспевая за отцом.

вочка несла узелок с едой, который мать дала ей с собой в дорогу.

Цзун-Цзунгу родилась в 1940 году, когда Чжан Готун, раненый, возвратился из гоминдановской армии в Ханьпу. Он сам научил дочку ходить, первое её платьице было переделано из его выгоревшего на солнце, полинявшего под дождями, пропахшего пылью и потом мундира. Девочка начала считать себя взрослой с того дня, как старший сын Чжан Готуна, Тун Ю, ушел из дома.

Цзун-Цзунгу была небольшого роста, тоненькая, молчаливая, с потрескавшимися, огрубевшими от тяжёлой работы худенькими руками. Зимой Цзун-Цзунгу стирала в ледяной воде в проруби Чо жалкие тряпье, служившее одеждой детям, осенью перебирала и чистила картошку, летом нарезала в туманные утра камыши для плетения циновок, весной собирала съедобную траву, подмазывала глиняный пол... Она нянчила младших детей, наравне со взрослыми работала в поле, а когда никто не видел, вынимала из тёмного угла фанзы свою любимую куклу из кукурузного початка.

Цзун-Цзунгу было девять лет.

— Папа, — спрашивала она, — папочка, а скоро я вернусь домой?

— Скоро, Цзун-Цзунгу... — отвечал Чжан Готун и, вздыхая, думал о том, что дочка уже никогда не возвратится.

— Папа, — снова спрашивала девочка, — а если прилетит наш белый голубь или вернётся Тун Ю?

— Тогда я приду и заберу тебя в Ханьпу. Тун Ю, старший сын Чжан Го-туна, вместе с тремя своими товарищами: с внуком деда Лю Яо-дуня, сыном крестьянина Ли Пина и сыном крестьянина У — ушёл из дома.

— Куда и зачем ты идёшь? Кто поможет мне работать? — спрашивал Чжан Го-тун.

— Отец, нужно, чтобы из каждой семьи пошёл один сын. Тогда будет победа! Тогда не будет больше войны на нашей земле.

Чжан Го-тун не поверил сыну. «Кто в силах прекратить войну?» — подумал он. Но слова Тун Ю запали ему в сердце.

Юноши пошли на Север, навстречу армии Мао Цзе-дуна. Это скрывали от всех в деревне, боясь, что узнают староста Фу и «живой бог» Ли Лу-фунь.

Нагретая солнцем, протянулась до самого горизонта тропинка — сяо-чо. По обе стороны её земля была разделена на маленькие прямоугольники крестьянских полей и необозримые помещичьи земли. На пологих холмах зеленела молодая конопля, шелестела широкими листьями кукуруза, тянулся вверх высокий гаолян. Изредка на далёком поле маячил одинокий арендатор, поднимая воду на свой участок, или похаживал по меже надсмотрщик помещика.

Налетал тёплый ветерок, гнал по воде золотую солнечную рябь...

— Ещё далеко, папа? — спрашивала усталая девочка.

— Нет, доченька, — отвечал Чжан Го-тун. — Вон, смотри. — Он показал рукой вперёд: в стороне от каменистой дорожки поднималось над горизонтом большое тёмное строение. — Видишь храм? Теперь уже близко...

Чжан Го-тун невольно замедлял шаги. До Лицзяна, села, в котором жил помещик, от храма, одиноко возвышавшегося на необозримой равнине, нужно было пройти ещё не меньше пяти ли — двух с половиной километров.

Новая батрачка

По обе стороны узкого, длинного стола на полу сидели дети. Стол был низенький, старый, источенный червями.

Под потолком тускло светились сквозь паутину маленькие окна. Жужжали мухи. Воздух был душный, горячий, наполненный рисовой пылью. В открытую дверь виднелся широкий двор, за ним — сад, в зелёной чаще которого похаживали на лепестки гигантских маков пламенели крыши помещичьих строений, крытых черепицей. По двору прогуливался белый петух. Он потчевал кур найденным червяком, галантно расшаркивался перед ними и караулил, пока они ели. Забившись под деревянное крыльцо, спал дворовый пёс, чёрный, с белым пятном на голове. Время от времени в дверь сарая, в котором работали дети, заглядывал надсмотрщик.

— Но-но, не разговаривать у меня! — кричал он и исчезал так же неслышно, как и появлялся.

Дети — три девочки и два мальчика — перебирали помещичий рис. Рис был крупный, чистый, белый. В огромных мешках стоял он вдоль стен сарая. Старшая девочка, Сю Ли, медным тазиком набирала рис, высыпала его на стол; все придвигали к себе по горсти и перебирали. Перебирать нужно было внимательно, чтобы ни одного камешка, ни одной соринки не осталось в рисе. Очищенный рис дети сдвигали на дальний конец стола, и там его высыпал в мешки мальчик, которого звали Шао Янь. В те короткие минуты, когда надсмотрщик отходил в глубь двора, Шао Янь продолжал рассказывать сказку.

Шао Янь был невелик ростом, с тёмными весёлыми глазами. Лицо мальчика вдоль и поперёк было покрыто свежими и зажившими царапинами. Привычным движением руки мальчик поправлял на голове широкополую островерхую шляпу, цао мао. Она у Шао Яня была на редкость стара и огромна. Поля её обтрепались и напоминали крышу старой фанзы.

Сю Ли, девочка лет тринадцати, в пёстром ситцевом платье, и две младшие девочки, в стареньких рубашках и шароварах, внимательно слушали рассказ Шао Яня. Второй мальчик, худенький восьмилетний Ли Ень, всё время следил за надсмотрщиком.

— Идёт, — шептал Ли Ень, когда надсмотрщик приближался к сараю.

Шао Янь умолкал.

Звенели в паузых тенётах мухи, пересыпался в руках сухой рис, большая тень падала из дверей на пол:

— Но-но, поговори у меня!

— Ушёл, — шептал Ли Ень, едва надсмотрщик бесшумно отходил от сарая.

— О чём я говорил? — спрашивал Шао Янь.

— Наводнения были в стране, — в один голос подсказали слушатели.

— Как только приходит весна, заливает водой всю страну, — поправляя шляпу, говорил Шао Янь. — Разливаются реки. Идут и идут дожди. У нас весной три дня подряд дождь идёт и устраивают праздник дождя, а у них три месяца дождь — несчастье три месяца... Три месяца вода стоит на земле. Рыба заводится на полях!

— Рыба! — воскликнула удивлённая Сю Ли.

— Рыба! Самую высокую пагоду¹ заливало водой. Спасались люди на высоких горах, лодки строили, плоты. А неподалёку от этой страны жил морской царь. Могучий он был и хитрый. И умел тот царь морской строить дамбы. Он построил себе такую дамбу, что мог, когда хотел, отводить воду с морского дна и гулять по дну, как по саду. Собирал ракушки, на нитку нанизывал, цветы рвал...

— А там, на морском дне, есть цветы? — спросила Сю Ли.

— Не перебивай, — сказал Шао Янь. — У царя всё есть, что захочет...

— На то он и царь, — сказал Ли Ень и вздохнул.

— Набери рису, — приказал Шао Янь, заметив, что уже кончается набранная миска.

— Говори дальше, — попросила Сю Ли.

— Нет его? — спросил Шао Янь, кивая головой на дверь сарая.

¹ Пагода — храм.

— Не видно...
— Гулял царь по морскому дну... — подсказала Сю Ли.

— Больше всего, — продолжал Шао Янь, — терпели от наводнений и дождей жители города Чжуфу. Девяносто девять раз наводнения разрушали город. Весною было слишком много воды, а летом солнце выпивало воду, и посевы гибли от засухи и жары...

«Как быть? — думали жители города Чжуфу. — Как помочь такой беде?» И надумали: «Давайте попросим морского царя, его морскую милость, пусть научит наших детей строить дамбы. Весной дамба будет сдерживать воду, а летом мы выпустим воду на поля и у нас не будет засухи!»

Шао Янь вздохнул, посмотрел на дверь. Он уже давно, увлечшись сказкой, перестал перебирать рис.

— И вот посылают жители Чжуфу своих стариков к морскому царю...

— Просить, чтобы детей в ученье взял, да? — не утерпела одна из девочек.

— Не перебивай! — сурово сказал Ли Ень.

Шао Янь только кинул на неё красноречивый взгляд.

— Приехали старики к морскому царю. Поклонились низко его морской особе. Так и так, говорят. Выслушал царь стариков, усмехнулся хитро, прищурил один глаз. «Присылайте, — говорит, — ваших детей ко мне в ученье. Я их научу!..» Сказал и страшно так засмеялся. А когда он смеялся, на море буя поднималась...

По двору, к помещицкому дому прошли рабские, неся в плетённых корзинах выстиранное на речке бельё. За ними шёл сам помещик Чен. Толстый, в синем шелковом халате, он, казалось, вынырнул из старинной шао-яневой сказки.

Налетел ветерок, зашумел листьями ветвистой шелковицы, росшей возле сарая, раздал пёрышки на белом петухе...

— Так вот, приезжают старики в город, — продолжал Шао Янь, — рады-радешеньки! Так и так, говорят, согласился царь. И начали строить жители города Чжуфу два корабля. Из самого крепкого дерева были сделаны эти корабли. Поставили на них шелковые паруса. На корабле под голубыми парусами поплыли к морскому царю в науку триста шестьдесят мальчиков. На корабле под розовыми парусами поплыли к морскому царю в науку триста шестьдесят девочек...

— Учиться?

— Учиться. Не перебивай! Плынут они по морю, дивятся царским дамбам. Плынут-плывут, плывут-плывут...

— Плынут, а надсмотрщик идёт! — прошептал Ли Ень и низко склонился над столом.

Старательно перебирали тонкие, ловкие детские пальчики белое крупное зерно, отодвигали в сторону камешки, соринки, просо. Надсмотрщик приблизился к сараю так тихо, что никто даже не услышал шагов, заметили только его большую

тень. Тень легла на пол, потом бесшумно надвинулась на рис, лежавший на столе, заколебалась на мгновение, замерла и исчезла как-то вся сразу.

— Пошёл... — прошептал после короткого молчания Ень.

— Плынут себе корабли, плывут, — уже тише продолжал Шао Янь. — Море тихое, спокойное, блестит, себрежится... — Шао Янь поднял голову и внимательно посмотрел на своих слушателей. — Как вдруг забушевали волны, потемнела вода. Налетел ветер на корабли, рвёт в клочья шелковые паруса...

Шао Янь сдвинул на затылок шляпу. Сю и две младшие девочки, затаив дыхание, смотрели прямо на него. Ли Ень продолговатыми тёмными глазами следил за двором.

— Дунул ветер, затрещало что-то, загудело — пошли корабли на морское дно.

Одна из девочек всхлипнула и вытерла рукавом лицо:

— Утопил!..

В помещицком доме, в гостиной, пробили часы, послышались голоса, смех, и снова, на этот раз по направлению к воротам, прошёл толстый Чен.

Шао Янь придвинул к себе перебранный детьми рис и пересыпал его в мешок.

— Утопил!.. А жители города Чжуфу ждут возвращения из науки своих детей. Одна весна прошла — затопило город водой, крыш не видно. Вторая весна пришла — снова наводнение! А летом — засуха! «Ничего, — говорят жители Чжуфу, — скоро приедут наши дети! Тогда, — говорят, — мы не будем бояться воды».

— Тсс... — прошептал вдруг Ли Ень. — Идёт!

На этот раз надсмотрщик не подкрадывался, как обычно. Он шёл прямо через двор, широко ступая, высоченный, крепкий, одетый в узкие зелёные галифе и меховую безрукавку поверх белой рубашки. Надсмотрщик шёл не один. За ним рысцой бежала девочка. В руках у неё был узелок.

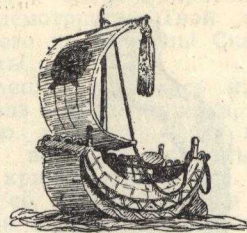
— Перебирать надо так, чтобы никакой сор не попадал в мешки! — говорил на ходу надсмотрщик. — И не вздумай удрать. Удёршь — заберём у твоего отца землю, а самого в рудники сошлём!

— Новенькую ведёт... — прошептала Сю Ли.

Пропуская девочку вперёд, надсмотрщик остановился на пороге:

— Шао, подвинься, покажи ей, как надо работать, — приказал он, — и чтоб не разговаривать мне! Но!

Надсмотрщик требовал полной тишины. Только тогда он был уверен, что всё внимание детей направлено на работу. С плёткой в руке, с маленькими злыми глазами, с чисто выбритой головой, надсмотрщик был верным слугой Чена. Он, как тень, двигался по двору, от многочисленных сараев, в которых работали дети, до сараев, в которых работали взрослые, ловил каждое слово, шёпотом сказанное одним рабочим другому, и выполнял

Пагода

Надсмотрщик был верным слугой Чена.

все приказы Чена с собачьей преданностью.

У Чена всегда работало с полсотни батраков — детей, женщин и мужчин. Плетью выбивал надсмотрщик из людей последние силы. Мужчины и женщины работали на рисовых полях. От постоянного хождения по воде у них распухали ноги, тело их покрывалось страшными, незаживающими язвами. Работники постарше обжигали в сараях глиняную посуду, перебирали и сушили каштаны, растирали кукурузные зёрна в муку. Дети перебирали рис, подмазывали в комнатах глинобитные полы, копали оросительные каналы в саду и в огородах. Детей было много.

Девочка, которую надсмотрщик привёл с собой, боязливо посмотрев ему вслед, села на пол перед столом, натянула на коленки старое коротенькое платьице и посмотрела на Шао Яня пытливыми глазами:

— Что нужно делать?

— Бери рис, — мальчик насыпал перед ней горсточку риса, — перебирай. Где камешек какой, проси или ещё что, — отодвигай в сторону. Мне передавай уже чистый рис, а я его — в мешок. Вот и всё... Сможешь?

Девочка кивнула головой:

— Да, смогу...

— Ты чья? — после некоторого молчания спросила Сю Ли. — Откуда, из какого села?

— Из Ханьпу... Мой отец Чжан Го-тун.

— Не разговаривать! — крикнул надсмотрщик, просунув голову в дверь сарая.

Шао Янь смотрел, как работает новая батрачка. Маленькими руками она ловко придвигала к себе горсти риса, быстро и старательно выбирала мусор и отметала его в сторону. Видно было, что работать она умеет.

— Ты за плату? — спросил у неё Шао Янь.

Цзун-Цзунгу подняла на мальчика грустные глаза:

— За долг...

— А!...

Дети переглянулись между собой. А Цзун-Цзунгу, верно, вспомнив свой дом и свою семью, опустила голову на руки, и худенькие плечи её затряслись от отчаянного, горького плача.

Через узкие, прорезанные под потолком окна пробивался тусклый, как в сумерках, свет. Громко и задорно кукарекал белый петух на дворе, слышалось громыханье посуды на помещицкой кухне. За стеной сарая, в котором работали дети, доили козу. Струйки молока, серебристо звеня, ударяли в ми-

ску; переступая с ноги на ногу, вздыхала коза, и женский голос приговаривал:

— Стой, стой! Спокойно стой!

— Девочка, ты не плачь! — участливо сказала Сю. — Не плачь, не нужно плакать... Мы все так, не ты одна!.. И я, и Ли Ень, и эти две девочки — мы все за долг... У нас только Шао Янь за плату...

Шао Яню было грустно: он очень жалел маленькую новую работницу. Ему хотелось сказать какое-нибудь ласковое слово, успокоить её. Но Шао Янь, умевший лучше всех мальчиков Лицзяна рассказывать сказки, никогда ничего не боявшийся, не смог найти в эту минуту нужного слова. Ему хотелось положить руку на худенькие плечи новой батрачки и спросить: «Как тебя зовут, дочь Чжан Го-туна? Как называли тебя дома твои родители? Скажи нам, и мы тоже будем тебя так называть. Ты будешь среди нас, как в своей родной семье!»

Но вместо этого Шао сказал:

— Знаете, приходите сегодня вечером все к нам. И ты приходи, — добавил он, обращаясь к Цзун-Цзунгу, которая плакала, опустив голову на руки. — Приходи... Я буду рассказывать сказки.

— Расскажи, чем кончилось с дамбой, Шао Янь, кончай сказку, — попросил Ли Ень.

Шао Янь вздохнул, поправил шляпу и заговорил, обращаясь к Цзун-Цзунгу:

— Девочка, ты не плачь!.. Не плачь! Слушай, я без тебя здесь сказку рассказывал...

Цзун-Цзунгу заплакала ещё горше. Вспомнилось ей сегодняшнее утро в родной фанзе и слова матери: «Такая наша доля, Цзун-Цзунгу. Помни только свой дом и имя своё не забывай!»

Цзун-Цзунгу затихла, прислушиваясь к словам Шао Яня.

— Так вот, дальше так было... — заговорил Шао Янь. — Однажды днём, когда жители города Чжуфу работали на берегу моря, волны принесли к ним обломки кораблей. «Что же это за корабли погибли в море?» — думали люди. А волны всё приносили и приносили к берегу обломки.

На одном обломке корабля увидели люди кусок голубого паруса. «Это наши мальчики погибли!» — сказали некоторые из них.

На другой день прибили волны морские к берегу обломки корабля с остатками розового паруса.

— На том корабле были девочки! — покачала головой Сю.

Цзун-Цзунгу вздохнула, поправила на коленях платьице и вытерла ладонью мокрое от слёз личико.

— Утопил морской царь детей! Утопил!..

Глаза Шао Яня потемнели, и в голосе его послышалась угроза:

— Прошло девяносто девять дней. Девяносто девять дней жители города Чжуфу горевали, оплакивали страшную гибель детей, а потом решили отомстить морскому царю. Решили сделать так: собрать всё железо, какое только было в стране...

— Зачем же это? — спросила Сю Ли.

— Не перебивай! Собрали они всё, какое было, железо и отлили из него пушку.

Пушка была такая огромная, что в её жерле спокойно мог ходить самый высокий человек.

Голос Шао Яня окреп, усилился. Теперь мальчик говорил уже не шёпотом, а громко. Ень тоже забыл, что нужно смотреть на дверь.

— Выкатили жители города Чжунфу пушку на берег моря, забили в её жерло огромное-преогромное ядро и выстрелили в замок морского царя, его морского величества. Ядро подняло такую страшную бурю на море, в котором жил морской царь, что он убежал с перепугу в другое море — восточное.

Последние слова сказки Шао Янь договорил полным голосом и поднял глаза: в дверях сарая стоял надсмотрщик. Увлечённые сказкой, дети не заметили, когда и как он появился на пороге. Страшный надсмотрщик стоял, опершись плечом о дверной косяк, и злорадно усмехался. В руке у него трепетала плётка.

— Сказки рассказываете? Так-так!

Все замерли. Ень, который сидел у стола ближе всех к страшной плётке, втянул голову в плечи и затаил дыхание.

— А работать за вас я, что ли, буду? Я или кто?! — слова надсмотрщика, как удары кнута, рассекали тишину. — Встать! Но!

Дети поднялись. Зашатался, никем не подержанный старый стол, перебранный рис посыпался из пол.

— Сказки!.. — надсмотрщик обвёл всех пристальным взглядом и замахнулся плёткой. — Подходи по одному!

Ень не вскрикнул даже, когда плётка обвилась вокруг его плечей. Он только согнулся и побледнел.

Подошла к надсмотрщику, не ожидая, пока он на неё крикнет, Сю Ли; тихо застонала, закусила губу и остановилась у стены сарая, потемнев от боли и обиды.

Две девочки расплакались ещё раньше, чем надсмотрщик к ним приблизился.

Шао Янь принял удар молча, глядя на своего палача с такой ненавистью, что тот ударил его ещё раз:

— Чего уставился, как зверёныш?

Новая батрачка сидела на своём месте, на полу. Она всё ещё не могла понять, что случилось и за какую провинность надсмотрщик бьёт детей.

— Эй, ты! Ты что, к земле приросла?! — закричал на неё надсмотрщик. — Твой отец задолжал, а ты ничего не делаешь! Сказки слушаешь! Но! Встать!

Цзун-Цзунгу медленно поднялась и, не сводя испуганных глаз с надсмотрщика, сделала по направлению к нему один шаг. Никто никогда за всю её коротенькую нелёгкую жизнь не кричал так на неё. Никто никогда не бил её, и девочка ни в чём не была виновата, ни в чём! Она делала то, что ей было приказано: перебирала рис! Разве она плохо его перебирала?

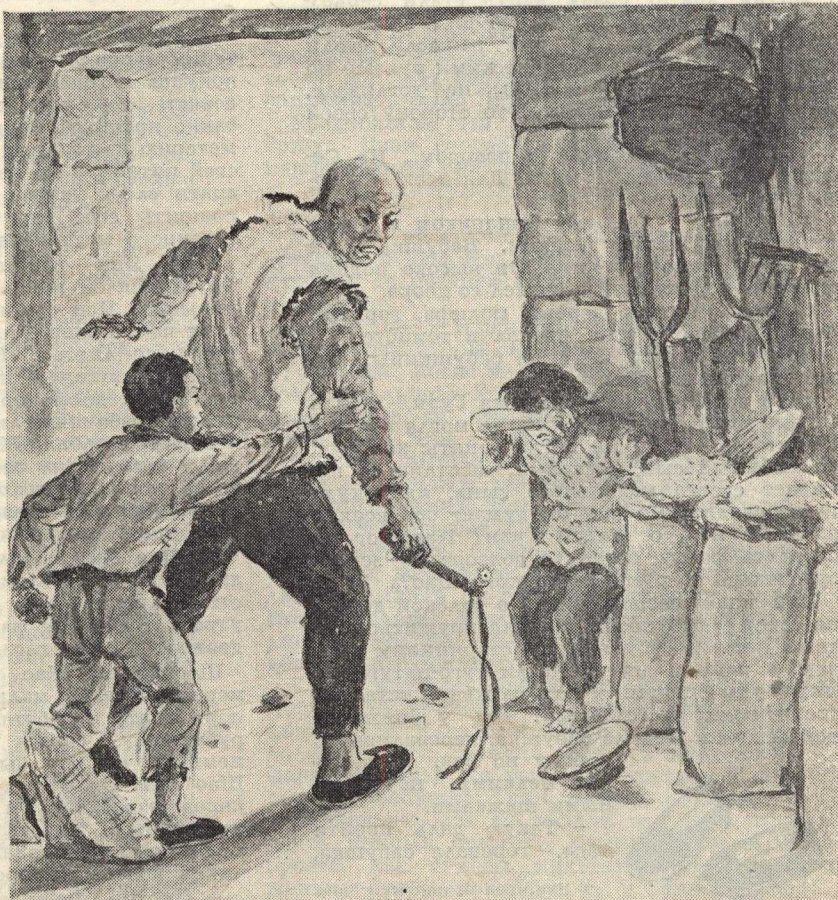
Цзун-Цзунгу сделала ещё один шаг, и страшный вопль разорвал тишину. Плётка из высушенных воловьих жил резнула девочку по лицу.

— Ты что, гулять сюда пришла? Молчать!

Но в тот миг, когда надсмотрщик вторично замахнулся на Цзун-Цзунгу, Шао Янь бросился к нему и схватил его за руку.

— Не смей, не смей бить! — хриплым от волнения голосом выкрикивал мальчик. — Не смей! Я не дам бить, слышишь?

Неожиданное вмешательство Шао Яня сбilo надсмотрщика с толку. Ещё никто никогда не осмеливался так разговаривать с ним. А Шао Янь был у него на хорошем счету: он один из всех детей работал за плату и

— Не смей, не смей бить! — хриплым от волнения голосом выкрикивал Шао Янь.

был уже опытным работником, потому надсмотрщик сделал его старшим.

Надсмотрщик отступил, остановился на пороге, прошипел что-то непонятное и злобное и побежал к помещицкому дому.

— Что же теперь будет, что теперь будет? — шептала Сю Ли.

Бабушка Шао Яня

Шао Янь жил вместе со своей бабушкой. Мать Шао Яня умерла, когда он только родился, а отец и двое старших братьев ушли из дома, едва Шао Яню минул второй год. Это случилось в 1938 году. Через Лицзян проходил один из отрядов будущей Народно-освободительной армии.

Уже много времени прошло с того осеннего вечера, но всегда перед глазами бабушки Гуан — проводы сына и внуков. Только сели ужинать, поднимался пар над похлёбкой, чашитой в миску. Подталкивая друг друга плечами, братья подсаживались поближе к отцу, когда неожиданно в дверь кто-то уверенно постучал.

Бабушка Гуан прислушалась. Стук повторился дважды. Сын её, отец Шао Яня, отодвинул миску, поднялся, отложил в сторону куайцзы¹ и сказал:

— Пора!

Внуки как-то сразу вдруг стали серьёзными, и тогда впервые бабушка Гуан почувствовала, что они уже выросли, стали взрослыми, и поняла: старческими руками не удержать их дома. Поняла: не доглядела, затаили дети от неё какую-то сторону своей жизни.

— Мамочка, мы идём с походом... На Север... Для всех идём, мама! Для всех! — говорили на прощанье сын.

За дверь с красным фонариком в руках стоял незнакомый человек. Бабушке Гуан не было видно его лица. Он высоко поднял фонарик над головой и вышел со двора.

Осветив листья дерева молифа, горячий ответ красного огня пропал в темноте.

Опустела фанза. Спал на бабушкиных руках маленький Шао.

«Для всех, — думала бабушка Гуан, — сын и внуки ушли для всех!» Она не могла понять: как это для всех? Не могла понять: как сын, её любимый сын, ласковый, заботливый, покидает своего маленького сына, идёт куда глаза глядят? Почему он думает обо всех и забыл о ней, о старой Гуан? Как мог он оставить фанзу, оставить полтора му земли, бросить на её руки маленького Шао?..

При одном воспоминании о далёкой дороге на север у бабушки начинала кружиться голова: ноги у бабушки, по старинному обычаю, в раннем детстве были туго-натуго забинтованы бинтами и на всю жизнь остались крохотными и слабыми, как у пятилетней девочки. Ходила бабушка, переваливаясь с боку на бок, по-утиному, мелкими, неуверенными шажками.

— Такую даль пройти надо, — горевала бабушка,

¹ Куайцзы — палочки для еды, которые заменяют в Китае ложки и вилки.

вспоминая своего сына и внуков, — такую даль! Мне за село трудно выйти, а они на далёкий Север пошли!

И думала, что это за Север такой и почему разговаривают о нём шепотом.

Бабушка Гуан должна была заменить Шао и отца и мать. Она, как могла, скрашивала мальчику жизнь: ласковым словом и нежностью, лишней мисочкой жиденькой похлёбки, сказками. Сказки Шао Янь любил слушать и рассказывал сам, за это уважали его все, даже самые сильные мальчики Лицзяна. Шао Янь никого и ничего не боялся, любил меряться силой и всегда ходил со свежими и заживающими царапинами: не мог успокоиться до тех пор, пока не побеждал своего противника если не силой, так хитростью.

От того, что часто приходилось бороться с мальчиками абами, на лбу у Шао Яня появился даже какой-то нарост. Мальчик трогал его рукой и задумчиво говорил:

— Рога растут... или мозоль такой...

Впрочем, он не беспокоился: у японского солдата, завезшего в Лицзян этот способ борьбы, на лбу как будто камень образовался: так затвердел его лоб.

Бабушка вырастила мальчика, выкормила, и теперь они жили в маленькой фанзе на одной из окраин села Лицзян. Шао Янь работал у помещика Чена, зарабатывая кое-что на пропитание, а бабушка шила из материи тапочки — се. Весь бедный люд села покупал у бабушки се. Она делала их на совесть, двух пар хватало человеку на год: такие прочные! Верх бабушка шила, сложив материю в три слоя и прошив её самой толстой ниткой, а на подметку не жалела пятнадцати слоёв ткани. К тому же каждый мог подшить себе ещё одну подметку из собственного материала.

Шао Яню работать приходилось много. Трудиться он начал с трёх лет. Трёхлетним мальшей Чен — самый богатый из лицзянских помещиков — нанимал за еду растирать табачные листья. Под плетёной из лозы крышей, похожей на огромную, перевёрнутую вверх дном корзину, работали малыши. Связки табачных листьев сохли на вбитых в землю столбах. Жёлтые сухие листья лежали кучами на земле. В воздухе под навесом носились золотые пылинки, от них у детей краснели глаза. Трудно было дышать, дети часто чихали.

У Шао Яня остались в памяти от тех дней только огромные листья, которые хрустели, крошились в руках, и воспоминание: утром и вечером за работу дадут поест — дважды в день гаоляновая похлёбка.

Шести лет Шао Янь заработал первую мерку проса. У мальчика не было сумки — пересыпать заработанное. Он снял с себя рубашечку, связал рукава. Проса было немного, но оно было драгоценностью для Шао Яня. Он обегал всё село, похвалился и перед взрослыми и перед одноклассниками, и нужно было видеть сияющие счастьем его глаза, когда он давал кому-нибудь из мальчиков поддержать просо.

— Смотри, не рассыпь у меня! — предупреждал он сурово.

Бабушка Гуан, со двора заметив внука, вышла встретить его.

— Бабушка! — ещё издали кричал Шао Янь. — Посмотрите! — и делал вид, будто ему очень тяжело нести.

Бабушка Гуан только вздохнула да подумала: если бы мать, если бы отец увидели Шао Яня в эту минуту!

Когда Шао Яню исполнилось семь лет, Чен нанял его перебирать рис и заплатил ему полмешка риса за целый год работы: мальчик трудился с рассвета до темноты, с восхода солнца до глубокой ночи. С восьми лет он был носильщиком, пахарем, он сажал и полол вместе с женщинами овощи, чистил на кухне посуду, ухаживал за деревьями в саду, носил воду, стирал на речке одеяла помещика, копал оросительные каналы в поле, подметал двор. Он выполнял всевозможные работы наравне со взрослыми, но получал гораздо меньше. Расплатившись со взрослыми работниками, надсмотрщик Чена начинал расчёт с детьми. Делалось это так: если мальш был надсмотрщику по поясу, то он получал половину платы взрослого, если ниже, — третью часть. Надсмотрщик был высокого роста, и редко кто-нибудь из девочек и мальчиков приходился ему по поясу. Шао Янь, едва достигавший надсмотрщику до живота, получал третью часть того, что ему следовало.

— Разве он смеет так делать? — возмущался мальчик, возвращаясь домой. — Я ведь работал, как взрослые!

— Не кричи, Шао Янь! — успокаивала бабушка. — Ты, может быть, не заметил, что сделал меньше? Он надсмотрщик, у него глаз зоркий. Тебе кажется, что ты много сделал, а он видел, что меньше, чем надо...

Но бабушка говорила так только потому, что боялась: услышит надсмотрщик и совсем не возьмёт на работу. А на один бабушкин заработок не проживёшь...

В летние сумерки фанза бабушки Гуан наполнялась детскими голосами, шумом, смехом. Со всего села собирались к ней дети. В короткие часы отдыха дети забывали все свои невзгоды, играли на небольшом, чистеньком дворе, а когда темнело, собирались в фанзе и ожидали возвращения с работы Шао Яня. Шао Янь рассказывал сказки, и каждый раз новые. Были среди них бабушкины, но много было и таких, каких никто никогда не слышал: это были сказки, которые Шао Янь придумывал сам.

Бабушка Гуан минуты не сидела спокойно: то у соседки заболел ребёнок — бабушка купает его в травяных настоях; то у Чуня лишай появился — лечит. Всегда голодный Ли Ень часто прибегал к бабушке Гуан: хоть глоток, а получит или каши или похлёбки!

У бабушки и у Шао Яня не было друг от друга никаких тайн, между ними было полное доверие. Если бы нужно было, Гуан умерла бы, а защитила бы Шао Яня от беды. И у мальчика никого дороже, чем бабушка, не было. Говорить об отце и братьях Шао они могли только между собой, и это ещё больше укрепляло дружбу.

Но однажды, это было весной, вскоре после

праздника Нового года, Шао Янь, возвращаясь из Чо с базара, попросил:

— Бабушка, спрячьте вот этот свёрточек. Только чтобы никто не знал...

Фанза

В свёртке были бумаги — много сотен одинаковых листочков.

— Что это? Откуда ты взял? — спросила бабушка Гуан. — Кто дал тебе?

Но Шао Янь тогда ничего не рассказал бабушке, только, посмотрев ей в глаза, прошептал:

— Не сегодня, бабушка... — и она больше не расспрашивала его ни о чём.

Через день Шао Янь взял у неё листочки, и они появились вскоре на всех заборах села...

В тот день, когда надсмотрщик привёл в сарай новую девочку, бабушка была особенно беспокойна: утром на всех заборах, на всех фанзах села снова появились листочки с непонятными для бабушки Гуан иероглифами и с рисунками, которые даже ей, неграмотной, были понятны: на листочках был нарисован Чан Кай-ши, которого держал в руке человек, окутанный американским флагом. На других листочках был нарисован старый лис с облезлым хвостом и тоже с лицом Чан Кай-ши. В селе было тревожно, крестьяне негромко разговаривали между собой, а о чём, бабушка Гуан не знала. Расспрашивать было неудобно и страшно.

Убедившись, что её никто не видит, бабушка Гуан сорвала с забора листочек с нарисованным на нём Чан Кай-ши-лисом и, зажав в кулаке, принесла рисунок в фанзу.

Бабушке не с кем было поделиться своей тревогой, а Шао Янь, как на грех, ушёл рано утром и до поздней ночи не являлся домой с работы.

— Где он? — сердилась бабушка и сама себе отвечала: — И чего ты, старая, хочешь от ребёнка? Разве не знаешь, как тяжело работает мальчик! Хотя бы не случилось ничего такого, за что надсмотрщик мог выгнать Шао Яня с работы...

Бабушка вышла из фанзы и опустила за собой старенькую занавеску на двери.

Тихий и ясный плыл по тёмному небу месяц. В заклеенных бумагой окнах соседних фанз светились бледные вечерние огоньки. С улицы доносились негромкие разговоры: люди отдыхали от работы и дневной жары. Порой налетал тёплый ветерок, шелестел в листьях молифы, росшей возле ворот, нежно касался бабушкиного лба...

Давно началась бабушкина жизнь, но не могла она припомнить и двух счастливых дней в ней. Казалось бабушке, что и не жила она совсем, а точно вошла в одну дверь фанзы и сразу же вышла в другую. С шести лет бабушка Гуан начала работать, в четырнадцать лет её выдали замуж, в тридцать пришла старость. Судьба Гуан была проста, как судьбы миллионов китайских женщин-крестьянок. Если бы у Гуан спросили: «Чего больше всего ты видела на земле?» — она бы ответила: «Неправды». Неправ-

дой отняли у её родителей помещик и староста землю, неправдой разогнали по свету её семью, нечестно платил надсмотрщик её внуку.

Спокойно в тёмной глубине неба мерцали звёзды. Стояла бабушка Гуан у своей фанзы, старенькая, сгорбленная, с седыми волосами, заложёнными в маленький узелок на макушке, в стареньком, с большой заплатой на плечах платье, стояла и думала. Думала о своём сыне, о своём внуке Шао Яне; какая у него будет жизнь?

Точно на крыльях ветра прилетали в село вести о далёкой армии Мао, о славных её делах. Не знала бабушка Гуан, живы ли её сын и внуки — отец и старшие братья Шао Яня. Десять лет уже они на Севере. Ушли на Север бороться с неправдой! Победить неправду! Приходили от них люди, говорили: живы, здоровы... А где они теперь?

Бабушка Гуан снова вошла в комнату и села за работу, поближе к слабенькому огоньку коптилки. Нужно было шить, но руки не поднимались. Где же так долго задержался Шао Янь?

Шао Янь пришёл, когда бабушка Гуан, глядя на угасающий фитилёк, решила: «Догорит фитилёк — пойду узнавать, где внук и что с ним случилось!» Но вдруг, неожиданно подняв голову, увидела перед собой Шао Яня. Он вошёл совсем неслышно, рубашка была окровавлена. Шляпу он держал в руке и смотрел на бабушку Гуан неподвижными тёмными глазами.

— Что случилось, Шао? — опуская руки на колени, только и смогла спросить бабушка.

Волнение перехватило её дыхание.

— Я пришёл не один, бабушка, — поспешно сказал Шао Янь. — Со мной Сю, Ень и новая девочка из Ханьпу... Они голодны...

Бабушка Гуан отложила трясущимися руками свою работу.

— Что с тобой, Шао? Кто тебя так?

— Бабушка, не волнуйся... Он не выгонит меня с работы... Завтра я пойду с носильщиками в Чо... на рынок...

— Кто не выгонит? За что тебя гнать?

Сердце бабушки Гуан болезненно сжалось. Не узнал ли помещик об отце и братьях Шао Яня? Какую беду пережил сегодня её внук? Она растеряннo, неуверенной походкой подошла к коптилке, поправила фитилёк, достала с полочки миску с кашей, развернула укутанный в одеяло чайник с тёплой водой.

— Шао Янь, — просила она, — расскажи мне всё, мальчик мой, не скрывай ничего...

В фанзу вошли Сю Ли, Ли Ень и Цзун-Цзунгу. Они нерешительно остановились в дверях, молчаливые, измученные, изнурённые. У девочек лица были заплаканы. Цзун-Цзунгу смотрела на бабушку глазами, полными слёз. Щека Цзун-Цзунгу, рассечённая плёткой надсмотрщика, вспухла и посинела. Бабушка схватилась обеими руками за голову, заохала, засуетилась ещё больше, налила в чугунок холодной воды.

— Умойся, Сю!.. И вы умойтесь, Ень, и ты, девочка!.. Это вы только с работы! Маленькие вы мои!

Бабушка Гуан прикладывала к щеке Цзун-Цзунгу смоченное в холодной воде полотен-

це, растирала плечи Еню и утешала Сю, которая вдруг, забившись в тёмный уголок, расплакалась горько и безутешно.

— Бабушка, если бы вы знали! — плакала Сю. — Если бы вы знали!.. Мы перебирали рис... А надсмотрщик подслушал сказку... и всех... побил всех...

— Шао Янь заступился за Цзун-Цзунгу, — объяснил Ли Ень.

— Я сказал ему, что он не смеет её бить. Она ни в чём не виновата... Её за долг сегодня только привели к Чену... — Шао Янь остановился посреди фанзы и сжал кулаки. — А он и её побил...

— А потом побежал жаловаться самому Чену... — рассказывала, глотая слёзы, Сю Ли.

— Чену? — ужаснулась бабушка Гуан. — Ой-ай-ай! Шао, я ведь говорила тебе, что нельзя сердить надсмотрщика!

— Чен велел или выгнать Шао и никогда больше не нанимать на работу или побить! — перебивая друг друга, рассказывали Сю Ли и Ли Ень.

— Горе моё! — всплеснула руками бабушка. — Я согласился... — угрюмо и сурово сказал Шао Янь. — Согласился, чтобы надсмотрщик меня побил... Я не кричал совсем... Ни разу не крикнул...

Бабушка Гуан остановилась перед внуком и посмотрела ему в глаза.

— Я же знаю, что нельзя потерять работу, — просто добавил Шао Янь.

— Шао... — прошептала бабушка и умолкла. Что могла она сказать внуку? Он всё понимал сам.

Бабушка заботливо помогла Шао Яню снять рубашку и взяла у него из рук полотенце.

— Что делать, бабушка! — улыбнулся ей Шао Янь. — Он бы просто выгнал меня с работы... и всё равно побил бы...

Дети уселись на ещё тёплом кане, и Шао Янь гостеприимно сказал Цзун-Цзунгу:

— Садись, ты ведь тоже хочешь есть... вот каша. Ешь вместе с нами.

Цзун-Цзунгу очень изменилась за этот бесконечно длинный, страшный день. Глаза её запали, лицо как-то сразу похудело. Боле-ли натруженные за день руки, подушечки на пальцах опухли и занемели, от долгого сидения ломило поясницу, от каждого поворота головы ныла шея, огнём горела рассечённая плёткой щека. Цзун-Цзунгу казалось, что не будет конца этому ужасному дню. Казалось, навсегда ушло из жизни всё родное, ласковое, нежное, и не было сил раскрыть запекшиеся от жажды губы.

— Если бы можно было сделать так, чтобы всем вместе убежать!

Кто сказал эти слова? Шао Янь? Или, может быть, Сю Ли? И можно ли убежать? Куда? Всюду плётка и страшная фигура помещичьего надсмотрщика. Цзун-Цзунгу прислонилась головой к стене и закрыла глаза.

— Что ты говоришь, Шао? — недовольно сказала бабушка Гуан. Она боялась таких разговоров, боялась за своего внука.

— Ты, Шао Янь, говоришь — наступит время, когда Чену придётся удирать. Так-то оно так, но ведь ты не знаешь, когда наступит это время... Вот, дети, послушайте. Давно это было. Царствовал тогда в Китае царь Чжу Ли-бо. Царствовал он, и страшно стало ему,

задумался он: когда умирать придётся? А жил в одном селе Хон Те-гун — мудрый человек. Позвал его Чжу Ли-бо, спрашивает: «Скажи мне, Хон Те-гун, долго ли я и мой род будем царствовать?»

Хон Те-гун и говорит: «А что, царь, есть у тебя воз на четырёх колёсах?» «Нет, — отвечает Чжу Ли-бо, — но я сейчас вею сделать». А до того времени в Китае никто, даже сам царь, не имел права делать телеги на четырёх колёсах. На двух, на трёх, на одном колесе ездили люди.

— Теперь тоже есть такие возочки, на одном и на двух колёсах, — сказала Сю Ли.

— Есть, есть! — подтвердила бабушка Гуан. — Так вот, сделали царю Чжу Ли-бо воз, новый, из сырого дерева. Большой воз был, тяжёлый. Обошёл вокруг того воза Хон Те-гун, со всех сторон осмотрел его, потрогал рукой и говорит царю: «Давай, царь, я тебя запрягу в воз!» Удивился Чжу Ли-бо, но согласился. Запряг его Хон Те-гун, сам сел на воз, взял в руки кнут и кричит: «Вези!»

Везёт царь. Воз тяжёлый, из нового сырого дерева. На четырёх колёсах. Вспотел царь, спрашивает: «Хон Те-гун, далеко ещё везти?» «Вези, вези!» — приказывает Хон Те-гун и помахивает кнутом. Запыхался Чжу Ли-бо, выбился из сил, провёз Хон Те-гуна на восемьсот восемь шагов, упал: не может больше тянуть воз.

Хон Те-гун и говорит царю: «Спрашивал ты у меня, сколько лет будет царствовать твой царский род. Провёз ты меня восемьсот восемь шагов — будешь царствовать восемьсот восемь лет». «Ой! — закричал царь. — Если так, то давай я тебя ещё хоть немного провезу!»

Цзун-Цзунгу не слышала последних слов бабушки. Перед девочкой вставал весь день, первый день среди чужих. И такой милой, такой уютной представилась ей бедная отцовская фанза под старой крышей, таким тёплым казался кан. Цзун-Цзунгу снова закрыла глаза, чувствуя, что заплачет неутешно и беспомощно, как днём. Ханьпу! Не очень оно и далеко, родное село. Оно совсем недалеко. Можно добежать до фанзы, посмотреть на отца, на мать.

«Нет, — сказал Хон Те-гун, — продолжала бабушка Гуан, — нельзя больше». С тех пор и ездили цари на четырёх колёсах, а простые люди на трёх, на двух и одном колесе.

Бабушка Гуан снова села за работу, поближе к огоньку копилки.

А вспомнила я всё это затем, чтобы знали вы: скоро кончатся эти восемьсот восемь лет... Не будут больше угнетать народ!

— Ай, да бабушка! Ай, да молодец! — слышалась вдруг чей-то голос.

Бабушка Гуан от неожиданности вздрогнула. Из двери на середину фанзы вышел человек в накинута на плечи синем ватнике. В руках у него была незажжённая трубка.

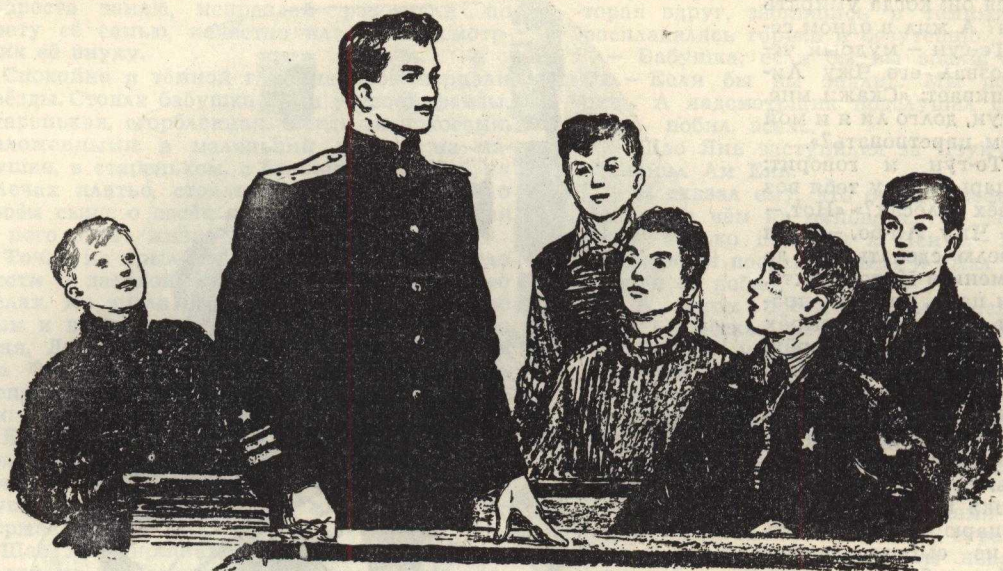
— Я стоял у двери и слушал бабушку, — заговорил гость. — Одно надо знать, бабушка, — добавил он, помолчав, — что те восемьсот восемь лет, о которых вы рассказывали, закончатся тогда, когда этого захочет народ. Когда мы этого захотим.

Гость сбросил ватник на кан, присел к столу. Теперь Цзун-Цзунгу ясно видела его лицо.

— Син-старший, вы, наверно, голодны? — спросил Шао Янь.

Цзун-Цзунгу неслышно соскочила с кана, никем не замеченная переступила порог фанзы и, уже ни о чём больше не думая, сделала первый шаг в темноту ночи.

(Продолжение в следующем номере.)

КАПИТАН

М. Львовский

Рисунки Ф. Лемкула

Он пришёл к нам на сбор отряда,
Стены классные оглядел
И за парту со мною рядом
На свободное место сел.

Мы украдкой за ним следили —
Дальних странствий искали след,
Но сначала не находили
В нём особых, «морских» примет.

Вот он молча, кивнув вожатой,
Стал рассматривать мой пенал,
Наши лозунги и плакаты
Все внимательно прочитал.

Вот, на классной доске заметив
Вереницу простых дробей,
Улыбнулся, как будто встретил
Очень давних своих друзей.

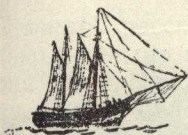
Класс решил, что похож он мало
На отважного моряка,
Нам не верилось, что к штурвалу
Прикасалась его рука.

И, конечно, совсем другого
Ждали гостя мы в этот раз,
Только кортик да китель новый
Утешали немного нас.

Но когда он о Чёрном море
И о флоте рассказ повёл,
Словно палуба на линкоре,
Закачался под нами пол.

Стала узенькою полоской
Удаляющаяся земля,
Заслонив глаза по-матросски,
Мы глядели в даль с корабля.

Вырастая перед линкором,
Волны с грохотом били в борт...
...Показалось нам, слишком скоро
Капитан возвратился в порт.

Тишина наступила в классе.
Мы молчали, и он молчал...
Вдруг учитель промолвил: — Вася!
И моряк почему-то встал.

— Не на той ли сидел ты парте,
На которой сидишь сейчас,
И не к этой ли самой карте
Вызывал я тебя не раз?

Позабыл ты сказать ребятам,
Кто был лучший мой ученик,
Что ж, похвастайся аттестатом,
Хоть ты хвастаться не привык.

Что тут было!.. Как будто снова
В классе ветер забушевал...
Может, гость наш в морях суровых
Не такие ветра встречал,

Но на сборах ещё ни разу
Мы не хлопали громко так...
И навытяжку перед классом
Черноморский стоял моряк.

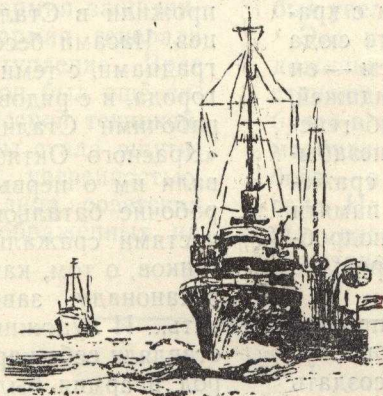
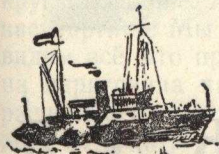
Наконец отшумела буря,
Капитан оглядел отряд,
И, лукаво глаза прищуря,
Вынул школьный свой аттестат.

Прикоснуться к нему руками
Каждый тотчас же захотел;
И по партам, как над волнами,
Белой чайкой он полетел,

Как предвестник больших открытий,
Как примета больших побед...
И сказал нам тогда учитель,
Словно мыслям моим в ответ:

— Пусть вот этот листок желанный
Достаётся не так легко,
Но зато ведь до океана
С ним, пожалуй, недалеко,

До Урала и до Памира,
До днепровских и волжских вод,
Где священную вахту мира
Неустанно несёт народ.

Фрагмент панорамы «Сталинградская битва».

СТАЛИНГРАДСКАЯ ПАНОРАМА

Ю. Новикова

На Мамаевом кургане царит безмолвие. Ветер колышет снег, вокруг широко раскинулись степные просторы. Для постороннего взгляда это обычный холм с красивым видом на город. Но придите сюда вместе с коренным сталинградцем — он разыщет здесь следы старых блиндажей, покажет «пятак», где стоял штаб генерала Чуйкова, и вспомнит о днях незабываемых сражений. И хотя об этих сражениях написаны толстые книги, в памяти людей всегда найдётся новая подробность, которая внезапно озарит прошлое ярким светом.

В поисках этих подробностей и приехала в Сталинград группа художников Студии имени Грекова, задумавшая создать художественный памятник тех лет —

сталинградскую панораму. Художники А. Горпенко, П. Жигимонт, Г. Марченко, Н. Андрияка, В. Кузнецов и Б. Николаев прожили в Сталинграде несколько месяцев. Часами беседовали они со сталинградцами, с теми, кто руководил обороной города, и с рядовыми участниками боёв — рабочими Сталинградского тракторного, «Красного Октября». Рабочие рассказывали им о первых днях обороны, когда рабочие батальоны вместе с воинскими частями сражались против фашистских танков, о том, как, несмотря на бомбёжку и канонаду, заводы продолжали работать... И художники всё отчётливее представляли себе картину тех дней, когда народ и армия были охвачены единым патристическим порывом.

Сталинград! В этом городе решался не только исход войны, но и судьбы всего мира.

О многом рассказывали художникам не только люди, но и вещи. Вот стоит танк, броня его пробита в нескольких местах... И художники — сами бывшие фронтовики, хорошо знакомые с боевой обстановкой, мысленно воспроизводят детали героического единоборства наших бойцов с вражеским танком, рисуют в воображении фигуры красноармейцев, подробности обстановки. А вот остатки пепелища... Каким он был, этот сожжённый домик, стоявший в самой гуще сражения?

Художники делали сотни набросков, рисунков, этюдов. С особой тщательностью изучали они облик самого города, пейзажи, улицы. Они писали не только те места, которые предстояло изобразить на панораме, но и множество других уголков Сталинграда. Это помогло глубоко прочувствовать характер города, воспроизвести обстановку того времени. Так собирали художники материалы к сталинградской панораме.

Что же такое панорама? В переводе с греческого это слово обозначает: «Я вижу всё...» Представьте себе, что мы вошли в круглое здание. Мы — в центре, а вокруг нас картина. Мы точно стоим на холме и видим всё, что происходит вокруг. Картина нарисована на полотне, а предметы, расположенные ближе к нам, мы даже можем потрогать руками: они вылеплены из папье-маше. В сталинградской панораме из папье-маше сделаны надолбы, воронки, орудия. Всё очень похоже на правду, и зритель как будто переносится в прошлое. Он как бы стоит на Мамаевом кургане и своими глазами наблюдает бой, разыгравшийся 16—17 января 1943 года.

В январе, выполняя гениальный план товарища Сталина, Сталинградский фронт сомкнулся с Донским, и армия защитников Сталинграда — 62-я армия генерала Чуйкова — перешла в наступление... Враг отчаянно сопротивлялся, он был ещё силен и вооружён первоклассной техникой. Но близость нашей победы стала ощутимой, как никогда. Силой, уверенностью, воодушевлением дышат лица советских бойцов и командиров, изображённых на панораме.

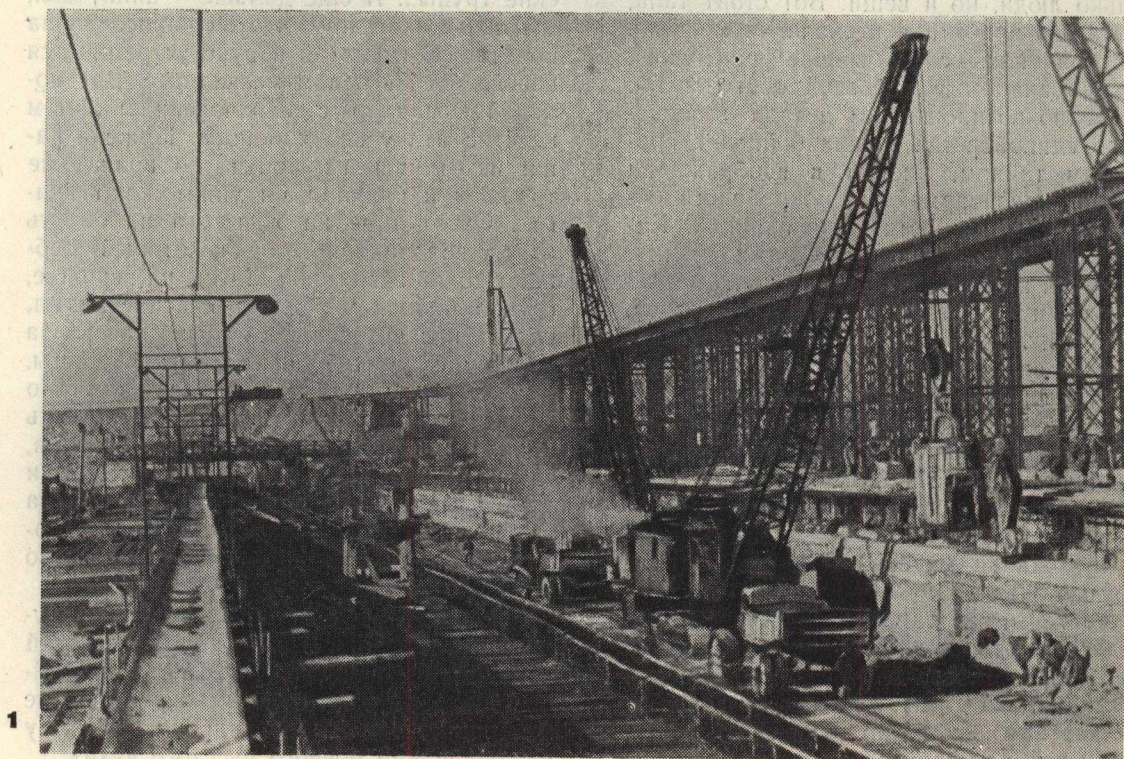
Итак, представим себе, что мы с вами взошли на Мамаев курган... У наших ног — воронки, вырытые снарядами, надолбы, несколько далее — орудия, вражеские трупы... А ещё дальше — кипит бой, мы почти забываем, что он нарисован на полотне. С гранатой в руке устремляется вперёд боец в белом маскхалате. Вот молодой командир с вдохновенным лицом ведёт в атаку своих бойцов. Ниже — наши пехотинцы ворвались во вражеские траншеи и прикладами уничтожают врага... Схватка не на жизнь, а на смерть идёт у водонапорного бака, который снабжает водой весь город. Здесь, на вершине, группа бойцов укрепляет красное знамя, часть красноармейцев устремилась за холм: оттуда ещё не выбиты фашисты. Отчаянно работает миномёт, всё окутано чёрным дымом сражения. Если взглянуть налево, где по балке тянутся наши войска, там враг уже разбит... А вокруг улицы и дома Сталинграда, полоса Волги, корпуса Сталинградского тракторного, «Красного Октября» — заводов, сыгравших такую большую роль в обороне города...

С удивительной силой воспроизвели художники и детали обстановки и всеобщий могучий порыв, боевой дух советского войска. Недаром один из посетителей в книге отзывов назвал сталинградскую панораму «воплощением боевого русского духа».

Панорама была недавно выставлена в Сталинграде, в кинотеатре «Победа». Там побывали тысячи зрителей, две толстые книги заполнены отзывами, выражающими восхищение и благодарность художникам — авторам панорамы. Участники боёв восхищаются прекрасным и правдивым изображением событий, ребята-школьники благодарят художников за то, что они помогли им ознакомиться со славным прошлым. И лишь одно пожелание выражают почти все зрители: чтобы размер панорамы был увеличен.

Это пожелание будет выполнено. Художники Студии имени Грекова уже приступают к работе над панорамой, которая будет в пять раз больше первой. Панорама будет установлена на месте великих боёв — в Сталинграде, на Мамаевом кургане. На обложке этого номера журнала вы видите сталинградских пионеров, осматривающих панораму.

ВОЛГА ВСТРЕЧАЕТСЯ С ДОНОМ

Под Сталинградом, в низовьях великой русской реки Волги, начинаются бескрайние степи. Смотришь на них с древнего кургана и видишь вокруг плоскую заснеженную равнину, которой, кажется, нет ни конца, ни края...

Издавна эти прикаспийские степи страдали от жестоких песчаных бурь, зноя и жажды. В летнюю пору над ковылями пролетали «азиатские» суховеи; словно из раскалённой печи лился всё испепеляющий жар; земля трескалась, пересыхали родники, выгорали хлеба и травы... Из века в век страдали земледельцы. Давно мечтали люди о том, как бы напоить волжской водой степную землю.

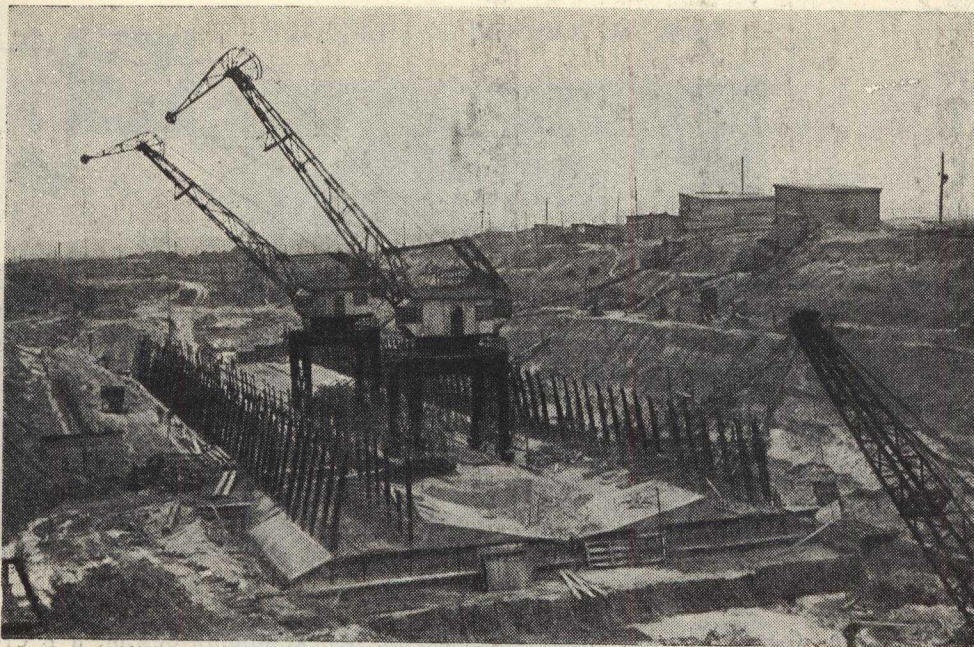
Передовые русские люди мечтали соединить большим каналом Волгу с тихим Доном. Ещё при Петре I пробовали проложить такой канал. С XVIII века до Великой Октябрьской социалистической революции было разработано много всевозможных проектов соединения Волги с Доном. Но в старой, царской России подобная работа была невыполнима.

И только при советской власти оказа-

лось возможным такое гигантское преобразование природы. С энтузиазмом осуществляют советские люди гениальный сталинский план реконструкции и строительства судоходных путей, соединяющих Белое, Балтийское и Каспийское моря с Азовским и Чёрным. Давно построены гигантские каналы — Беломорско-Балтийский имени Сталина и канал имени Москвы. Сейчас сооружается огромный канал Волга — Дон. Длина его — 101 километр, а весь новый водный путь от Сталинграда до Ростова-на-Дону будет равен 540 километрам.

Волго-Донской канал не только новый судоходный путь. От водной магистрали разойдутся в разные стороны оросительные и распределительные каналы. Они напоят водой огромные пространства степей Сталинградской и Ростовской областей. И там, где бушевали песчаные бури, где мёртвой была земля, вырастут сады, люди будут собирать богатые урожаи пшеницы, хлопчатника и риса.

Мощные гидростанции дадут электричество. На Цимлянском водохранилище

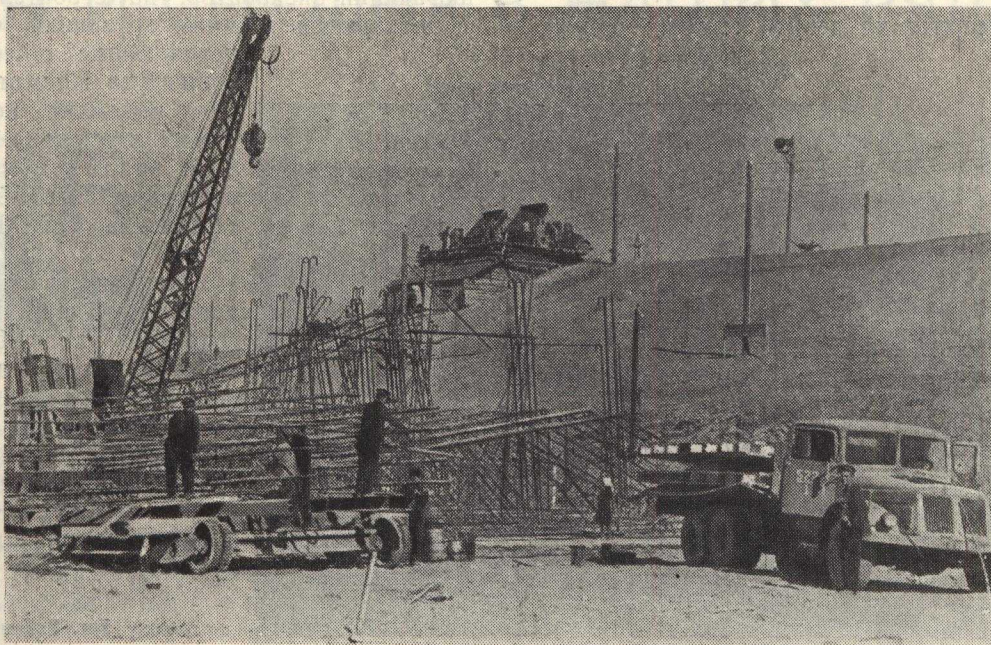
2

этом своеобразном «море» в низовьях Дона, уже строятся порты и пристани. В степях прокладываются дороги, возводятся города.

Канал Волга — Дон будет построен в 1951 году — на два года раньше, чем было предусмотрено первоначальным планом, — и весной 1952 года, когда растают

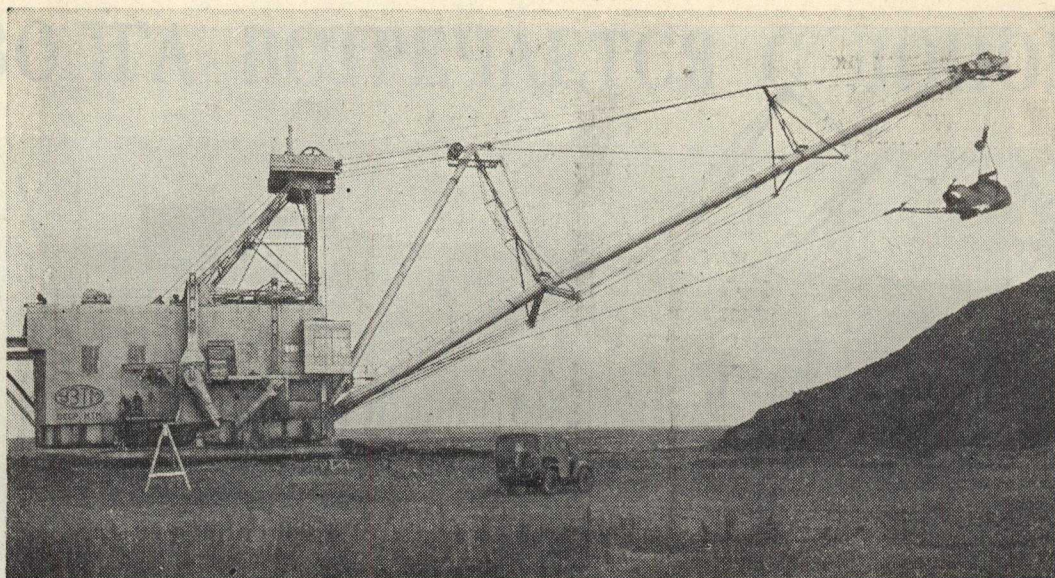
снега и льды, в степях повстречаются волжские воды с тихим Доном. Скоро можно будет без единой пересадки проехать на комфортабельном теплоходе из Москвы в... Сочи. Москва становится портом пяти морей.

Волго-Донской канал — великая стройка коммунизма. Не было в мире строи-

3

4

тельства, которое было бы так широко механизировано. Здесь люди управляют мощными скреперами, тракторами, шагающими экскаваторами, бульдозерами. Здесь используются все новейшие достижения советской строительной техники и науки.

Раньше, например, бетонирование блоков производилось вручную. На строительстве канала Волга — Дон бетонирование блоков шлюзов выполняют машины. Это видно на первом снимке (страница 22).

Посмотрите на второй снимок: вокруг

степь, перекопанная земля, а в степи сооружается шлюз. Здесь встретится Волга с Доном.

На третьем снимке видна вязь металлических прутьев. Это будущий шлюз. Скоро он поднимется, как крепость, над степью.

Этот экскаватор-гигант (четвёртый снимок) сразу захватывает своим ковшом 14 кубических метров земли. Он заменяет 7 тысяч землекопов. Высота его равна девятиэтажному дому.

Для перевозки земли, которую вынимает шагающий экскаватор, на строительстве используются мощные грузовики, сразу

перевозящие десятки тонн груза. Посмотрите, как выглядит колесо такого грузовика-исполина рядом с обычным легковым автомобилем «Москвич» (пятый снимок).

...Дни и ночи на трассе канала Волга — Дон идёт напряжённая работа. Сооружаются шлюзы, плотины, здания гидростанций, строятся порты и города. Горят в заснеженных степях яркие огни великой стройки коммунизма.

5

24

Евг. Рябчиков

Рассказы о борцах за мир

Юлиус Фучик.

ОН И СЕГОДНЯ В НАШИХ РЯДАХ

Нина Николаева

Бригада чешских студентов работала уже несколько дней. Копали землю. С непривычки болела спина, руки горели от волдырей и ссадин. Нестерпимо палило летнее солнце. Все задыхались от пыли.

Лопаты вываливались из рук. А в душу закрадывалось сомнение. Такое напряжение сил, и всё напрасно: план опять не выполнен. Что делать?

И вот во время перерыва бригадир взял в руки небольшую книгу и начал читать её вслух:

«...Гестаповскому начальству дворца Петчек не терпится; они посылают за мной, а так как фельдшер всякий раз пишет на вызове: «Неспособен к передвижению», они приказывают доставить ме-

ня любым способом... товарищи кладут меня на носилки и несут. Когда мы спускаемся по лестнице, один из них наклоняется ко мне и говорит:

— Не падай духом!

Потом, ещё тише, в нескольких фразах сообщает новости.

На этот раз мы не задерживаемся в канцелярии. По длинному коридору меня несут дальше, к выходу. В коридоре полно людей: сегодня четверг, день, когда родным разрешается приходить за бельём арестованных. Все оборачиваются на безрадостное шествие с носилками, во всех взглядах жалость и сострадание, это мне не нравится. Я поднимаю руку и сжимаю её в кулак. Может быть, люди в коридоре увидят и поймут, что я их приветствую».

Бригадир читал книгу о величайшем мужестве борцов за свободу, о стойкости коммунистов, по-

павших в руки гестаповцев, о любви к жизни и к людям — «Репортаж с петлёй на шее» Юлиуса Фучика.

...А когда пришло время опять начать работу, все поднялись, как один, на смену «имени Фучика».

Так же точно палило солнце. Болела спина, и руки горели от волдырей и ссадин. Но план был выполнен на 117,5%. Книга Фучика подняла людей на трудовой подвиг.

В страшных застенках фашистского гестапо, в тюрьме Панкрац, писал Фучик свой «Репортаж». Полтора года он изо дня в день ждал смерти. Полтора года его жестоко избивали. Он долго ничего не знал о судьбе своих близких: о матери, сёстрах, об арестованной жене. На его глазах гестаповцы ежедневно расстреливали десятки лучших людей. Но Фучик не только не потерял присутствия духа — он нашёл в себе силы написать эту замечательную книгу, рассказывающую о героической борьбе коммунистов с фашизмом.

За «Репортаж с петлёй на шее» Юлиусу Фучику присуждена Почётная премия мира.

Юлиус Фучик родился 23 февраля 1903 года в Смихове, одном из старейших промышленных районов Праги. У Юлиуса было две сестры: Либа и Вера. Он очень любил их и дружил с ними всю

жизнь. Отец Юлиуса работал металлистом на машиностроительном заводе.

Когда Юлику было 11 лет, его семья переехала в Пльзень. В это время уже началась первая империалистическая война, и отца Фучика мобилизовали на военный завод Шкода. Отцу приходилось работать в ночной смене, и Юлик носил ему на завод ужин. Там Юлик впервые узнал о том, какие страшные средства уничтожения людей изготавливаются на военных заводах. А немного позднее он собственными глазами увидел, как использовали оружие против... голодных детей.

Во время войны в Чехословакии начался голод. Продукты питания стоили на рынке бешеные деньги. Однажды на окраине Пльзеня остановилось несколько военных машин, нагруженных хлебом. Голодные дети подошли к грузовику и хотели взять буханку хлеба. Но ребяташек встретили выстрелами...

Это страшное событие Юлик запомнил на всю жизнь. «Проклинаю того, кто навязал нам эту войну», — записал он в своём дневнике.

С детства Юлик любил литературу и очень много читал. Он выписывал в особую тетрадку любимые места из прочитанных книг и коротко записывал там свои впечатления от прочитанного.

Это помогало ему лучше понять книгу и лучше её запомнить. Даже потом, когда Фучик стал уже взрослым, он часто обращался к своим записям.

Фучик очень любил Яна Неруду, Сватоплука Чеха, Иржи Волькера — самых передовых демократических писателей Чехословакии.

В 13 лет он попробовал писать сам. В это время Юлик учился в реальном училище. Учился он очень хорошо, особенно любил историю. Юлик начал издавать рукописный журнал «Весёлая мысль». Он писал в этом журнале стихи и прозу.

Восемнадцати лет Фучик вступил в коммунистическую партию.

В 1921 году он приехал в Прагу и поступил на философский факультет университета.

«Фучик приехал в Прагу, — рассказывает о нём его жена Густа Фучикова, — с 2 кронами 40 геллерами в кармане, заработал в день ещё пять крон. Но встретил ещё более бедного человека, с которым свои гроши и разделил...»

Так Фучик жил и так относился к людям. Все годы учёбы в университете он должен был сам зарабатывать себе на жизнь. Исполнял он всякую работу — от чернорабочего до театрального критика. И всегда работал с удовольствием, потому что для него не существовало «чёрной» работы. Он глубоко уважал всякий труд.

Друзья и знакомые очень любили Фучика за его весёлый характер, добродушие, за ум, чистосердечие. Он был очень способным человеком, но это не мешало ему быть простым и скромным.

Особенно любили его рабочие. С ними Фучика всегда связывала крепкая дружба.

Когда горняки Северной Чехии, не вынеся чудовищных условий эксплуатации, нищеты и возрастающей безработицы, объявили в 1929 году забастовку, коммунистическая партия направила Фучика на помощь шахтёрам.

Юлиус Фучик немедленно взялся за работу. Правительство запрещало каждое сообщение о забастовке. А Фучик стал в это время издавать журнал «Забастовка». Редакция журнала и типография, скрываясь от преследования, каждый день переезжали с места на место, и жандармам так и не удалось их обнаружить. Журнал продолжал выходить.

В 1930 году Фучик получил приглашение поехать вместе с рабочей делегацией в Советский Союз. Когда члены делегации обратились в полицейское управление с просьбой выдать им заграничные паспорта, они получили отказ. На заявления была наложена резолюция: «Запретить в целях общественной безопасности».

Камера № 267 в тюрьме Панкрац, где Юлиус Фучик провёл 16 месяцев. Здесь написал он свою последнюю книгу — «Репортаж с петлёй на шее». 8 сентября 1943 года Юлиус Фучик был казнён фашистами.

Тогда делегаты решили ехать без паспортов, нелегально.

Делегаты пробыли в Советском Союзе полгода. Они побывали во всех крупных городах нашей страны. Фучик посетил Москву и Ленинград, Украину, Поволжье, Таджикистан, Казахстан. Он был на Днепрострое, Сталинградском тракторном, в северокавказском совхозе «Гигант».

И когда через полгода Фучик вернулся в Прагу, он привёз с собой правду, прекрасную правду о Советском Союзе. Он ездил по всей Чехословакии и рассказывал рабочим и крестьянам о советских людях, об ударниках производства, о том, с каким подъёмом идёт строительство пятилетки. Он отвечал на тысячи вопросов. Он спорил с врагами Советского Союза, он защищал страну социализма с большим знанием дела, потому что он всё видел своими глазами. За год Фучик сделал больше 370 докладов о Советском Союзе, несмотря на то, что тогда буржуазное правительство Чехословакии преследовало каждое правдивое слово о первом в мире государстве рабочих и крестьян.

Фучика не раз арестовывали за такие выступления. Однажды, арестовав его перед докладом, полиция захватила чемодан рукописей, набросков и книг о Советском Союзе, которые служили Фучику материалом для будущей книги — «В стране, где наше завтра является уже вчерашним днём». Фучик ни на что не жаловался в тюрьме, только очень жалел, что конфискован чемодан

с рукописями и он не может в тюрьме продолжать писать книгу. Так хотелось ему рассказать людям правду о нашей стране. И книга всё-таки была написана. С большим трудом её удалось издать, хотя цензура и выбросила ряд наиболее смелых высказываний.

В 1939 году Чехословакия была оккупирована гитлеровскими ордами. В то время никто не смел даже упоминать о Советском Союзе. И вдруг 7 ноября 1940 года в Клубе артистов Фучик выступил с докладом о значении Великой Октябрьской революции. Это было очень рискованное предприятие, и решиться на него мог только человек, который всем сердцем любил страну социализма.

Фучик начал свой доклад внезапно, без всякого предупреждения. Публика, собравшаяся в клубе, была так удивлена, что осталась на местах и стала слушать. Фучик сделал обстоятельный доклад и ушёл. Арестовать его не успели...

К Советскому Союзу, к его «второй родине», как называл он нашу страну, были обращены и последние слова Фучика. На тюремном дворе незадолго до казни Фучик, закованный в кандалы, говорил товарищам о том, что победа будет достигнута, что Советский Союз будет воевать до полной победы над фашизмом.

Когда немецкие фашисты оккупировали Чехословакию, Фучик, как и все чешские коммунисты, ушёл в подполье. Он был тогда членом Центрального комитета коммунистической партии Чехословакии.

В подполье Фучик руководил работой всех нелегальных газет и журналов партии. Так он работал до апреля 1942 года.

24 апреля 1942 года его арестовали.

Обо всём, что было после этого, рассказывает книга Фучика «Репортаж с петлёй на шее».

Гестаповцы в первый же день избили Фучика до полусмерти, избили так, что он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой и несколько дней пролежал без сознания. Врач даже заготовил рапорт о его смерти.

Фучик выжил, и побои начались снова. Но Фучик молчал, он не выдал ни одного человека, ни одной явки. Фашисты пробовали сломить его волю и другими средствами: пугали расстрелом жены, соблазняли его возможностью снова видеть солнце и свет, дышать чистым воздухом — жить на свободе.

Фучик молчал. Молчал, потому что предпочитал смерть бесчестной жизни, потому что он знал, за что он боролся, потому что он чувствовал величайшую ответственность за каждый свой поступок

как перед своей собственной совестью, так и перед всем народом.

Вот что рассказывает о нём его жена Густина, которая тоже была арестована и один раз видела его в тюрьме.

«...Вдруг открылись двери, и появился Юлиус Фучик, босой; по его ногам и изо рта текла кровь, лицо было сине-жёлтым от побоев, волосы и борода всклокочены. За ним — гестаповец с поднятой палкой; он гнал Фучика в угол и побоями принуждал его стать лицом к стене. А Фучик, словно не чувствуя ударов, шёл медленными шагами и стал у стены лицом к нам. С поднятой головой он смотрел на нас, и невольно наши головы поднимались всё выше и выше. Юлиус Фучик стоял, окружённый вооружёнными гестаповцами, не как поражённый, беспомощный, бессильный узник, а как победитель перед побеждёнными. Как победитель, который знает, что его могут уничтожить физически, но не смогут унич-

тожить идею, ставшую действительностью на одной шестой части мира, — веру в то, что победа принадлежит Советскому Союзу и нам, борющимся за социализм».

В своей книге Фучик рассказывает и о других коммунистах, которые, как и он, попали в фашистский застенок, но сохранили там мужество и оптимизм, остались верными своему делу, несмотря на жестокие пытки.

Эта прекрасная книга учит основному и самому важному в жизни — оставаться честным до конца, любить свободу, любить людей, любить Родину.

Именно так прожил свою замечательную жизнь Фучик, таким он был на свободе, таким остался и в застенках гестапо.

Вот почему на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира в первых рядах борцов за мир был назван Юлиус Фучик, который жил и умер ради счастья людей.

ГУДКИ ПАРОВОЗОВ

Владимир Соколов

Откуда, казалось бы, в центре Москвы
Гудеть поездам по ночам!
Но я голоса их (не знаю, как вы)
Всегда от других отличал.

Вы слышите? Это вокзалы зовут.
Зовут полустанки, мосты.
Зовёт через ночи и вёрсты завод,
Который планируешь ты.

И в голосе этом и север, и юг,
И земли, которые ждут
Заботы, труда... Ты прислушайся, друг,
Вокзалы, вокзалы зовут!

И нету, как будто, обычной гудков,
Но в мире, как после дождя,
Так гулко,

так молодо,
так широко,

Когда паровозы гудят.

Тогда занавеску вдувает в окно,
И ветер по книгам бежит,
Сразгону захлопывает блокнот,
Тетради мои ворошит.

И пахнет дорогой. Влетит со двора,
И дом мой — не дом, а вокзал,
Высокий и гулкий, откуда вчера
Товарищей я провожал.

И вот под ногами не пол, а перрон,
И я у окошка стою
И, пристально взглядызаясь в вагон,
Улыбки друзей узнаю.

Ах, как это грустно! Звонок недалёк —
Рванётся состав и уйдёт,
И лишь на прощание мне огонёк
С последней площадки мигнёт...

Но, только гудки донесутся опять,
Я снова в их мире гощу.
Я книжки бросаю, боюсь опоздать,
Билет по карманам ищу.

Не знаю откуда, не знаю куда,
Пылая в ночи и гремя,
Уходят, уходят мои поезда
И всё без меня, без меня.

Мне надо туда, где забст не сочтёшь,
Где часа свободного нет.
Где сходит с бумаги на землю чертёж,
В железо и камень одет.

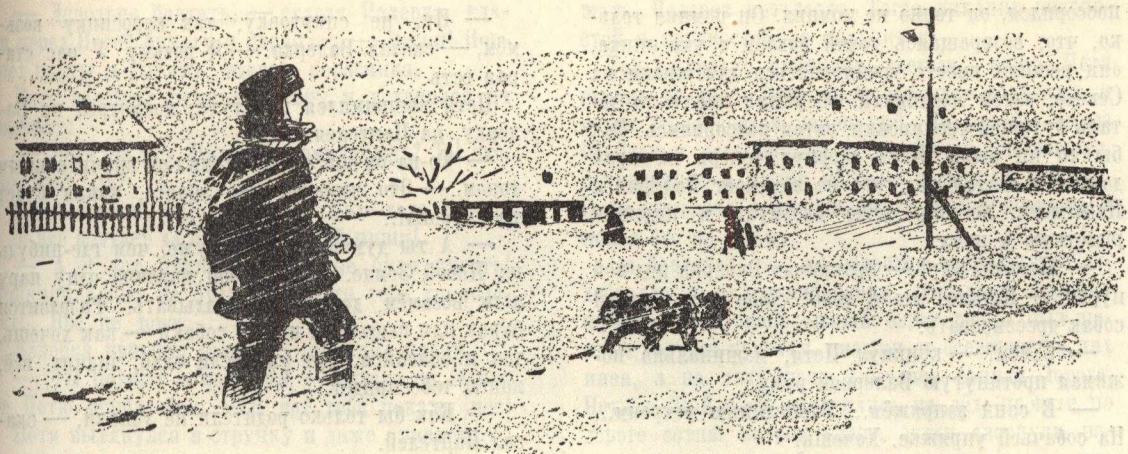
И будет: платформою кончится день,
И, выдав волнение слюда,
Я через плечо переброшу ремень
Студенческого рюкзака.

Не книги со мной разговор поведут —
Гудки, приподнявшие высь,—
О том, что товарищи новые ждут,
Что дело не ждёт,— торопись!

Прощусь на подножке, писать мне велю.
Да искры во тьму полетят,
Да кто-то вздохнёт над страницей:

«Люблю,

Когда паровозы гудят!..»

СОБАЧЬЯ УПРЯЖКА

Рассказ Ю. Сотника

Рисунки В. Константинова

Было пять часов вечера. Над рабочим посёлком цементного завода бушевал буря. Отчаянно болтались фонари на столбах. При их прыгающем свете было видно, как белыми извивающимися хвостами сметается снег с крыш домов, как сливаются эти хвосты с белыми клубами, летящими с неба, и со снежными смерчами, вздымающимися с земли, и как всё это мчится вдоль улицы, свистя и завывая.

Прохожие шагали согнувшись, спрятав головы в воротники, сунув руки в рукава и стараясь идти по узкому протоптанному на тротуаре следу.

Только двенадцатилетний Петя Зацепкин вёл себя иначе. Он шёл не по тротуарам, а по сплошь заметённой мостовой, шёл против ветра, не пряча рук в карманы, высоко держа голову. Худощавая физиономия его выглядела сурово и решительно. Когда ветер достигал особенной силы, Петя сжимал зубы и ускорял шаги. Лицо его принимало уже не суровое, а прямо свирепое выражение.

Петя был сегодня на поговорном утреннике в школе, где присутствовал в качестве гостя приехавший в отпуск штурман полярной авиации Семён Григорьевич Бакланов. Петя и раньше увлекался книгами об Арктике. Теперь же, повидав настоящего, живого полярника, услышав его рассказы о полётах над Ледовитым океаном, о длинных переходах на собачьих упряжках, о работе метеорологов, ведущих свои наблюдения при девятибалльном шторме, Петя окончательно решил: он будет заниматься гимнастикой по утрам, обливаться холодной водой, ходить на лыжах, — сло-

вом, делать всё, чтобы подготовиться к работе в суровых условиях Арктики. Когда под вечер разыгрался буря, Петя решил, что это прекрасный случай проверить свою выносливость, своё бесстрашие перед лицом стихии. Благо родителей не было дома, он вышел на улицу и принялся бродить по ней, борясь с ветром, подставляя лицо колючему снегу.

Ему представлялось, что вьюга метёт не среди домов посёлка, а среди ледяных торосов и что он сам не ученик пятого класса Петя, а известный исследователь Севера Пётр Сергеевич Зацепкин, идущий с группой товарищей, с несколькими собачьими упряжками на помощь потерпевшему аварию и затерявшемуся во льдах самолёту. Все полярные радиостанции прекратили работу и ждут сообщений от «партии Зацепкина», а его сообщения лаконичны и полны сурового мужества: «Пурга усилится. Точка. Лица у всех обморожены. Точка. Половина собак околела. Точка. Продолжаем двигаться вперёд на помощь пострадавшим лётчикам. Точка».

Вдруг Петя очнулся от своих мечтаний. На встречу ему сквозь крутящуюся снежную пелену быстро шли два человека. Ростом каждый был не больше Пети. Один был одет в длинный тулуп, — по нему Петя узнал своего одноклассника Пантелея, другой походил на большой чёрный шар, к которому приделали ноги в валенках. Петя догадался, что это Валерка, одетый в свою чёрную куртку из пышного козьего меха. Часа два тому назад Петя поссорился с Валеркой. Из-за чего

поссорился, он точно не помнил. Он помнил только, что, возвращаясь домой вдвоём с утренника, они решили вместе тренироваться для жизни на Севере, затем поспорили, обсуждая какую-то деталь будущей тренировки, затем поссорились. Как бы то ни было, Петя свернул теперь на край дороги и сделал вид, что не замечает Валерки с Пантелеем. Но они тоже свернули и подошли вплотную к нему.

— Петька, мир! — прокричал Валерка под вой пурги. — Петька, мы к тебе! Дело есть: давай собак дрессировать.

— Зачем? — крикнул Петя, машинально пожимая протянутую Валеркой руку.

— В сани запряжём... Экспедицию устроим... На собачьей упряжке. Хочешь?

Только сейчас Петя понял, в чём дело.

— Хочу, — сказал он. — Идёмте ко мне, обсудим.

Через несколько минут все трое, отряхнув с себя снег и сняв верхнюю одежду, уселись за накрытым клеёнкой столом в одной из комнат петиной квартиры.

— Слушай, — заговорил Валерка, взобравшись с коленками на стул и наваливаясь животом на стол. — У тебя Шайтан, у меня Леди. А у Пантелея целых две собаки. Верно, Панька?

Продолговатая безбровая физиономия Пантелея была покрыта капельками растаявшего снега. Он достал платок и начал вытирать им лицо.

— Ага, — подтвердил он. — Большие кобели.

— Слушай дальше, — продолжал Валерка. — Берём обыкновенные сани и приделываем к ним лыжи. Вот тебе и нарты! Упряжь делаем из брезентовых ремней. Каникулы только что начались... Неделю обучаем собак, а потом — в экспедицию.

— А куда в экспедицию?

— Куда? В Соколовку!

Валерка сказал «в Соколовку» таким тоном, словно эта деревня находилась где-нибудь на Чукотке. На самом же деле от города до Соколовки было около девяти километров, если ехать просёлком. В Соколовке жила и работала учительницей петина бабушка, были там родственники и у Валерки с Пантелеем. Петя пожал плечами:

— А что интересного в Соколовке? И так почти каждое воскресенье туда ездим.

— «Что интересного!» — передразнил Валерка. — Не в Соколовке дело, а в том, как мы туда пойдём. Мы туда не по просёлку пойдём, а напрямик через поле, по глубокому снегу, как в настоящей Арктике. Один будет впереди на лыжах идти, дорогу прокладывать, а двое сзади на нартах ехать по очереди. В середине пути привал устроим и даже пищу на спиртовке приготовим из мороженого мяса.

— Спиртовки, небось, не достать, — заметил Пантелей.

— Ну, не спиртовку, так керосинку возьмём, — сказал Валерка. — Я возьму. У нас старая есть.

Петя выпрямился на стуле, посмотрел на Валерку, на Пантелея.

— То-ва-ри-щи, — отчеканил он значительным тоном. — Это здорово! Это знаете, какая будет тренировка!..

— А ты думал что? Не хуже, чем где-нибудь на Новой Земле. Мы с собой нарочно одну пару лыж возьмём, дорогу прокладывать. Разразится буря или выбьются из сил собаки — как хочешь, так и спасайся. Тут уж, если слаб, значит, всё, конец тебе придёт.

— Как бы только родители не узнали, — сказал Пантелей.

— А откуда они узнают? Мы скажем, что поехали по просёлку своих навестить, а сами, как выедем за город, свернём в сторону и — поём!

Выл ветер в трубе. Вздрагивали стёкла в окнах. Стучала неплотно пригнанной щёколдой калитка во дворе. Петя прислушался к этим звукам и вообразил себя мужественным и опытным начальником опасной экспедиции, начальником, которому доверена судьба его товарищей Валерки и Пантелея.

Стоя возле стола, он постучал по нему косточкой указательного пальца:

— Имейте в виду, товарищи, путь будет опасный. Пройти на собаках по глубокому снегу такое расстояние — это вам не шуточки.

Валерка ходил по комнате, сунув большие пальцы за пояс брюк.

— Распределяю обязанности, — сказал он чётким командирским голосом. — С завтрашнего утра мы с Пантелеем делаем нарты, а Петька готовит упряжь. Послезавтра начинаем тренировать собак. Ясно?

Петя неприязненно покосился на Валерку. «Чего Валерка изображает из себя командира какого-то!» Он пренебрежительно усмехнулся.

— Насчёт упряжи, — это, милый мой, всякий ребёнок знает. Нам надо так, товарищи, подготовиться, чтобы каждую мелочь учесть. Имейте в виду, товарищи, нам такие опасности могут встретиться, что...

— Давай бери бумагу и пиши, — прервал его Валерка. — Список пиши. Чего брать с собой в дорогу.

Петя и сам было хотел сказать, что нужно составить подробный список необходимого снаряжения, но, услышав приказание Валерки, возразил:

— Не в списке, товарищи, дело. Нам, дорогие товарищи, надо вот что продумать: во-первых, что мы будем делать, если разразится буря, во-вторых...

— Довольно болтать, — сказал Валерка, кладя перед Петей бумагу и карандаш. — Пиши! Первое: нарты и упряжь, второе: керосинка.

Петя заложил руки за спину и уставился на Валерку:

— Чего ты тут, Валерка, командуешь? Ты что, командир, да?

— А чего ты всё болтаешь? Надо дело делать, а он всё болтает да болтает! Давай пиши!

— А я вот принципиально не буду писать! Принципиально не буду. И нечего тебе командовать. Нос не дорос.

Валерка пригнул голову и ссутулил плечи.

— Ты потише с носом-то, — сказал он, глядя на Петю исподлобья. — Я вот тебе покажу нос!

Петя вытянулся в струнку и даже привстал на цыпочки.

— А чего ты мне сделаешь? Чего ты сделаешь? — зачитил он дискливой скороговоркой.

Пантелей беспокойно вертел белобрысой головой:

— Ребята, ребята, ну, чего вы там! Ребята, ну хватит! Ребята, чего вы в самом деле?

— А чего он: «Нос не дорос»?

— А зачем Валерка командует? «Пиши да пиши». Принципиально не буду.

— Ну, ребята, ладно вам, — говорил Пантелей. — Ну, давайте я буду список писать. Ведь поссоритесь, так вся экспедиция развалится. Ну, чего писать? А, ребята, чего писать?

Валерка сел на стул боком к столу.

— Нарты пиши и упряжь, — сказал он угрюмо, глядя куда-то в угол комнаты. — Потом керосинку пиши.

— Для керосинки керосин нужен, — так же хмуро и не глядя на Валерку, сказал Петя. — Литра полтора.

— Пиши: керосину полтора литра, — проворчал Валерка.

Пантелей прилежно писал, склонив голову надбук. Через десять минут все ребята забыли о соре.

* * *

Поздно вечером Петя рассказал отцу и матери о затее с собачьей упряжкой. Он умолчал только о намерении ребят ехать в Соколовку целиной, сказал, что поедут по дороге.

Упряжь и сани готовили два дня. На третий день Петя вскочил в семь часов утра и сразу начал одеваться. Они с Валеркой и Пантелеем выбрали для обучения собак самое укромное место и решили прийти туда затемно, чтобы их не заметил кто-нибудь из поселковых ребят.

— Если хоть один мальчишка узнает, — сказал вчера Валерка. — вот увидите, со всего посёлка сбегутся. Какая там тренировка!

— И ещё за нами в экспедицию увяжутся, — добавил Пантелей. — На лыжах пойдут прово-

жать. Человек пятьдесят. Тогда никаких опасностей и трудностей не получится.

Только-только начинало светать, когда Петя вышел во двор. Небо было затянуто облаками, и мороз стоял совсем маленький. Из конуры вылез Шайтан и остановился перед Петей, позёбывая, потягиваясь и вилая чёрным косматым хвостом. Петя привязал к его ошейнику кусок шпата и повёл его на улицу.

Он благополучно, не встретив знакомых ребят, добрался до маленькой речки, огибавшей окраину посёлка. Противоположный берег речки был покрыт голыми кустами, сизыми от осевшего на них инея, а по льду реки тянулась санная дорога. Петя с Шайтаном спустились на лёд, прошли по дороге сотню метров влево, затем свернули направо, в маленький овражек, склоны которого тоже были покрыты кустами. Здесь, на утоптанном снегу, стояли простые деревянные санки с приделанными к полозьям лыжами, возле санок переминались с ноги на ногу Валерка в своей шарообразной куртке и Пантелей в тулупе до пят. Валерка держал на поводке криволапую, приземистую и жирную собаку Леди, у которой отец был помесью шпица с бульдогом, а мать происходила от таксы с фокстерьером. Пантелей привёл двух здоровых рыжих псов с глупыми глазами. Одного из них звали Бандитом, а другого — Полканом.

Ребята поздоровались, поговорили минут пять об опасностях и трудностях будущей экспедиции, затем Петя сказал:

— Ну-с! Приступим?

Уже рассвело. Было очень тихо. В воздухе плавали редкие снежинки.

Валерка расправил на снегу упряжь. Она состояла из длинного ремня, прикреплённого к санкам, и четырёх шлеек для собак, привязанных к ремню попарно: две спереди, две сзади. Каждая шлейка была устроена так, что могла охватывать грудь, бока и спину впряжённой в неё собаки.

— Давай запрягай, — сказал Валерка.

Пантелей взял подмышку Бандита и поволок его к одной из задних шлеек. Бандит, почуяв недоброе, прижал уши, спрятал хвост и упёрся всеми четырьмя лапами. Когда же хозяин всё-таки запряг его, он завизжал и начал метаться по оврагу, волоча за собой сани.

— Петька! Держи нарты! — крикнул захватившийся Пантелей. — Я Полкана сейчас...

Петя одной рукой вцепился в санки, а другой продолжал держать шпата, привязанный к ошейнику Шайтана. Полкан оказал сопротивление ещё более яростное, чем Бандит, а когда Валерка принялся запрягать Леди, началась такая кутерьма, что, наверное, в посёлке стало слышно. Бандит и Полкан с воем бросались то в одну, то в другую сторону, так что Пете и Пантелею при-

— Ребята, ребята, хватит вам! Ну чего вы опять? — забеспокоился Пантелей.

Шло лечь на землю, чтобы удержать сани. Леди верещала, словно её не запрягали, а резали, папала Валерку за руки и за валенки. Видя это, Пантелей кричал:

— За морду её держи! За морду! А то укусит!

Петя подавал противоположные советы:

— Погладь её! Погладь! Она успокоится. Погладь её!

Один только Шайтан спокойно сидел на месте и смотрел на всё это представление, склоняя голову то на одну сторону, то на другую.

Наконец Валерка выпрямился. Лицо его было покрыто испариной, шапка съехала набок.

— Давай теперь ты своего Шайтана!.. Погоди только, я санки подержу.

Услышав своё имя, Шайтан поднялся на ноги, без труда выдернул пшават из петинной руки и затрусил по овражку в направлении к речке.

— Валерка, лови! — взвизгнул Петя.

Валерка растянулся во весь рост на снегу и схватил Шайтана за заднюю лапу. Шайтан обернулся и впился зубами в его куртку.

— Скорее, вы! Кусает ведь! — закричал Валерка, не выпуская собачьей лапы.

Увидев, что от Валерки летят клочья чёрной шерсти, Петя и Пантелей одновременно отпустили сани и побежали к нему. Собаки рванулись и помчались вон из оврага. Валерка тут же выпустил Шайтана. Все трое путешественников закричали: «Держи!» — и выбежали на дорогу, тинущуюся по льду.

По дороге шагала лошадь, запряжённая в дровни. Прямо на неё стремглав неслись собаки с бляющими за ними нартами. Увидев собак, лошадь вытаращила глаза, на секунду присела, так что хомут наехал ей на голову, затем круто развернулась вместе с дровнями и поскакала обратно. Колхозница, сидевшая в дровнях, натягивала вожжи и кричала, собаки лаяли. Эти звуки постепенно замерли где-то за поворотом реки.

Ребята стояли на дороге и молчали, глядя в даль. Минуты через две Валерка повернулся к Пете и сказал, оттопырив нижнюю губу:

— Иди вот теперь, лови! Где хочешь, там и лови!

Петя вытянулся и приподнялся на цыпочки:

— Вот так здорово! А почему я должен ловить? Я, что ли, виноват? Мы из-за тебя санки выпустили, чтоб тебя же спасти!

— А из-за кого мне Шайтан куртку порвал? — закричал Валерка. — Из-за кого? Я, что ли, его выпустил?

— Ребята, ребята, хватит вам! Ну, чего вы опять! — забеспокоился Пантелей. — Пойдём все вместе и поищем собак. И всё в порядке будет.

— Принципиально не пойду, вот принципиально не пойду! — зачастил Петя. — Его никто не просил собаку за заднюю лапу хватать. Нужно было за верёвку хватать. Он бы ещё за хвост её схватил!

— Ладно, — сказал Пантелей. — Не хочешь,

так не ходи, мы с Валеркой пойдём. Правда, Валерка?

— Очень мне нужно за Петьку ходить и искать.

Видя, что ничто не помогает, Пантелей сам отправился на поиски собак. Некоторое время Валерка и Петя прохаживались по дороге, делая вид, что не замечают один другого. Потом им обоим стало немного совестно.

— Если он их даже найдёт, — сказал Петя, обращаясь к кустам на берегу, — так всё равно не справится. Их вдвоём еле удержишь, а он один.

Валерка приостановился недалеко от Пети:

— Пошли, отыщем его?

Но далеко идти за Пантелеем не пришлось. Он скоро сам показался из-за поворота, таща за собой всю упряжку. Псы покорно шли за ним. Языки у них свисали до самой земли. Шерсть взмокла и взъерошилась.

— Они и вовсе недалеко убежали, — сказал Пантелей, широко улыбаясь. — Они как стали на бугор подыматься, так в кустах вместе с санками и застряли.

Ребята дали собакам придти в себя. За это время Пете удалось подманить к себе Шайтана. Его запрягли. Шайтан хоть и поджал хвост, но не очень сопротивлялся, видя, что остальные собаки ведут себя довольно спокойно. Прошло минут двадцать.

— Похоже, отдохнули, а? — сказал Пантелей.

— Садимся? — предложил Петя.

Валерка поднял длинный верёвочный бич и стал на задние концы лыж, прикрепленных к полозьям. Петя с Пантелеем сели боком на санки.

— По! Пшёл! — крикнул Валерка и хлопнул бичом над головами ребят.

Псы вскочили и, поджав хвосты, бросились вправо. Пантелей спрыгнул с санок и замахал на них руками в варежках:

— Куда! Куда! Прямо пошли, прямо!

Собаки шарахнулись влево. Пете нельзя было спрыгнуть с саней, так как Валерка держался за его воротник. Поэтому Пантелей обежал нарты и замахал на псов с левой стороны. Те в конце концов смекнули, чего от них требуют, и дружно побегали по дороге. Пантелей вскочил на санки.

Все трое мальчишек пришли в невероятный восторг. Они хохотали, кричали. Валерка то и дело щёлкал бичом.

* * *

Прошло несколько дней. Каждое утро друзья тайком пробрались к реке и обучали свою упряжку. За это время Петя и Валерка поссорились ещё два раза и этим доставили большое удовольствие собакам, которые в такие минуты сидели и отдыхали. Однажды в воскресенье петины папа и мама побывали на речке и долго смеялись, глядя, как бегает собачья упряжка. Петин папа даже сам прокатился метров сто на санях, а мама сказала, что она не возражает против поездки ребят в Соколовку.

— Сходите с ума как хотите. Только не смейте затемно выезжать. Солнце взойдёт, тогда и выезжайте.

Это путешественникам было на руку. Светало уже после того, как взрослые уходили на работу. Значит, можно было не бояться, что они заметят, как ребята поедут не по дороге, а целиной. Временами Петю покалывала совесть за то, что он обманывал родителей, но он старался не думать об этом.

8 января 1951 года, в десять часов утра, наши путешественники двинулись в свой знаменитый поход. Перед этим все члены экспедиции собрались в знакомом овражке. Нарты были извлечены из густого кустарника, где их прятали в эти дни. Собаки, уже запряжённые, сидели на снегу, позёвывая и поглядывая на хозяев, стоявших с вещевыми мешками за плечами. Валерка держал в руках керосинку, а Петя — список снаряжения. Глядя в список, он выкрикивал:

— Керосинка!

— Здесь, — отвечал Валерка.

— Керосина полтора литра!

— Налиты.

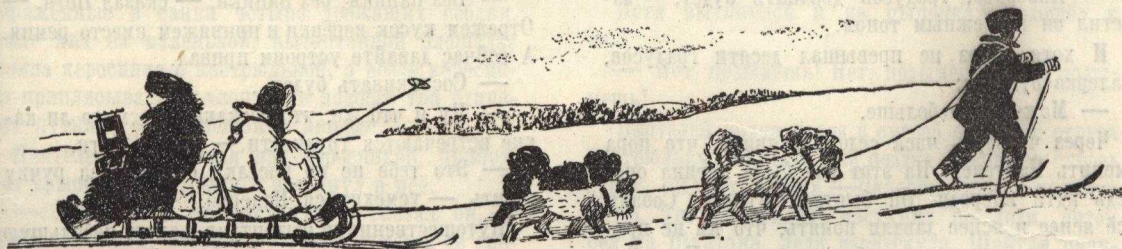
— Свинины один килограмм!

— У меня, — отвечал Пантелей.

— Кофейник!

— У меня.

Так были перечислены спички, компас, карманный фонарик, нод, бинт, кальцекс, касторка,

На этот раз была петина очередь идти впереди.

крупа, соль, кофе «Утро» и три килограмма говядины третьего сорта ниже средней упитанности, предназначенные для собак. Хотя до Соколовки было не больше девяти километров, продовольствия запасли на двое суток, учитывая возможность бурана и другие случайности. На это продовольствие путешественники ухлопали все свои сбережения.

Метнули жребий, кому идти впереди на лыжах, прокладывать путь для собак. Жребий выпал Пантелею. После этого среди членов экспедиции воцарилось торжественное молчание. На лицах у Пети и Валерки появилось выражение «суровой решимости». Один только Пантелей прозаически шмыгал носом.

Петя глубоко вздохнул.

— Что ж, товарищи, в путь?

— В путь, по местам, — сказал Валерка. Твёрдым шагом он подошёл к саням и сел на них, поставив на колени керосинку. Петя поместился рядом с ним и снова вздохнул.

— Да, товарищи, что-то нас ждёт впереди?..

Пантелей нацепил на валенки лыжи, взял палки, прихватил в одну руку конец длинной верёвки, привязанной к упряжи собак. Верёвка сильно упрощала управление собаками, позволяя идущему впереди тянуть упряжку, куда он хочет.

— Вперёд! — твёрдо сказал Валерка.

— В путь! — так же твёрдо сказал Петя.

Пантелей потащил собак вверх по овражку и скоро выбрался с псами, санями и седоками на широкое, тянувшееся почти до самого горизонта заснеженное поле.

День выдался ясный, морозный. Всё поле так сверкало на солнце, что у ребят ложило в глазах. Далеко, далеко, почти у самого горизонта, виднелась дымка деревьев. Где-то там, за этими деревьями, пряталась Соколовка.

Снег был глубокий и довольно рыхлый. Пантелей и собаки быстро вспотели. У Валерки с Петей, наоборот, окоченели колени, руки, замёрзли носы и подбородки, но, конечно, никто из них не жаловался. Петя даже с некоторым нетерпением ожидал, когда у него окончательно онемееет нос и его нужно будет оттирать снегом.

— Наверное, градусов двадцать будет, — заметил он небрежным тоном.

И хотя мороз не превышал десяти градусов, Валерка ответил:

— Может, и побольше.

Через четверть часа седоки заявили, что пора сменить Пантелея. На этот раз была петина очередь идти впереди. Он быстро согрелся. Собаки всё яснее и яснее давали понять, что им не нравится такая прогулка по брюхо в снегу. Пока Валерка, передав керосинку Пантелею, размахивал

над ними лыжной палкой, а Петя, нацепивший верёвку через плечо, тянул за неё изо всех сил, собаки, хоть ковыляя и тыкаясь мордами в сугроб, всё-таки шли, но стоило только перестать тянуть, как они, словно по команде, садились отдыхать, свесив на сторону вздрагивающие языки и укоризненно поглядывая на ребят.

Но Петя был горд той невероятной выносливостью, с которой он тащил за собой не только санки с товарищами, но и четвёрку собак. Валерка был доволен тем, что, коченея всё больше и больше, он не издаёт ни единого стога. Пантелея не особенно радовало, что его, вспотевшего, так пробирает под тулупом, но он помнил поговорку «Назвался груздём — полезай в кузов» и тоже не жаловался.

— Километра три в час делаем, — сказал Валерка, едва шевеля замерзшими губами.

— Хорошо... хорошо, что торосов нет. В торосах... и за сутки т-такое расстояние не пройдёшь, — пыхтел Петя.

Прошёл час. Дома посёлка, трубы завода стали совсем маленькими, а Соколовка как будто и не приближалась. На горизонте виднелась всё та же смутная дымка, которую ребята видели в начале пути.

— Давай сменю, — сказал Валерка. Взяв у Пети лыжи, он обмотал себя верёвкой и двинулся было вперёд, но собаки как сели во время остановки, так и остались сидеть.

— Пошли! — крикнул Валерка, обернувшись через плечо.

Все четыре пса продолжали сидеть, а Леди подняла морду к небу и завывала. К ней присоединились Шайтан и Полкан с Бандитом.

— А ну, вперёд! — снова крикнул Валерка. Повернувшись боком к собакам, он изо всех сил натянул верёвку и вдруг упал, провалившись одной ногой в сугроб.

— Вот так чёрт! — сказал он, подымаясь и разглядывая лежащую на снегу лыжу. — Крепление лопнуло. Ремень лопнул.

Петя с Пантелеем сошли с саней и, набрав полные валенки снега, приблизились к Валерке.

— Как же теперь? А, ребята? — озабоченно спросил Пантелей.

— Без паники, без паники, — сказал Петя. — Отрежем кусок верёвки и привяжем вместо ремня. А сейчас давайте устроим привал.

— Соскакивать будет...

— Ну и что же, что соскакивать, мало ли какие встречаются трудности, — сказал Петя.

— Это тебе не по посёлку с мамой за ручку ходить, — усмехнулся Валерка.

Путешественники вытоптали в снегу небольшую ровную площадку и развязали вещевые мешки. Пантелей накормил мясом собак, причём те изряд-

Путешественники прошли метров сто двадцать и остановились по колени в снегу...

но погрызлись между собой. Валерка с Петей зажгли керосинку и поставили на неё кастрюлю, насыпав туда снег. Затем все трое присели на корточки и стали греть возле керосинки руки. Петя обвёл глазами пустынное, сверкающее поле, посмотрел на Валерку, на Пантелея.

— А что, совсем как в Арктике, правда, ребята? Кругом ледяные просторы, ни одной человеческой души, а тут усталые собаки и три... этих самых... одиноких путника варят себе обед.

— Всё-таки здорово нам досталось, — сказал Валерка, — и никто не пикнул. Другие бы уж давно «мама» закричали.

— Никто и не пикнет, правда, товарищи? Пусть любые испытания — всё равно к цели приведём!

Пантелей приоткрыл крышку, заглянул в кастрюлю и добавил в неё ещё снега.

— Ага, — сказал он. — Сейчас бульончику со свиной покусам, силы прибавится и — снова в путь.

* * *

Ещё через час между посёлком и Соколовкой можно было увидеть такую картину: среди широкой покрытой девственным снегом равнины сидели впряжённые в санки четыре дрожащих собаки. Возле них на маленькой, вытопанной площадке стояла керосинка с кастрюлькой, а возле керосинки приплясывали и хлопали в ладоши три одиноких путника с посиневшими лицами.

Пантелей наклонился над керосинкой, приподнял крышку с кастрюли и заглянул в неё.

— Ещё чуток не растаяло, — сказал он. — Мороз здоровый. Огонь воду греет, а мороз её снова студит. — Он исподтишка взглянул на Валерку с Петей. Те пританцовывали, ни на что не жалу-

ясь, но лица у обоих были такие злые, что Пантелей постарался улыбнуться сведенными губами и бодреньким тоном проговорил:

— Вот это трудности, так трудности, правда, ребята, а?

— Только дурак мог такое придумать, — пробормотал Петя, глядя себе на валенки.

— Чего придумать, ну, чего придумать? — переспросил Валерка.

— Ничего, — ответил Петя.

— Ничего, так и молчи.

— А вот принципиально не буду молчать! Вот ещё, зачем я буду молчать! Конечно, только дурак мог придумать, чтоб на керосинке в такой мороз варить.

— А если ты умный, то чего ж ты сам не сказал, чего ты раньше молчал?

— Ребята, ну хватит вам! Опять, ребята, да? — Пантелей снова приоткрыл крышку и заглянул в кастрюльку. — Ребята, знаете чего? Давайте хлеба поедим — и в путь. Трудности, так трудности! Вроде как голодающие, правда, ребята?

Валерка молча взял петину кастрюльку и бросил её вместе с водой в сугроб.

— Чего ты швыряешься чужими кастрюльками! — закричал Петя. — Чего ты швыряешься! Иди, подымай теперь! Иди, вот, подымай!

— А вот не подыму, — буркнул Валерка.

Петя вытянулся и на цыпочках подошёл к нему:

— Нет, подымеешь! Нет, подымеешь! Нет, подымеешь!

Пантелей молча полез в сугроб и извлёк оттуда кастрюльку. Но было уже поздно. Пропедев сквозь зубы: «Иди ты ещё», — Валерка слегка толкнул Петю. Тот попытлся, наступил на Леди, потом сел на Шайтана. Леди взвизгнула, Шайтан рывнул. Собаки вскочили и неуклюже запрыгали по глубокому снегу, волоча за собой сани.

— Ага! Ага! — закричал Петя, указывая на собак. — Лови вот теперь!

— Сам лови!

— Нет, ты лови! Вот лови!

— Сам лови!

Шагах в пятнадцать от ребят собаки остановились. Пантелей пошёл за ними. Снегу ему было по бёдра. Он с трудом вытаскивал из сугробов то одну ногу, то другую и при каждом шаге так высоко задирали их, словно перелезал через забор. Собаки следили за Пантелеем, повернув морды назад. Когда Пантелей приблизился к ним, они снова запрыгали и выбрались на след, оставленный санями и лыжами. Притоптанный снег хорошо их держал, да и нарты были теперь порожние. Все четыре пса дружно затрусили по направлению к посёлку.

— Шайтан! Шайтан! Шайтан! — закричал Петя.

— Леди, ко мне! Леди! — надрывался Валерка.

— Полкан! Бандит! На! На! На! — манил Пантелей.

Долго зывали три одиноких путника среди снежных просторов. Собаки, наверное, только посмеивались, слушая их вопли. Скоро они превратились лишь в неясное тёмное пятнышко.

Высоко задирая ноги, Пантелей выбрался к бивуаку.

— Всё! — сказал он осипшим голосом. — Теперь, как бы взаправду тут не замёрзнуть. У вас верёвочки нет, крепление сделать?

Приткнув рты, Валерка и Петя посмотрели на Пантелея, посмотрели друг на друга, ничего не ответили и снова устали в ту сторону, куда убежали собаки.

— Верёвочки, говорю, нет? — повторил Пантелей.

Ребята долго шарили по карманам, но верёвочки ни у кого не нашлось.

— Придётся так идти, пешком, — сказал Пантелей. — Давай, Валерка, ты носи лыжи, а я керосинку. Потом ты понесёшь керосинку, а Петя — лыжи. Так и будем меняться. Собирайте вещи.

Покорно и молча Петя с Валеркой увязали и повесили за спины вещевые мешки. Валерка взвалил на плечо лыжи, Пантелей взял керосинку.

— Пошли, — скомандовал он.

Все трое полезли в сугроб.

* * *

Часто останавливаясь для того, чтобы перевести дыхание, меняясь поклажей, путешественники прошли метров сто двадцать и остановились по колена в снегу, совершенно измученные, задышающиеся.

— Не дойти, — сказал Валерка.

Пантелей посмотрел на него в раздумье.

— Петька! Знаешь чего? Дай мне свой ремень от брюк. Я им лыжу к валенку примотаю, схожу в посёлок и достану вам лыжи.

Петя хотел спросить, почему именно он должен отдавать свой ремень, почему именно они с Валеркой обязаны дожидаться на морозе, пока Пантелей будет ходить в посёлок, но не спросил ни о чём. Он молча снял ремень и протянул его Пантелею.

* * *

Так бесславно закончился отважный поход на собачьей упряжке. Пантелей сообщил поселковым ребятам о бедственном положении двух членов экспедиции, те надели лыжи и с хохотом отправились на помощь.

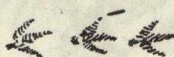
Ходят слухи, что Валерка с Петей предлагали впоследствии Пантелею снова пуститься с ними в экспедицию, но Пантелей, как рассказывают, ответил:

— Пу вас, ребята. С вами ещё пропадётся...

дети красивой тундры

Очерк Е. Рубцовой

Мой сказ коротким будет, друг.
Ты спрашиваешь, где
Живу я, что у нас вокруг
И так ли, как везде...

(Борис Пилицын, 10-й класс
3-й школы, Мончегорск).

«Ландшафт тундры серый и унылый. Плоская и волнистая равнина покрыта в более сухих местах лишайниками — ягельями (олений мох), а в заболоченных низинах — мхами. К ним присоединяются кустики морошки, клюквы, голубики, багульника... Животный мир тундры не отличается разнообразием...» Так написано в книгах, учебниках, энциклопедиях, и написано совершенно справедливо; такова тундра на миллионах квадратных километров во всех северных областях земного шара. Тундра рождена долгой полярной зимой, ледяным дыханием Арктики, торопливым и робким полярным летом.

Но тундра Кольского полуострова непохожа на другие. Это не плоская унылая равнина. Горы, самые древние в мире, вздымаются здесь к северному небу. Собственно, вершины этих гор и есть тундры, покрытые лишайниками, мхами и растениями-карликами. Ниже склоны поросли соснами, берёзами, елями, а в долинах, среди лесов, — бесчисленное множество больших и малых озёр. Взойдешь на гору, посмотришь вниз — словно на зелёном бархате брошены бирюзовые ожерелья, названные на серебряные ниточки рек.

Здесь, за Полярным кругом, зимой всё укрыто снежным покрывалом, и на небе в молчаливой пляске развернулись огни северного сияния, а летом солнце кружит над тундрой, не скрываясь за горизонт.

У северного края огромного озера Имандра, что

протянулось на сто с лишним километров, лежит горный массив, называемый Монче-тундрой.

На языке народа саами, давнего обитателя этих мест, «Монче-тундра» значит «Красивая тундра». Осенью золотая и багряная, летом зелёная, зимой серебрино-белая, Монче-тундра действительно всегда была красива. Но советский человек дал ей новую, особенную красоту.

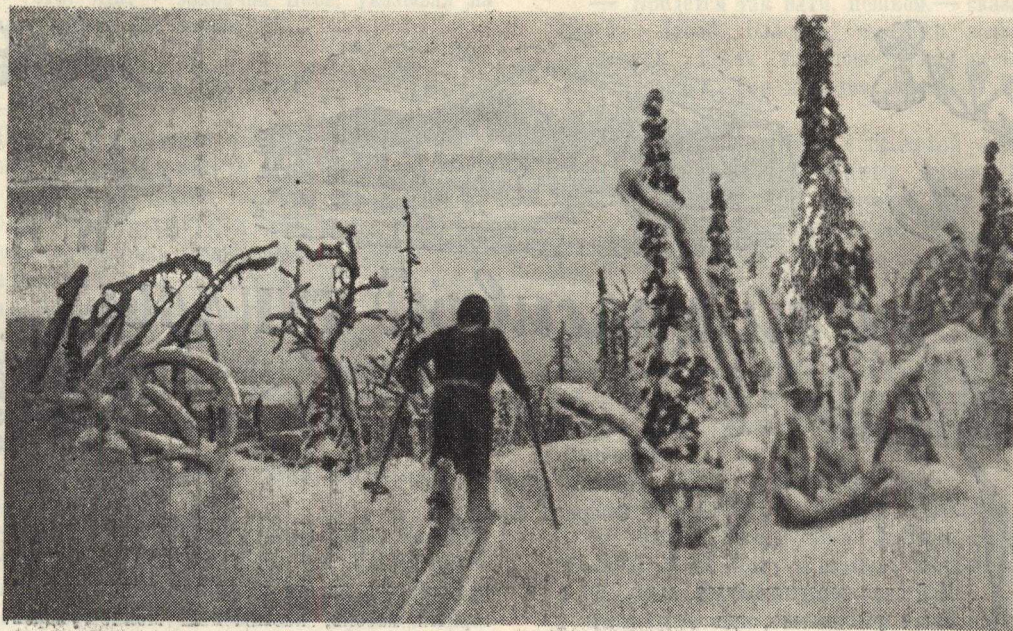
Пятнадцать лет назад здесь начал строиться город. Теперь он вырос, большой и многолюдный, раскинулся на много километров, и огни его спорят с полярной ночью, заставляя её отступать.

В Мончегорске много школьников, пионеров и комсомольцев. В школах за Полярным кругом, так же как и в других местах Советской страны, ребята учатся, дружат и помогают один другому, ходят в свой красивый и уютный Дом пионеров и в свою библиотеку, разучивают пьесы и сами сочиняют их, мастерят кукольный театр, выпускают стенгазеты и проводят хорошие сборы.

Мой рассказ пойдёт о том, как они любят свой северный край, свою тундру, свой родной город.

ПУТЕШЕСТВИЯ

«...Туман, молочно-густой, залил всё вокруг. Нюд, который стеной стоит над городом, совсем скрылся из глаз. Когда мы подошли к его подножью, на траве и кустах лежал иней. Мы поели сладких промёрзлых ягод брусники и начали взбираться вверх. На высоте около трёхсот метров остановились и взглянули вниз, надеясь полюбоваться прекрасным видом нашего города. Но мы его не увидели. Мы увидели море тумана, бесконечное море без берегов. Только трубы завода да крыша нашей школы высились над белыми волнами, и казалось, что два парохода плывут в скажном океане.

Кружевные от инея деревья, багровое зарево зимнего солнца — такая картина представилась юным путешественникам 3-й школы на вершине Ньюдайвенча.

Стали подниматься выше. Лес кончился давно, а теперь мы оказались на такой высоте, где и кустарники уже не растут. Исчезли карликовые берёзы, ивы, словый сланец. Вокруг нас только скалы, покрытые разноцветными лишайниками, да бурый мох в расщелинах. Мы взбирались по камням, помогая друг другу.

— Девочки, колокольчик! — крикнула вдруг Вера.

Мы все столпились вокруг неё. Здесь, среди угрюмых камней, да ещё осенью, расцвёл небольшой нежный голубенький колокольчик.

Мы дошли до середины горы, когда потоки золотого света полились на скалы, на траву, превратили иней в блестящие, радужные капельки росы. Показалось солнце. Оно было огромное, яркое и сразу оживило всё вокруг.

Но больше всех оживились мы сами. Все издали радостный клич, а Рая Явойш, ко всеобщему удовольствию, исполнила какой-то невиданный дикарский танец.

В полдень мы были на вершине.

Здесь было очень тепло, много солнца и ещё больше веселья. Начались игра в прятки, беготня и шум, прямо как на перемене во дворе школы.

Спуск был труден, но зато с горы мы увидели осенний лес, золотисто-зелёный, с красными гроздьями рябин, с белыми стволами берёз, с коврами брусники и черники.

Мы долго любовались им. Воздух был так чист и прозрачен! Вечерело, все горы стали голубыми и ещё более красивыми... Вот и дорога. Только те-

перь мы почувствовали, как устали и как хотим есть. Зато мы видели и лес, и скалы, и тундровых куропаток, уже одевших белый зимний наряд.

На этом кончается запись, в которой семиклассница Маня Колина рассказывает о походе на Ньюдайвенч — «Девичью вершину».

Путешествовать, лучше и лучше понимать нежную и неяркую красоту севера — неустойное стремление школьников Мончегорска. Но особенно знаменита своими путешественниками 3-я школа. Это выносливые, закалённые и решительные ребята.

Они преодолевают подъёмы по качающимся под ногой камням, они переходят бурные реки на перекатах и пускаются в плавание через большие озёра на утлом плоту.

Их не пугают ни мороз, ни пурга, ни дождь, ни туман, и, мокрые до нитки, они почуют в мокром лесу у костра без жалоб на усталость и холод. Нечего говорить, что они отличные лыжники и выносливые пешеходы.

Юные путешественники 3-й школы умеют смотреть и видеть, узнавать и помнить. В тундре они не гости, а хозяева. Они помнят, где стоят одинокие охотничьи избушки саамов, годные для ночлега, знают, куда ведёт горная тропинка, протоптанная оленями, на ночлеге жадно слушают рассказы охотников о зверях тундры, они знают, что значат на языке саами звучные и странные имена рек, озёр и гор Лапландии.

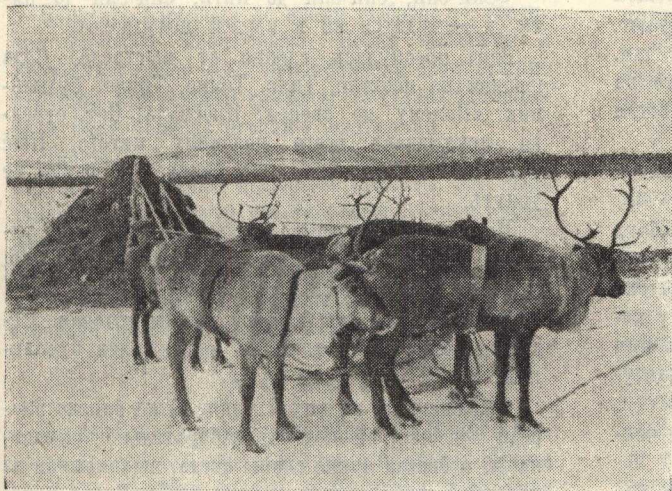
Они объяснят вам, что Кындыкор — Шумящее ущелье — действительно заслуживает своего на-

звания, потому что издали слышны рёв и грохот белого от пены, бешеного ручья, который мчитесь по дну его; что Реутчоккичорр, на вершину которого они как-то взбирались, значит Гора ревущего оленя и что, по преданиям народа саами, Акабир-пакенч, одинокую скалу на вершине горы Хишшик, взгромоздил богатырь Акабир. Поаз, Нюд, Сопч и Нитисуайвенч, опаловой короной венчающие окраину Мончегорска, — старые друзья, о которых слагают свои песни школьные стихотворцы.

Они устроили поход «по школам своего города». Но не думайте, что это значит сесть на трамвай или автобус и проехать пять остановок. Можно было, конечно, и на автобусе, но ребята предпочли другой путь. Мончегорск раскинулся среди лесов и гор. Он всё растёт, но ещё не слился в одно целое его районы. Из школы в школу дорога путешественников лежала то через лес, то через быстрый ручей, то в обход торфяника, а то и через заснеженную вершину Нюдауйвенч.

Пионеры 3-й школы бывают в заводских цехах, где лязгают краны-великаны, ухает гигантский молот, поют неумолчную песню станки. Часто взбираются на лесистую Кумжваренч, где в горном озере играет радужная, серебристая форель — кумжа и где, говорят, в перламутровых раковинах таятся жемчужины. Увы, юным искателям жемчуга не повезло: они нашли множество красивых перламутровых раковин, но ни в одной из них не оказалось жемчужин.

Там, где озеро Имандра голубым заливом Монче-губы протянулось к подошве Поаза и Нюда, стоит крохотная, словно сказочный лубяной домик, избушка. У молодого города молодые исторические памятники, и ребята знают, что когда-

Ещё не распряжены быстрые олени. Они только что примчали охотника-саама домой. Умные животные терпеливо ждут, когда их отпустят выкапывать лакомый ягель из-под глубокого снега.

то-избушка эта была единственным жильём в здешних местах, что жил в ней седобородый саам, охотник и рыболов Эван Калын, по-русски — Калина Иванович, что старый следопыт Калина Архипов был первым проводником советских учёных в неизведанной Монче-тундре, где не было иных дорог, кроме оленьих тропок.

Ребятам очень интересно знать, как живут саами — охотники, рыболовы, оленеводы. В горах Волчьей тундры, на Куцкиль-озере, они навещают семью охотника Ивана Архипова, а совсем недавно Анфиса Архипова, внучка старика Калины Ивановича, на сборе второго звена 18-го отряда рассказывала ребятам саамские сказки.

ЗВЕНО СЛУШАЕТ СКАЗКУ

«...Был один саам. Плохо ему было: пойдёт охотиться и ничего не добудет. Рассердился охотник, стал ругаться. Вдруг видит: чоккыпыр, леший.

— Зачем ругаешься? Давай охотиться вместе, я тебе помогать буду...

Согласился саам и вот убил много зверей. Стало у него много мяса и много хороших шкурок. Но, впрочем, саам боялся чоккыпыра и думал, как его прогнать. Узнал, что чоккыпыр боится змей.

Вечером, греясь у костра, охотник подбросил в огонь сырую ветку. Ветка стала шипеть.

Чоккыпыр спрашивает:

— Что это шипит?

Охотник ему говорит:

— Змея шипит, наверно.

Вскочил чоккыпыр и убежал в лес. Охотник обрадовался. Но недолго пришлось ему радоваться.

Смотрит: все шкуры убитых зверей убежали в лес за чоккыпыром...

Неторопливо течёт сказка. Слушают Света Корбут, звеньевая, и Таня Ковязова, и Люся Бланкина, и Шура Базанова, и Фурманова Майя, и Морозова Люба. Не проронив ни слова, следит звено за рассказчицей, и встаёт перед ними, отражённая в сказке, суровая жизнь народа саами.

«...Остался охотник один, опять ничего у него нет. Ходит он по лесу, следы видит, а звери не попадают. Вдруг опять чоккыпыр:

— Ты зачем меня прогнал? Вот я тебя за это съем!

— Ой, прости меня, мне и так худо, — просит саам.

— Не надо одному охотиться, найди себе помощника, а то не будет удачи, — говорит чоккыпыр.

Одолев крутой подъём, Роман Митин оглядывает широкую даль тундры. Он прекрасный лыжник, охотник и турист.

— Кого же мне взять, не знаю...

— Сам догадайся. Даю тебе три дня думать. Не придумаешь, съём.

Всю ночь думал саам. Утром собирается на охоту и берёт с собой жену. Весь день охотились, а ночью уснули у костра. Вдруг пришёл чоккыпыр. Подкрался к костру, разбросал горящие головешки, но ни саам, ни жена его ничего не услышали, так крепко спали. Разбудил чоккыпыр охотника и говорит:

— Нельзя так охотиться. Быстрее ищи помощника. Чтобы и зверя выслеживал и сторожем был. Не то тебя ночью дикие звери растерзают. Ищи помощника, я тебе ещё три дня сроку дам.

Вернулся саам домой, сидит, горюет: кого на охоту взять? Подбежала к нему собака, хвостом повиляла, руку лизнула.

— Тебя, что ли, взять? — говорит саам. — Больше никого нет у меня.

Собрался на охоту, взял собаку. Бежит собака по следу, дичь указывает. У дерева на глухаря лает, пока охотник близко не подойдёт. Весь день ему помогала. А вечером, когда саам уснул у костра, собака рядом свернулась. Подкрался к ним чоккыпыр. Собака вскочила, залаяла, не подпускает, и охотник проснулся.

— Ну вот теперь прощаю тебя, — сказал чоккыпыр, — хорошего ты выбрал помощника.

С тех пор все саамы охотятся с собаками. Собака — лучший помощник охотника», — окончила сказку Анфиса Архипова, внука старого саама.

— Ещё расскажите! — попросили хором девочки. — В другой раз ещё расскажу, — улыбается Анфиса.

— Спасибо, приходите ещё, — сказали девочки.

Они тут же записали сказку в отрядный дневник и решили почаще приглашать Анфису Архипову на сборы, чтобы больше узнать о народе саама, веками населявшем эти седые тундры и молчаливые леса.

ОТРЯД ЗАНЯЛ ПОСТЫ

Ещё с вечера старшая вожатая напомнила:

— Значит, без опозданий, друзья! Вы вступаете на дежурство ровно в шесть утра.

Какие уж там опоздания! Вера Варцаба шла из школы и думала: «Завтра! Скорей бы уж наступило завтра».

Она шагала по скрипящему снегу. Кругом шумели сосны, между ними светились приветливо огоньки домов, звёзды искрились на чёрном бархате неба...

Дома Веру ждал ужин, но, прежде чем сесть за стол, она тщательно выгладила форму и галстук.

...Будильник поставлен на пять. Вера слушает его тиканье, такое успокаивающее и надёжное.

«Спи-спи, спи-спи до пяти, спи-спи до пяти...» — чудится ей в первой полудремоте.

Вера проснулась, словно от выстрела. Села рывком на постели. Тихо. Темно. Тикает будильник. «Почему не звенел? Проспала! Нет, стрелка показывает всего половину пятого. Ещё рано...» Но Вера уже не ложится: всё равно не уснуть.

На улице её охватила утренняя свежесть и тишина. В лицо дул тёплый, почти весенний ветер, и сочно шумели сосны.

Маня Колина ждала Веру совсем готовая. Вероятно, ей сегодня тоже не понадобился будильник!

Они спешили по тихой улице. Уже близко впереди освещённый подъезд избирательного участка № 4 бросал яркие снопы света, выхватывая из утренней тьмы тонкие стволы берёз. Вдруг в небо взвились ракеты. Ещё... Ещё... Это сигнал! Шесть часов. Начало выборов! Девочки стрелой помчались по улице.

Вероятно, на этом последнем квартале они поставили какой-нибудь мировой рекорд, но это осталось незамеченным и для них самих и для всего остального человечества. Вздошные, задышающиеся от стремительного бега, они вбежали на крыльцо. Все были уже на месте. У двери, у кабин, возле избирательной урны адели красные галстуки мальчиков и девочек отряда 7-го класса «Б». Пионеры заняли свои посты.

Ох, какое это было замечательное утро! Каждого входящего Вера встречала вежливым и приветливым приглашением:

— Сюда, налево, пожалуйста! — и указывала столы членов избирательной комиссии.

Потом надо было усадить на стул старенькую бабушку, которая, пока дошла, устала. Потом надо было пойти к рабочему, товарищу Дешкину, узнать, не болен ли он. Потом — к Валевым, у которых четверо детей: может, им не с кем малышей оставить?

Но, увы, Валеевы, уже одетые, встретили Веру и Машу у дверей; с ребятами осталась соседка.

От Валеевых они побежали к Лемеховым, у которых тоже есть дети. Но, к тайному огорчению пионерок, и здесь всё уладилось без них.

Вернувшись на участок, они продолжали дежурство, и, когда в десять часов утра пришёл на смену отряд 6-го класса «А», так и хотелось попросить: «Подождите, мы ещё не надежурились!» Но нечего было и пробовать: шестиклассникам тоже хотелось нести пионерскую вахту.

Помогать взрослым во время выборов — традиция пионеров Мончегорска. Перед выборами в Верховный Совет СССР они принесли свои лучшие игрушки для детской комнаты. Светлана Васильева и Валя Чернова играли с малышами.

Пионеры 3-й школы получили поручение — расклеить на стенах выборные плакаты. Это было замечательно, хотя и нелегко: февральская стужа живо заморозит клей, если не поторопиться. Намазывая клейстером яркие листы и приглаживая их на стене быстрым движением ладони, ребята чувствовали себя счастливыми и гордыми.

ХОЗЯЕВА

Первые школьники приехали в Мончегорск, когда его жители ещё селились в палатках. Пурга заметала палатки снегом, и по утрам надо было откапывать проходы, прежде чем выйти. На глазах у ребят вырастали первые домики, проклады-

Трепещущими знамёнами развернулось над Мончегорском северное сияние.

Рисунок Анатолия Трусова, ученика 8-го класса 3-й средней школы.

вались первые улицы. Классом им служила столовая рабочих-строителей, а на то место, где вскоре выросло белоснежное здание первой школы, они бегали по ягоды и с интересом слушали рассказ о том, как-то давно охотники убили медведя.

В 1937 году в светлом, просторном классе красивой новой школы № 1 ребята открыли нарядно разрисованную тетрадь и на первой странице написали:

«Есть города-старика, им по тысяче лет и больше. Есть города помоложе, а город Мончегорск, в котором мы живём, самый молодой в мире.

У нас, в третьем отряде, собрались ребята с Урала, из Сибири, с Украины, и вот мы решили писать историю нашего Мончегорска...»

Так начиналась пионерская летопись. С тех пор прошло 13 лет. Уже окончили школу и стали взрослыми те пионеры, которые писали первые строки летописи. Уже в Мончегорске не одна, а много больших каменных школ. Теперь те жители Мончегорска, которые носят пионерские галстуки, не могут похвалиться тем, что они старше своего города. Они не помнят времени, когда среди елей и сосен Мончи люди жили в палатках, когда грибы и ягоды росли там, где теперь раскинулись дома и улицы, а следы зайца и белой куропатки можно было увидеть в черте города.

ОТРЯД ГОТОВИТСЯ К СБОРУ

Как-то раз, возвращаясь из школы, мы шли по проспекту Революции. Широкий и прямой, с высокими домами, он тянется от самого вокзала через весь город. Четыре ряда лип выстроились по обеим его сторонам.

— Хороший у нас город, красивый, — вдруг сказал кто-то из нас.

— Это он недавно таким стал, — ответил Ваня Оленичев. — А раньше вот тут, где мы идём, была грязь по колено.

— А ты откуда знаешь?

— Мне сосед рассказывал, — говорит Ваня. — Он в Подольске ещё до революции жил.

— А почему наш город Подольском называется? — спросил Витя Платонов.

Никто из нас этого не знал...

И вот мы решили узнать историю своего

города. Стали мы расспрашивать об этом своих родителей, соседей, знакомых. Но они не могли точно ответить на наши вопросы. Тогда мы пошли в библиотеку, стали рыться в книгах и нашли, что в 1781 году в город Подольск было переименовано село Подол, вотчина московского Данилова монастыря.

Скоро все увлеклись розысками сведений. И часто кто-нибудь из ребят, приходя в класс, говорил:

— Оказывается, наш Подольск когда-то был разделён на двадцать кварталов. В самых лучших жили богачи, а бедняки селились за мостом, на низком берегу Пахры. Как половодье, так их водой заливало.

— Знаете, ребята, а до революции в нашем городе всего три школы было, многие жители даже расписываться не умели, са-

Такой была до Октябрьской революции старая Бронницкая улица в Подольске (рисунок слева). И вот как она выглядит теперь. Её назвали проспектом Революции. Рисунки ученика 7-го класса «Б» Семёнова.

мый богатый купец в городе и то вместо подписи ставил крестик, — сообщал другой.

Нас заинтересовало прошлое не только Подольска, но и его окрестностей. По выходным дням и во время каникул мы стали устраивать походы по району. В Царицыне мы осмотрели развалины недостроенного дворца времён Екатерины II. Строил его выдающийся русский архитектор Баженов, но Екатерине дворец не понравился, и она приказала прекратить постройку. Так и остался дворец недостроенным. Побывали мы в селе Астафьево, где жил поэт Вяземский. В его доме часто бывали Карамзин и Пушкин.

А когда мы собрали сведения о старом Подольске, нам захотелось узнать, каким он будет через несколько лет. Узнали мы об этом в городском Совете. Там мы познакомились с планом будущего Подоль-

ска. Показывая нам план города, сотрудник горсовета говорил:

— Вот здесь будет театр. Здесь новые школы. А в этом месте Пахру, пересечёт плотина и будет построен детский речной порт. По реке поплывут пароходы, а такие ребята, как вы, будут на них капитанами, рулевыми, матросами.

Обо всём этом мы рассказали на сборе отряда, где было много гостей — пионеров других отрядов и родителей.

С тех пор прошло немного больше года. Сейчас мы сами видим, как меняется наш город. На улицах уже появились новые деревья, поперёк Пахры протянулась плотина, открылась водная станция с лодочной пристанью. Строятся и театр и новые школы.

Слава Бушарев,
Стасик Николаев, Ися Маль,
7-й «Б» класс, 3-я средняя школа,
город Подольск.

НАШЕ ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТИЕ

Я и мой друг Саша Сидоров любим рисовать. Мы занимаемся в кружке по рисованию в Доме художественного воспитания детей города Люблино. Здесь мы научились делать силуэты. Это очень увлекательное занятие.

Сначала на белом листе бумаги делается рисунок карандашом. Потом пером аккуратно обводятся его контуры. После этого весь рисунок надо «залить» тушью. Делать это нужно очень осторожно, чтобы ни капельки туши не попало за контур.

Как-то раз, заливая рисунок, я посадил кляксу на совсем готовой работе рядом с силуэтом мальчика. Было обидно: ведь всё уже сделал и вдруг испортил. Я решил стереть кляксу резинкой. Но наш преподаватель Дмитрий Гаврилович Соболев сказал мне, что так дела не поправишь.

— Лучше сообрази, — посоветовал он, — нельзя ли эту кляксу превратить в силуэт.

Я подумал и принялся за работу. Скоро на месте кляксы появилась новая фигурка. Получился очень весёлый рисунок: мальчик убегает от собаки.

Мы умеем теперь не только рисовать силуэты, но и вырезать их из бумаги, чёрной и белой. Белый силуэт наклеиваем на чёрный фон, чёрный — на белый. Так хорошо заметна даже самая мелкая деталь.

Сначала мы делали силуэты людей, животных, разных предметов, а теперь делаем целые пейзажи. Это уже сложная работа. Но зато, если постараться, выходит очень красиво.

Силуэты, которые изображены здесь, сделали Саша Сидоров, Федя Ромашкин и я.

Слава Щеглаков,
город Люблино, Московской области.

КАК Я ПОЧИНИЛ МОТОЦИКЛ

Мой папа работает в гараже, и я часто бываю у него. И папа и механики гаража охотно объясняют мне устройство различных приборов и физические законы, по которым они действуют.

Летом шофёры брали меня с собой в поездки, и, помогая им, я научился управлять машиной.

У моего папы был поломанный мотоцикл. Мне захотелось починить его, чтобы покататься. Но ремонт требовался большой, и я сначала не знал, как к этому подступиться, и стал просить механиков, чтобы они починили мотоцикл.

— Как же так? Раз ты хочешь быть механиком, то смелее сам берись за дело, — ответили они.

И я взялся. Долго возился я с мотоциклом. И хоть без помощи механиков не обошлось, я всё-таки многое починил сам и стал ездить. Правда, мне чаще приходилось таскать мотоцикл, чем кататься на нём. Но один раз мотоцикл оказался очень полезным.

Осенью наш класс помогал пригородному колхозу убирать картофель. Работали мы хорошо. И вот ребята захотели

пить, а чистой воды поблизости не было. Тогда я живо слетал за водой на мотоцикле.

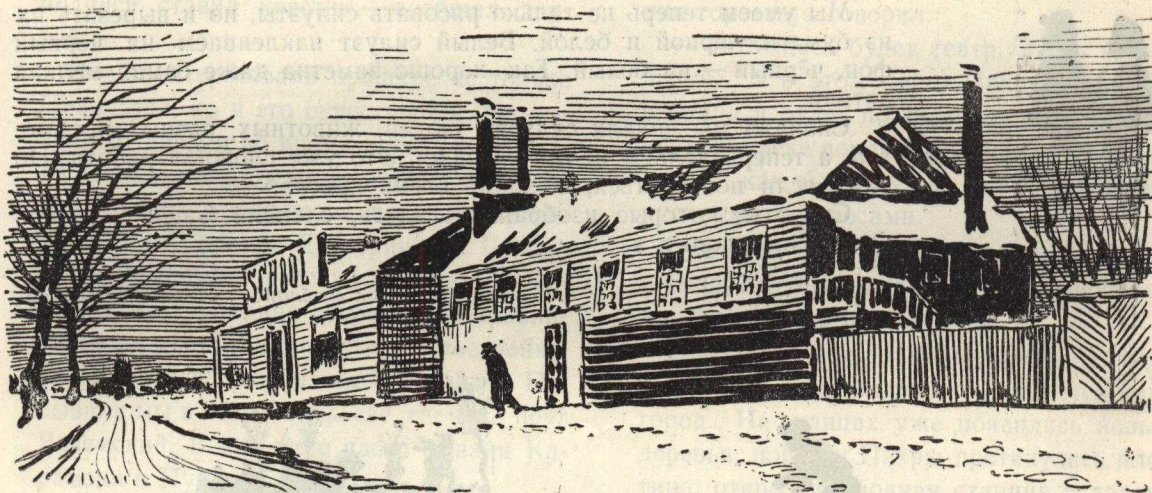
В этом году мы изучаем физику. Всё, что я узнал в гараже, мне теперь помогает в учении. Я знаю и могу объяснить устройство нагнетательного воздушного насоса, гидравлического тормоза и других механизмов в автомашине. Однажды, когда учитель нам рассказывал о значении трения и сцепления в природе, я вспомнил поездку с одним шофёром за торфом. Дорога была грязная, и при подъёме на невысокую горку наша машина забуксовала: мотор работал, колёса вертелись, а машина ни с места. Я спросил у шофёра, почему машина буксует.

— Видишь, грязь какая. От этого между колёсами и дорогой сцепления нет. Бери лопату, счищай грязь, — сказал он.

Мы очистили дорогу, подложили под колёса хворост, и машина пошла.

Об этом случае я рассказал на уроке, чтобы привести пример полезного сцепления.

Толя Ганница,
ученик 6-го класса 10-й школы, город Гомель.

Судьба Тома Бальма

А. Морозов

Рисунки Г. Филипповского

Жители города Квинберна не могли гордиться своей школой. И когда какой-то приезжий спросил директора школы мистера Веста, что помещается в этом мрачном здании, мистер Вест ответил не сразу. Несколько мгновений он молча смотрел на дряхлый серый дом, похожий на что угодно: на тюремный барак, морг, заброшенный склад, — но только не на школу.

— Здесь делали мыло для солдат, — сказал наконец Вест. — Это постройка военного времени.

Вест отлично знал, что многие школы штата Мичиган с радостью переехали бы и в такое здание. Только недавно в Квинсейской школе во время уроков рухнул потолок. Школа, где работал приятель Веста, директор Мотс, взлетела на воздух, потому что в нижнем этаже было какое-то опасное производство. Дырявые крыши, фанерные перегородки между классами, окна без стёкол, ледяные сквозняки зимой и удушливая жара летом — всё это было обычным явлением в школах.

Мистер Вест прекрасно понимал, что иначе и быть не может. Ведь в прошлом году расходы на народное образование составляли всего один процент государственного бюджета, а на военные расходы было истрачено семьдесят процентов. Директор школы в Квинберне давно смирился с таким положением. Но сегодня у него была особая причина расстраиваться: из школы уходил учитель Митчелл, тихий,

скромный человек, никогда не вмешивавшийся в дела директора. Уход Митчелла был странным, образом связан с тем, что раньше в школе помещалась фабрика мыла.

В этом здании было невероятно много крыс, грозных хищников, которые совершенно не боялись людей.

Когда все вкусные и питательные вещества, из которых делали мыло, вдруг куда-то исчезли и зданием завладела шумная ватага ребят, голодные крысы решили как можно скорее выжить дерзких пришельцев. Сверкая глазами, они кидались прямо под ноги людям, кусали детей во время уроков за пальцы, торчавшие из дырявых башмаков. В одну ночь хищники съели все географические пособия школы: старую, засаленную карту мира, изданную лет пятьдесят назад, и рекламную карту дорог США, выпущенную компанией «Стандарт ойл». После этой потери Вест почувствовал себя совершенно обесоруженным.

Тогда борьбу с крысами возглавил Митчелл. Он и старшие мальчики проявили в этом деле исключительную изобретательность. Большую помощь им оказали терьеры и совы, прирученные Томом Бальмом. Птицы с криком носились ночью по коридору, камнем падая на добычу.

Всех крыс не удалось уничтожить, но всё же занятиям они стали мешать гораздо меньше, и Вест мог бы радоваться этой

победе, если бы новая специальность не смутила скромную душу Митчелла. Он стал мечтать о работе крысолова, оплачиваемой несравненно лучше, чем труд учителя. Вскоре мечта Митчелла осуществилась — ему предложили место крысолова в Бостонском порту.

Войдя в свою комнату, Вест увидел Митчелла, сидевшего с унылым видом.

— Вы как будто повесили нос, Митчелл? Вы ещё можете остаться у нас, если захотите.

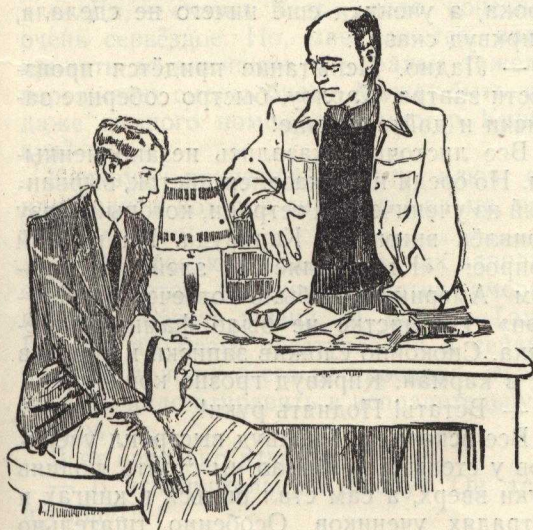
— Нет, я решил твёрдо. Но я чувствую себя дезертиром. Что будут думать обо мне дети, которых я учил? Они скажут: «Митчелл променял нас на крыс». Мне жаль моих ребят: среди них есть прекрасные мальчики. Что станет с Томом Бальмом?.. Мне хотелось помочь ему найти настоящую дорогу.

Директор устало махнул рукой:

— Бросьте, Митчелл. Какую дорогу можете указать вы, человек, не нашедший своего пути? Хотя вы и считаете положение крысолова блестящим, но ведь для этого не стоило столько времени тратить на изучение наук, не имеющих никакого отношения к крысам.

— У меня тяжело больна мать, — печально ответил Митчелл, — доктор сказал, что ей надо лучше питаться.

— Я не осуждаю вас, Митчелл. Разве можно существовать на 300—400 долларов в год? Сотни тысяч учителей покидают свою работу. Стыдно сказать — всё своё свободное время я трачу на изготовление платяных щеток, которые продаёт мой пле-

— Я не осуждаю вас, Митчелл. Сотни тысяч учителей покидают свою работу.

мянник. Я ничего не читаю, забыл всё, чему учился. У меня не повернётся язык осудить вас. Но мне жаль, что я теряю вас. И я боюсь, что сюда придёт какой-нибудь молодчик из гех, которые делают карьеру, губя других на своём пути.

Митчелл угрюмо молчал несколько минут, смотря на банку с раствором формалина, в которой стояла на задних лапах ящерица, побелевшая от времени. Лет двадцать назад Вест, став учителем, мечтал создать коллекцию для занятий по естествознанию. Несчастная ящерица была первой и последней жертвой этого благого намерения.

— Дорогой мистер Вест, — с трудом сказал Митчелл, — я должен вас огорчить. На моё место назначается Джеймс Кирквуд. Отъявленный негодяй и предатель. Он, конечно, здесь долго не останется, но будьте с ним очень осторожны...

* * *

— Ну, кто у вас относится к группе «А»? — громко, отрывисто, словно отдавая военную команду, закричал Джеймс Кирквуд, широкоплечий человек, в движениях которого чувствовались спортивная тренировка и военная выправка.

Оборванные, съёжившиеся от холода, мальчики растерянно переглянулись.

— Вы что, не понимаете английского языка? Сколько раз надо повторять?

С последней скамейки поднялся высокий худой мальчик:

— Простите, мистер Кирквуд, в нашем классе не было деления на группы. Мистер Митчелл, наш прежний учитель, почему-то не делал этого. Кроме меня, никто не знает о таких группах.

— А ты откуда знаешь? Как твоё фамилия? Вы, наверно, сговорились и обманываете меня!

— Меня зовут Джек Харлоу. Я недавно приехал из штата Миссисипи.

— Ну, там в школах больше порядка. Ты к какой группе относишься?

Джек помолчал минутку, потом решительно ответил:

— К группе «А».

На самом же деле с момента поступления в школу Джек был зачислен в самую последнюю группу — «С», группу «умственно отсталых» детей, — и оставался в ней всё время. Учитель считал своё распределение на группы безошибочным.

— Отлично. Тогда я сам установлю, что представляет собою каждый из вас. В на-

шей стране все равны! — крикнул Кирквуд. — Каждый может стать миллионером или президентом! Нужны только способности и воля к жизни, нужно быть настоящим американцем — стараться продвигаться вперёд, обогнать других, думать только о себе! Сейчас вам предстоит очень важное испытание своих сил. Кто ответит на все три вопроса, тот будет зачислен в группу «А». На этих учеников мы будем обращать самое большое внимание, некоторые из них получают возможность продолжать образование.

Ответившие на два вопроса — это ученики сортом похуже. Им нечего тянуться за образованием. Но после окончания школы они смогут выдвинуться на работе.

Кто ответит на один вопрос, тот попадёт в группу «С». Я никогда не возражаю, если ученики из этой группы бросают школу и поступают на завод или нанимаются на сельские работы. Образование им не нужно.

— А кто не ответит ни на один вопрос? — раздался тихий голос.

— Не смей говорить без моего разрешения! — закричал Кирквуд. — Кто совсем ничего не ответит, тот — идиот! Теперь вы понимаете всю важность предстоящего вам испытания. Вы сразу узнаете о том, что ждёт вас в жизни и к какому сорту людей вы относитесь.

— Разве можно делить людей на сорта, словно какие-то вещи? — снова раздался тот же голос.

Кирквуд незаметно сжал кулаки, но сдержался.

— Ну, а как же по-твоему? Почему людей нельзя делить на сорта, если они действительно разные? Разве ты согласишься с тем, кто будет утверждать, что ты такой же человек, как негр?

— Я считаю негров точно такими же людьми, как я сам, — ответил, вставая, мальчик лет четырнадцати.

— Очень интересно! Кто же научил тебя так думать?

— Мой старший брат.

— А! Наверно, рабочий, а может быть, и коммунист?

— Нет, он не был коммунистом. Он на днях убит в Корее.

— Конечно, он не был добровольцем?

— Конечно! — твёрдо ответил мальчик.

В классе стало совсем тихо. Слышно было только, как под полом пищали крысы. Большинство мальчиков сидело, низко

опустив головы, следя исподлобья за новым учителем. Казалось, они не дышали.

— Твой брат доблестно сложил голову за честь Штатов, и неужели ты не хотел бы отомстить за него, — например, сбросить на корейцев атомную бомбу?

— Нет. Они не виноваты. Они не нападали на нас.

— Довольно. Садись. Мне всё понятно, — сказал Кирквуд. — Сейчас я произведу испытание, и я уверен, что ты окажешься в группе «С». Кстати, как тебя зовут?

— Том Бальм.

Кирквуд раздал всем ученикам одинаковые листки бумаги, на которых было написано по три вопроса.

— На ответы даётся шесть минут. За обращение к соседу сейчас же выгоню из школы. Начинайте!

В этих грозных предупреждениях не было нужды. Мальчики были напуганы поведением своего нового учителя и сидели, не глядя друг на друга, судорожно стиснув перья дрожащими пальцами.

Кирквуд ходил по классу, грозно хмурясь, но в душе он был очень доволен. «Вот как меня все боятся! Даже лишили способности думать...» Кирквуду важно было показать хозяевам штата Мичиган, что он умеет управлять учениками, словно стадом покорных овец, умеет внушать им преклонение перед властью денег. Пусть знают, что он за человек и какую работу ему можно доверить! Он всё не собирался долго оставаться школьным учителем... Увидев, что приближается конец урока, а ученики ещё ничего не сделали, Кирквуд сказал:

— Ладно. Испытание придётся произвести завтра. Харлоу, быстро соберите записки и дайте их мне!

Все листочки оказались незаполненными. Но среди них оказался листок, вырванный из ученической тетради, который сразу привлёк внимание Кирквуда. На первый вопрос: «Кто является злейшим врагом Америки?» — было отвечено: «Трумэн». На листке не было фамилии ученика. Спокойно сложив записки и спрятав их в карман, Кирквуд грозно крикнул:

— Встать! Поднять руки!

Все вскочили. Кирквуд выстроил учеников у стены и приказал им стоять, поднимая руки вверх, а сам стал рыться в книгах и тетрадях учеников. Особенно тщательно он осмотрел тетради Тома Бальма и, как ожидал, нашёл страницу, от которой лез-

внем безопасной бритвы был отрезан листок, найдённый Кирквудом среди записок с тремя вопросами.

— Вон! — закричал Кирквуд ученикам. — А ты, Бальм, останься.

Когда мальчики убежали из класса, Кирквуд вкрадчиво сказал:

— Кто научил тебя, Том? Учитель? Может быть, мистер Вест? У мальчика подобные мысли не могут появляться самостоятельно. Скажи мне, кто тебя научил, и, клянусь, я забуду всю эту печальную историю. Ведь я понимаю тебя. Ты любил брата и теперь сам не свой.

— Никто не учил меня. Я отлично знаю, что этот человек виноват в смерти Генри и тысяч других парней. Вы это тоже понимаете.

Железными пальцами Кирквуд стиснул худое плечо мальчика, резко повернул его к двери и, толкая впереди себя, потащил по коридору туда, где была кладовая, наполненная разным школьным хламом. Он втолкнул Тома в кладовку, захлопнул за ним дверь и запер её на ключ.

* * *

— Да, — сказал Вест, — дело, конечно, очень серьёзное. Но, мне кажется, надо принять во внимание, что Бальм тяжело переживает смерть брата. Может быть, он даже немного помешался, мистер Кирквуд?

Кирквуд, принеся Весту ключ от кладовки, в которой он запер Бальма, пожал плечами:

— Он абсолютно здоров и, как заправский агитатор, выступает против американского образа жизни. Я поймал Тома Бальма на месте преступления и сейчас поеду и доложу о его настроениях. Этого негодяя надо отправить в исправительную школу.

Вест невольно вздрогнул:

— В исправительную школу? Он там погибнет!

— Тем лучше. Нам нужно немедленно

— Очень интересно! Кто же научил тебя так думать?

и беспощадно выбрасывать таких учеников, чтобы они не могли дурно повлиять на других. Бальм кроме того — ещё и вор.

— Вор? Не может быть! Этому я никогда не поверю. Мальчик вырос на моих глазах, я отлично знаю всю его семью.

— Мистер Вест, этот мальчик украл у меня из кармана деньги, когда я стоял возле него. Надеюсь, вы можете мне поверить?

Вест знал, что Кирквуд лжёт, но он только молча пожал плечами, понимая, что дальнейшие возражения ещё больше обозлят Кирквуда.

Когда Кирквуд ушёл, Вест взял со стола большой, тяжёлый ключ от кладовки, в которой сидел Том. Отныне Бальм был обречён на жизнь под замком, за решёткой тюремных камер: из исправительной школы только одна дорога — в тюрьму...

И Вест вспомнил историю одного своего ученика, Ричарда Кэмпбелла. Лавочник Смит, обозлившийся за что-то на отца Кэмпбелла, ложно обвинил мальчика в краже, и Ричарда безо всякого разбора дела отправили в исправительную школу. Потом до Квинберна дошли плохие вести о Кэмпбелле, а когда Вест случайно встретился с Кэмпбеллом, он с трудом узнал в этом затравленном, оборванном человеке своего бывшего ученика. Кэмпбелл рассказал старому учителю свою историю:

— Я испытал много мучений, дорогой мистер Вест, видел много ужасного. Но самые страшные воспоминания в моей жизни связаны с исправительной школой. Я старался вести себя образцово, но я не мог стать шпионом и доносчиком, и меня за это жестоко наказывали. Нас голых заставляли ползать на четвереньках по полу, усыпанному рисом, до тех пор, пока руки и ноги не начинали кровоточить. Часами мы изображали «пьяных лягушек» и ходили утиной походкой, взявшись руками за щиколотки, пока не сваливались на пол без чувств. Я сидел в тёмном карцере, где вместо кровати стоял чёрный гроб. Два месяца я провёл в одиночке — «камере для размышления», — когда мне было шестнадцать лет.

— Но неужели нельзя всё это забыть и начать другую жизнь? — спросил Вест.

— Нет! — злобно ответил Кэмпбелл. — Нет! Восемьдесят человек из ста, прошедших «исправительную школу», становятся настоящими преступниками... Мне больше нечего бояться и нечего жалеть.

Всё это вспомнил Вест, держа в руке ключ от первой тюрьмы, в которую попал Том Бальм.

Множество детей становятся преступниками в Америке. Даже по официальной правительственной статистике, ежегодно

заключается в тюрьмы в ожидании суда или для отбытия наказания от пятидесяти до ста тысяч американских мальчиков и девочек. И в эту массу обречённых людей Кирквуд теперь толкает Тома Бальма.

Вест быстро оделся, сунул в карман все имевшиеся у него деньги и почти побегал к зданию школы.

Распахнув дверь кладовки, Вест крикнул:

— Том, это я, не бойся!

На крыльце школы Вест протянул Тому деньги:

— Беги, мой мальчик. Спасайся, пока они тебя не «исправили». Беги к Митчеллу, в Бостон. Он слабый человек, но он, наверно, поможет тебе на первых порах, а потом ты уже сам найдёшь дорогу к настоящим людям.

Том стоял в нерешительности:

— А что же будет с вами, мистер Вест? Ведь Кирквуд жестоко отомстит вам за то, что вы выпустили меня. Может быть, мне лучше остаться?

— Нет. Беги. Надо же когда-нибудь начинать новую жизнь.

Бальм скрылся в ночной темноте, в злой снежной пыли, думая о том, к кому относились последние слова Веста: к нему, Тому, или к самому директору?

Ребята! Сегодня на занятиях нашей спортивной школы присутствует Мария Григорьевна Исакова, трёхкратная чемпионка мира по скоростному бегу на коньках. Её советы помогут вам наладить спортивную работу в вашем звене и отряде.

ПУТИ К ПОБЕДЕ

Дорогие ребята! Я знаю, что большинство из вас любит ходить на лыжах и бегать на коньках. Но, наверно, и в вашем отряде и даже в вашем звене есть ребята, которые не занимаются физкультурой. Как же заинтересовать таких ребят спортом? Надо начать с самого простого. Устраивайте почаще на пионерских сборах физкультурные игры, ходите все вместе на лыжах, бегайте на коньках. Проводите соревнования на лучшего лыжника и конькобежца. Берите с собой и тех ребят, которые не интересуются спортом. Особенно полезно этим ребятам — да и всем вам — посмотреть выступления и тренировки взрослых мастеров спорта. Я уверена, что, глядя на хороших спортсменов, ребята сами захотят попробовать свои силы.

Так, например, было со мной. Помню, как четырнадцатилетней девочкой я впервые пришла на каток: Был канун Нового года, сверкала огнями ёлка, вокруг неё кружились и танцевали весёлые люди. Меня поразили изящество и лёгкость их движений. Казалось, они совсем не касались земли. И мне тоже захотелось покататься на коньках. Я выпросила у брата коньки. Они были такие огромные, что мне пришлось надеть ботинки прямо на валенки. Конечно, я, как и все новички, довольно часто падала. Но это совсем не расстраивало меня, потому что я уже любила спорт.

Я уверена, что со многими ребятами случится то же самое, надо только заставить их стать на коньки.

А те из вас, кто хорошо ходит на лыжах и бегает на коньках, должны позаниматься с новичками.

Помощь товарищам — это обязанность хороших спортсменов. Не должно быть у вас таких ребят, которые заинтересованы только в своих успехах. Надо постараться вовлечь в спорт как можно больше ребят. Тогда, если в школе не было до сих пор чемпионов, они появятся, а если были, их станет ещё больше. И спортивные показатели у всех будут лучше и заниматься спортом станет интереснее.

Спортом хорошо заниматься тогда, когда в твоих успехах заинтересован весь коллектив, и все тебе хотят помочь, и ты сам помогаешь товарищам, когда у тебя есть сильный, достойный противник, с которым интересно соревноваться.

Не думайте, что заниматься спортом надо подолгу. Некоторые ребята, я знаю,

Из Записной книжки Вожатого звена

Построить для малышей ледяную карусель
На катке устроить соревнование на длину шага: кто из конькобежцев десятью шагами пройдёт большее расстояние.

Мария Исакова на дистанции.

целый день гоняют банку по двору, думая, что от этих упражнений они станут настоящими хоккеистами. Напрасно! От непрерывной беготни они только утомляются и вырабатывают привычку к неточным и неверным ударам. Потом, при настоящих занятиях, тренеру придётся их переучивать.

Заниматься спортом нужно не чаще, чем два — три раза в неделю, часа по два, не больше. Но зарядку и небольшие пробежки или прогулки надо делать каждый день. На это должно уходить около полутора часа. Всего же на спорт вы должны тратить восемь—десять часов в неделю, но заниматься им надо регулярно.

Хорошую подготовку дают уроки физкультуры. Напрасно некоторые ребята невнимательны на уроках. Очень полезны разные подвижные игры, не только физкультурные, но и весёлые игры во дворе: салочки, чижик, игры с мячом и с любимой девочками скакалкой.

Мы, мастера спорта, тоже прыгаем через скакалку. Упражнения со скакалкой входят в утреннюю зарядку и тяжелоатлета, и боксёра, и футболиста, и конькобежца. Мы так же, как вы, устраиваем пробежки и играем в подвижные игры.

Для всестороннего развития каждый из нас занимается не одним видом спорта, а несколькими. Я, например, занимаюсь и плаванием, и греблей, и легкоатлетикой,

играю в волейбол, хожу на лыжах, бегаю, прыгаю.

Чтобы в совершенстве овладеть каким-либо видом спорта, приглядывайтесь к хорошим спортсменам, изучайте их движения, старайтесь им подражать. Для меня, например, огромное значение имело знакомство со стилем заслуженного мастера спорта И. Я. Аниканова. Я старалась подражать ему во всём, и это очень помогло мне в занятиях. Теперь И. Я. Аниканов занимается со мной постоянно. Это мой тренер.

Конечно, сначала вам не всё будет удаваться, будут и неудачи и поражения. Мне коньки не давались очень долго. И товарищи в шутку называли меня «чемпионкой по падению». Я обычно начинала бежать очень быстро. Но техника у меня была слабой, уверенности в себе не было, я пугалась скорости и... падала.

Во время моего первого выступления в Москве со мной произошёл совсем ужасный случай. Я не только упала, но, поднявшись, побежала не в ту сторону. И сообразила, что ошиблась, только тогда, когда на трибунах засмеялись и закричали. В следующих забегах я приложила все силы, чтобы наверстать упущенное. И несмотря на неудачу в начале соревнования, вышла тогда в пятёрку лучших конькобежцев Союза и обошла чемпионку Москвы.

Боксёр Николай Королёв проиграл подряд три первых боя. Но он умеет бороться за победу, и сейчас он чемпион Советского Союза.

Вы знаете, сколько раз терпела поражение команда ЦДКА, сколько лет она боролась за звание чемпиона СССР по футболу. Но у этой команды огромная воля к победе. В трудной борьбе коллектив становился сплочённым, крепче и в конце концов добился победы.

Эта страстная воля к победе, стойкость в борьбе, упорство, не позволяющее мириться с неудачами, характерны для советских спортсменов.

Поэтому мы добиваемся победы на международных соревнованиях. Это показа-

тель не только высокого мастерства спортсменов, но и того, что характер у наших спортсменов крепче и сильнее, чем у зарубежных.

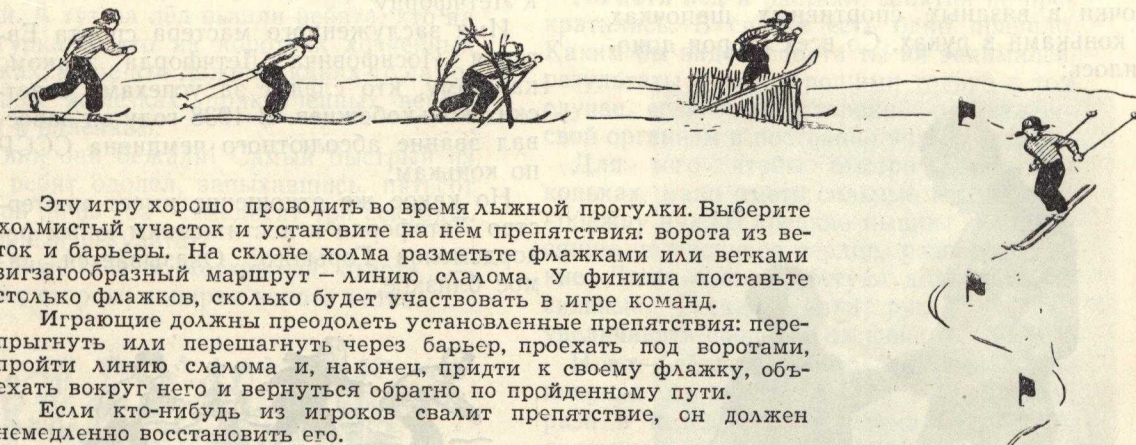
Когда мы защищаем честь своей страны, трудности нам не страшны. Мы знаем, что не должны потерпеть поражения, и уверенно добиваемся победы.

От вас, ребята, мы ждём, что вы не только удержите наши достижения и рекорды, но перекроете их и завоеуете мировое первенство во всех видах спорта. Готовьтесь стать сменой чемпионам.

М. Исакова,
чемпионка мира по конькам,
заслуженный мастер спорта

Бег с препятствиями

Игра для отряда

Эту игру хорошо проводить во время лыжной прогулки. Выберите холмистый участок и установите на нём препятствия: ворота из веток и барьеры. На склоне холма разметьте флажками или ветками зигзагообразный маршрут — линию слалома. У финиша поставьте столько флажков, сколько будет участвовать в игре команд.

Играющие должны преодолеть установленные препятствия: перепрыгнуть или перешагнуть через барьер, проехать под воротами, пройти линию слалома и, наконец, прийти к своему флажку, объехать вокруг него и вернуться обратно по пройденному пути.

Если кто-нибудь из игроков свалит препятствие, он должен немедленно восстановить его.

Выигрывает команда, первой вернувшаяся на старт.

Сумеешь ли ты?

Держась одной рукой за запястье другой руки, подними с земли мяч, лежащий сзади тебя.

Сделай «ласточку» на коньках. Перед этим поупражняйся в комнате, держась рукой за стул.

Подпрыгнув, подбрось мяч, не выходя из круга, перевернись на 360° и поймай мяч.

Подвесь к дереву на нитке мяч. Попробуй попасть в него снежком, пробегая мимо дерева на лыжах.

ШКОЛА НА ЛЬДУ

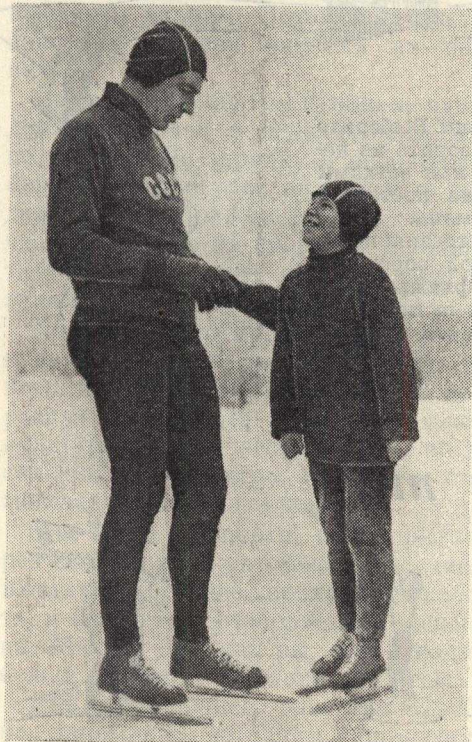
А. Алексеев

ГОРОД КОНЬКОБЕЖЦЕВ

Недавно я ездил в Горький. Мне давно уже хотелось побывать в этом городе именно зимой. Очень любопытно было дознаться, почему это на любых междугородних соревнованиях по конькам победителями чаще других оказываются молодые горьковчане и горьковчанки?

Ещё по пути с вокзала я заметил, что в Горьком ребята очень любят кататься на коньках. Почти на каждой остановке в вагон трамвая входили мальчики и девочки в вязаных спортивных шапочках с коньками в руках. Со всех сторон доносилось:

Е. И. Летчфорд с самым юным своим учеником Вовой Лисиным.

— Хороший лёд сегодня на «Воднике»! Прямо, как стекло...

— Больше всего мне нравится на «Динамо». Раздевалки там под землёй, окошечек много, очереди не бывает никогда...

— Приходи в воскресенье смотреть, как я буду бежать «пятисотку»...

Словом, только и разговоров, что о коньках.

В городском комитете комсомола мне сразу же рассказали о всех юных конькобежцах города.

Секретарь горкома подвёл меня к окну и показал на видневшийся далеко за крышами домов пруд.

— Видите, — сказал он. — Там подрастает смена нашим мастерам. Ну, а если вы хотите узнать, как из ребят вырастают чемпионы, вам надо обязательно съездить к Летчфорду.

Имя заслуженного мастера спорта Евгения Иосифовича Летчфорда известно каждому, кто следит за успехами советских конькобежцев. В 1938 году он завоевал звание абсолютного чемпиона СССР по конькам.

Но какое же отношение имеет мастерство Летчфорда к достижениям юных рекорсменов Горького? Оказывается, самое близкое.

ЧТО ТАКОЕ ОТКРЫТЫЙ СТАРТ?

Это было в январе 1945 года, в дни зимних каникул. На заборе, окружающем самый большой в Горьком каток спортивного общества «Водник», появилось объявление:

«Школьники и школьницы, которые хотят учиться бегать на коньках, должны прийти в воскресенье к 11 часам на каток. Вход для всех ребят свободный».

Объявление вывесил Летчфорд. Война уже кончалась. Советские войска неudder-

жимо стремились к Берлину. Пора было подумать и о задачах мирного времени. Чемпион страны заботился о новом расцвете советского спорта.

Каждому понятно, что чем больше ребят занимается спортом, тем больше может вырасти из них мастеров и рекордсменов. И чем раньше они начнут правильно тренироваться, тем легче и быстрее смогут добиться хороших показателей.

Поэтому Летчфорд решил организовать в Горьком школу юных конькобежцев. А ребят в эту школу отобрать путём «открытого старта».

Что такое «старт», знает всякий. Это — начало любого соревнования. Но обычно в старте принимают участие только члены определённых спортивных организаций — обществ или кружков. А в «открытом старте» может участвовать каждый желающий.

В это утро сторож стадиона «Водник» был весьма недоволен. Он привык пропускать на беговую дорожку заправских конькобежцев на длинных беговых коньках. Привык к строгому порядку соревнований. А тут на лёд вышли ребята, кто на «снегурках», кто на коротких хоккейных коньках, а кое-кто даже на каких-то самодельных железках, прикрученных верёвками к валенкам.

А как они бежали! Самый быстрый из всех ребят одолел, запыхавшись, пятьсот метров лишь за семьдесят три секунды. Позорный результат!

— Вот тебе и «открытый старт»... — ворчал сторож, запирая ворота катка.

СЕКУНДЫ И РЕКОРДЫ

Но для Летчфорда главное было в том, что ребята любят коньки и хотят заниматься. А если они ещё плохо бегают, — значит, надо их научить бегать хорошо.

Из участников «открытого старта» Летчфорд отобрал пятнадцать мальчиков и девочек, в которых его наметанный глаз приметил природную способность к бегу, чувство равновесия, подвижность, азарт. Этих ребят зачислили в спортивную школу, и

они стали три раза в неделю заниматься на льду катка.

Мастер спорта превратился в учителя. Он объяснял, чем достигается скорость скольжения, как увеличивается сила толчка, если сделать его правильно. Он учил ребят верной постановке ног, точным движениям рук.

Летчфорд был терпелив и настойчив. Ведь иначе он и сам никогда бы не сумел стать чемпионом страны. Иной раз кому-нибудь из ребят никак не удавалось повторить то, что показывал учитель. Но Летчфорд показывал снова и снова, и в конце концов нужное движение выходило.

К весне в школе все ребята стали бегать правильно, не было уже ни одного мальчика или девочки, которые не смогли бы пробежать пятьсот метров на десять — двадцать секунд быстрее, чем в день поступления в школу. Это было уже совсем другое дело. «Приготовительный класс» был окончен. Впереди была школа мастерства, школа скорости. Этому ребятам предстояло учиться следующей зимой.

Но хотя лёд и растаял, занятия не прекратились. В спорте есть одно правило. Каким бы видом спорта ты ни занимался, результаты будут хорошими только в том случае, если ты всесторонне развиваешь свой организм и постоянно упражняешься.

Для того чтобы быстро бегать на коньках, мало иметь сильные ноги. Конькобежцу нужны крепкие мышцы живота и спины, выносливое сердце, развитые лёгкие. Даже руки у бегуна должны быть сильные. Резкие взмахи рук помогают увеличивать скорость на финише.

И вот всё лето будущие конькобежцы попрежнему собирались на стадионе три раза в неделю. Они занимались лёгкой атлетикой, плаванием, греблей, играли в волейбол и баскетбол. Иногда ребята отправлялись вместе в дальние туристские походы. Постепенно их мышцы крепили, движения становились всё более сильными, ловкими, быстрыми.

А когда начались осенние дожди, ребята в спортивном зале разучивали на полу без коньков те движения, которые конькобежец делает на льду.

Снова наступила зима, и школа снова перешла на лёд. Учеников стало больше. Второй «открытый старт» дал ещё тридцать новичков.

Теперь уроки на льду стали проходить ещё интереснее. Новички внимательно

— Стартовать надо так, — говорит Наташа Донченко, рекордсменка Советского Союза.

смотрели, как тренируются ребята, начавшие учиться в прошлом году. Они видели на живом примере, как нужно правильно бегать на коньках.

В эту зиму школа праздновала первую победу. Лёва Лисин установил на соревнованиях два общегородских рекорда для юношей — на пятьсот и на тысячу метров.

А ещё через год Лисин установил и свой первый всесоюзный рекорд. Но он уже не был единственным рекордсменом школы: его товарищи также установили одиннадцать городских рекордов. Это были плоды правильной учёбы и прилежной тренировки.

РАЗГОВОР У ТАБЛИЦЫ УСПЕХОВ

В 1947—1948 году ученики Горьковской спортивной школы установили двадцать городских и девять всесоюзных рекордов.

В 1948—1949 году — семнадцать городских и шесть всесоюзных.

В 1949—1950 году — семь городских и пять всесоюзных.

Я спросил девушку, которая старательно обтирала тряпочкой снег со своих блестящих и острых беговых коньков:

— Почему же у вас с каждым годом всё меньше рекордов?

— Очень просто, — отвечала она. — Четыре года назад рекорды были не очень трудными. Мы их легко улучшали. А теперь наши ребята устанавливают такие рекорды, которые мало уступают достижениям взрослых конькобежцев. Улучшать эти рекорды гораздо труднее. Вы лучше взгляните на табличку, где показаны средние результаты учеников.

Оказалось, что эти результаты год от года становятся всё выше и выше. Никто из ребят не начинает уже, как Лёва Лисин, с семидесяти трёх секунд.

Это тоже казалось не совсем понятным. Почему же каждый год в школу поступают всё более способные ученики? Почему они быстрее добиваются высоких результатов?

— Ничего непонятного здесь нет, — ответила мне девушка. — Если бы в спортивную школу попрежнему принимали ребят, не умеющих ещё толком держаться на коньках, таблица рекордов не изменялась бы. Каждый год приходилось бы начинать сначала. Но у нас, в Горьком, на коньках бегают не только в спортивной школе, но и во всех обычных школах. Те-

перь к нам поступают ребята, которые уже научились кататься на коньках у себя в школе. Вот я, например, ученица 23-й женской школы Ждановского района. Приезжайте к нам и посмотрите, сколько у нас девочек, которые на будущий год собираются поступить в спортивную школу.

На следующий день я отправился в 23-ю школу.

ПЕРВЫЕ ПРИЗЫ

Первое, что я увидел на столе директора 23-й школы Татьяны Эрнестовны Розенберг, — это серебряный кубок с выгравированной на нём надписью «Победителям общегородских соревнований по гимнастике». И первое, что я услышал от Татьяны Эрнестовны, были слова:

— Вот посмотрите, сколько удалось достать лыжных креплений. Теперь мы сможем поставить на лыжи всех наших девочек!

И действительно, в углу директорского кабинета лежала куча новеньких креплений и колец к лыжным палкам.

— Так ваши девочки, оказывается, увлекаются не только коньками? — спросил я.

— Конечно, нет, — ответила Татьяна Эрнестовна. — У нас немало хороших лыжниц, отличных гимнасток. Спортом у нас занимаются во всех пионерских отрядах и звеньях. Прошлым летом в школьной спартакиаде по всем видам спорта принимали участие триста восемьдесят девочек.

— Сколько же у вас преподавателей физкультуры?

— Только двое. Но им помогают ученицы спортивной школы. Они руководят у нас занятиями в кружках. Вот хотя бы Нина Холстова. Она учится в десятом классе и занимается в спортивной школе. В прошлом году Нина заняла первое место по конькам на соревнованиях всех школьниц Горького.

Прозвенел звонок, и из распахнувшихся дверей классов высыпали девочки в коричневых платьях с белыми воротничками.

— Нина, ты, конечно, на каток? — спросил кто-то.

— Да, у меня там сегодня кружок малышей, — послышался знакомый голос.

Я оглянулся и узнал свою вчерашнюю собеседницу.

— Вот видите эту весёлую, румяную девочку, — рассказывала тем временем Татьяна Эрнестовна. — Это Дина Зимина. Сейчас трудно представить себе, что в первых классах она была совсем слабенькой и даже заболела туберкулёзом. Целый год она не ходила в школу. А когда поправилась, стала по вечерам кататься на коньках. Потом она поступила в нашу спортивную школу и сделалась такой замечательной бегуньей, что заняла четвёртое место на матче семи городов. Вы только подумайте, там съехались лучшие конькобежцы из столько городов, а Дина оказалась одной из самых лучших! Разве не захочется каждой девочке последовать её примеру? Дина тоже ведёт кружок малышей.

Тогда я задал вопрос, который давно уже был у меня на уме:

— Ну, а как у ваших спортсменок с учёбой? Не отражаются ли тренировки и рекорды на отметках?

— Что вы! — улыбнулась Татьяна Эрнестовна. — Вы видите, все наши девочки занимаются спортом, а по успеваемости на-

В 23-й школе девочки очень любят гимнастику.

ша школа на одном из первых мест в городе. Что же касается учениц спортивной школы, то они обязаны каждую четверть представлять инструктору свои табели. И беда, если в табеле появится тройка. Пока не исправит, к тренировке не допустят. Спорт должен помогать учиться, а не мешать!

ОНИ БУДУТ БЕГАТЬ НЕ ХУЖЕ

На следующее утро я снова отправился на каток общества «Водник». Там я увидел преподавательницу физкультуры 23-й школы Валентину Константиновну Рачкову. Она стояла посредине катка, окружённая маленькими школьницами, которых она сюда привела. Все девочки были на коньках, но мало кто из них чувствовал себя вполне уверенно на блестящем, скользком льду. Некоторые, правда, пробовали бегать, делая короткие, неуклюжие шаги, но были и такие, у которых ноги беспомощно разъезжались в стороны, и они испуганно хватались за подруг. Всё это были девочки из самых младших классов.

С завистью поглядывали они на беговую дорожку, по которой стремительно проносились мимо нас тренирующиеся конькобежцы. Неужели можно научиться скользить по льду так легко, быстро, красиво?

— Конечно, можно, девочки, — ободряла своих питомцев Валентина Константи-

новна. — Когда-нибудь и вы станете бегать не хуже. Вот, смотрите!

На дорожке промелькнула стройная девушка в вязаной шапочке и спортивном костюме. Она скользила по льду с удивительной быстротой. Казалось, коньки несут её сами, а она не тратит даже сил, чтобы придать им скорость, так изящны, легки и плавны были все её движения.

— Это Наташа Донченко. Она тоже училась в нашей школе, — сказала Валентина Константиновна. — В прошлом году она установила всесоюзный рекорд для девушек на пятьсот метров, а когда-то она держалась на льду не лучше вас, девочки. Бегать быстрее всех она научилась в спортивной школе. Сейчас Наташа очень занята. Она сдаёт экзамены в институте и готовится к матчу четырёх городов. Но Наташа обещала помочь вам научиться бегать так же быстро, как она. Ну, а сегодня с вами будет заниматься Марина.

Девочки радостно переглянулись. У такой руководительницы есть чему научиться. Марина Гортинская — одна из лучших учениц спортивной школы и имеет второй разряд по всесоюзной квалификации. Марина уже кончила 23-ю школу, но попрежнему продолжает помогать ставить! на коньки малышам...

Уходя с катка, я заглянул в ту сторону, где среди кучки девочек уже слышался голос Марины. Вот какая-то совсем крохотная девочка, серьёзно наморщив брови, сильно оттолкнулась одним коньком и, сохранив равновесие, проехала на другом несколько шагов. Она с такой старательностью повторяла движение, которому только что научилась, что я невольно подумал:

«Конечно, она будет бегать очень хорошо! И кто знает: не ей ли суждено завоевать ещё один мировой рекорд?»

СОВЕТЫ ПИОНЕРСКОМУ АКТИВУ

ВАША ГАЗЕТА

Конечно, всем вам, ребята, хочется, чтобы ваша пионерская организация работала как можно лучше. Читатели нашего журнала часто обращаются в редакцию за советами по разным вопросам. Они спрашивают и о том, как распределить обязанности между членами совета отряда, и как надо работать вожатому звена, и как составить план работы дружины во время летних каникул. На эти вопросы мы будем отвечать в отделе «Советы пионерскому активу».

Здесь мы рассказываем о том, какой должна быть стенная газета вашей пионерской дружины.

Надёжный помощник

Петя Горбунов самый сильный в 6-м «А». Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на него. Петя и ростом повыше своих товарищей и в плечах шире.

Ребята уважали Петю за его силу, а некоторые даже побаивались. Он знал об этом и то и дело задевал товарищей: то затеет борьбу в классе, то толкнёт кого-нибудь, будто нечаянно, то ножку подставит. Конечно, не всем это нравилось, и ребята не раз говорили Пете, что такое поведение не к лицу пионеру. Но на Петю слова не действовали.

И вот однажды в дружинной газете появилась заметка «Богатырь». Автор высмеивал и резко осуждал поведение Пети. Рядом была помещена смешная карикатура на него. Ребята с большим удовлетворением прочитали заметку и стали горячо обсуждать её. А в следующем номере под заголовком «Поговорим об этом, пионеры» было помещено уже несколько заметок о поведении Пети. Ребята из разных классов писали, что Петя позорит честь отряда 6-го «А» клас-

са. И Петя наконец понял, что своими поступками он вызвал возмущение коллектива. Когда на сборе отряда пионеры обсуждали его поведение, все заметили, что Петя сильно изменился и держался уже не так заносчиво, как раньше.

Стенная газета сумела повлиять на петин характер. Она организовала общественное мнение и помогла Пете разобраться в своём поведении.

Такая деловая, принципиальная критика в стенной газете необходима. Но напрасно некоторые ребята думают, что газета существует только для того, чтобы критиковать недостатки, «протаскивать». Газету, которая только критикует всех и всё, нельзя назвать хорошей. Школьная газета должна быть другом и помощником ребят во всём.

Сейчас идёт третья четверть, а там недалеко и экзамены. Пора начинать подготовку к ним. Какое участие должна принять в этом стенная газета? Как она может помочь своим читателям? Вот в 95-й московской школе ребята создали в газете специальный отдел «Готовимся к экзаменам». Лучшие ученики пишут в этом отделе о том, как они готовят домашние задания и как повторяют пройденное. Здесь часто можно прочитать советы учителей о распределении времени в период подготовки к экзаменам, о том, как надо работать с книгой, с чего начинать подготовку к экзаменам. А в 204-й школе к концу одной из четвертей однажды вышла совсем необычная газета. «SOS!» — зывал заголовок. «До конца четверти осталось 20 дней». Весь номер был заполнен остроумными карикатурами на тех, кто без уважительных причин всё ещё получает плохие отметки.

Хорошая газета говорит со своими читателями не только об учёбе. В ней должны отражаться все

Уже по оформлению газеты видно, чему она посвящена. Пионеры из лагеря 1-го московского подшпильного завода в этой газете рассказывают о работе юннатов.

Такую газету выпускают девочки 165-й московской школы. Её по очереди делают двадцать сменных редколлегий. Поэтому в газете всегда интересные заметки и хорошие рисунки.

вопросы, которыми живёт школьный коллектив. Пожалуй, нет такой пионерской дружины, где ребята не волновали бы такие вопросы, как дружба, честь класса, где не велись бы споры о смелости и трусости, о том, каким должен быть пионер.

В 529-й московской школе выходит пионерская газета «Наша дружина». Трудно перечислить всё, о чём пишут в ней ребята. В газете есть заметки и о работе кружков, и о спортивных соревнованиях, и об интересных экскурсиях, и о хороших отрядных сборах. Ребята на страницах газеты делятся друг с другом своими мечтами, обсуждают прочитанные книги. Когда в дружине развернулась борьба за чистоту и порядок в классах, в газете появилось много заметок об этом. Писали и ребята, и учителя, и даже «нянечка» тётя Граня написала о ребятах, не соблюдающих порядка в классе.

Газета «Наша дружина» оправдывает своё название. В ней отражается всё, что происходит в отрядах и звеньях. Когда читаешь её, видишь, как живёт пионерская дружина, что волнуется ребят. И читатели любят свою газету.

Кто делает газету?

На этот вопрос можно ответить коротко: «Редколлегия». Но одной редколлегии трудно выпускать хорошую газету: ведь на это нужно много времени и сил. Гораздо легче и интереснее делать газету большим, дружным коллективом.

В 19-й московской школе, например, над газетой работает около трёхсот человек. Это члены двадцати редколлегий и корреспонденты. Сейчас уже во многих школах вместо одной редколлегии существует несколько сменных редакций по три—четыре человека в каждой. Работают они по очереди. И получается, что газета выходит часто, а каждая редколлегия выпускает всего один номер в месяц. В отрядах есть постоянные корреспонденты. Они не только сами пишут заметки, но

и привлекают к работе в газете своих товарищей. Так создаётся актив газеты, «глаза» редколлегии. Он помогает редколлегии видеть жизнь дружины во всех её проявлениях. Если у вашей газеты будет хороший актив, она станет интересной.

Разумеется, не все ребята сразу могут написать хорошую заметку. Этому нужно учиться. Работа над заметкой приучает грамотно и складно выражать свои мысли, а это пригодится и в школе, когда придётся писать сочинение, и в жизни.

Как же написать хорошую заметку? В одной стенгазете как-то появилась заметка с названием «Волшебники». Вот что было в ней написано:

«Недавно в географическом кабинете произошли волшебные превращения. Старый глобус стал новым. Потрепанные карты оказались аккуратно подклеенными. На атласах появились хорошие, прочные переплёты. Елена Николаевна — преподаватель географии — удивилась превращению учебных пособий из старых в новые. Она просила нашу газету поблагодарить «волшебников» — пионеров 5-го класса «Б».

Редколлегия».

Эта заметка рассказывает о важном пионерском деле. Но посмотрите, как просто она написана и, главное, без лишних слов, чем часто страдают многие заметки. Обратите внимание на заголовок заметки. Автор заметки подумал над ним. Интересен этот заголовок и потому, что он короткий, и потому, что обращает на себя внимание. Разве не захочется узнать, о каких «волшебниках» идёт речь? Совсем неинтересно было бы, если бы эта заметка называлась, скажем, так: «Пионеры 5-го «Б» починили учебные пособия по географии». И длинно, и скучно, и заметку можно не читать: всё и так ясно.

И вы, ребята, старайтесь писать свои заметки просто и коротко. Чем короче вы выражаете свои мысли, тем они понятней читателю. Не употребляйте слов, точного значения которых вы не знаете. Тем, кому заметка не удастся, редколле-

гия должна посоветовать, как и о чём лучше написать, и, если нужно, вместе с корреспондентом сделать первую заметку.

В каждой школе есть ребята, которые пишут стихи и рассказы. Редколлегия обязательно должна привлекать таких ребят к работе в стенной газете. И стихи, и басни, и смешные стихотворные подписи к рисункам в газете очень нужны. Они оживляют её, делают весёлой, радостной.

Очень украшает газету хорошее оформление. В некоторых школах ребята оформляют газету вырезками из журналов и газет. Иногда это необходимо, например, когда надо поместить портреты руководителей партии и правительства. Но заметки, рассказывающие о школьной жизни, лучше всего иллюстрировать рисунками ребят.

Привлекайте к оформлению газеты фотолюбителей. В 529-й школе ребята, занимающиеся в фотокружке, сфотографировали «нянечку» в тот момент, когда она убирала мусор за неряшливыми ребятами. В другой раз они сделали снимок грязной тетради одного ученика. Обе фотографии

«Мощный староста» — так назвала этот рисунок редколлегия стенной газеты «SOS» 204-й московской школы.

с короткими подписями были помещены в газете. Каждый из этих снимков был убедительнее всякой заметки.

Хорошая редколлегия — это прежде всего хороший организатор. Она руководит работой актива, старается привлечь к участию в стенгазете как можно больше ребят.

Чтобы газета выходила регулярно, редколлегия планирует свою работу. Она заранее составляет примерный план нескольких номеров. Но иногда приходится отступать от плана. Это в тех случаях, когда в дружине случаются такие события, которые требуют срочного вмешательства газеты.

Многие редколлегии проводят среди читателей конкурсы на лучшую заметку, рассказ, стихотворение, рисунок. Сколько хороших корреспондентов и художников помогают выявить такие конкурсы! Сколько при этом возникает инте-

ресных тем для газеты!

Там, где ребята принимают активное участие в работе своей стенгазеты, там газета — всегда верный помощник пионеров и школьников.

В 273-й московской школе вышел сотый номер стенной газеты. Редколлегия отметила это событие специальным бюллетенем.

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Это было в канун двадцать пятой годовщины Красной Армии. Ночью перед решающим боем собрались в лесу комсомольцы. И навсегда запомнились бойцам взволнованные слова одного юноши, сказавшего: «Буду драться за Родину, презирая смерть!»

Юношу звали Александр Матросов. Все мы знаем: он сдержал свою клятву. Грудью прикрыл он амбразуру дзота; презирая смерть, добыл победу друзьям. Нельзя без волнения вспомнить об этом подвиге. Кто из вас, ребята, втайне не мечтал хоть немного походить на Сашу Матросова?

Перед нами книга П. Журбы «Александр Матросов». В ней рассказывается о короткой жизни Саши, о трудном его детстве. Круглый сирота, беспризорник, в капиталистической стране он был бы обречён на жалкое существование. Но советское государство окружило Сашу заботой. Воспитатели в трудовой колонии разбудили в нём жажду знаний, комсомол указал цель жизни, армия закалила волю. И вот из озорного мальчугана постепенно вырос настоящий человек, советский воин, герой...

Каков же он, этот герой, герой нашего, советского времени?

Саша ясно сознаёт цель своей жизни, а цель эта — служить народу, Родине. Он знает: нужно быть достойным этой великой цели. Каждый свой поступок он подчиняет ей. У Саши нет ни «отчаянности», ни стремления к риску, которые иные ребята неправильно считают проявлением храбрости. Смелость Саши Матросова

Иллюстрация к книге
«Александр Матросов».

в ином: он никогда не лжёт ни себе, ни другим, не боится сознаться в своих ошибках. Он ненавидит все показное. Вот он получил пятёрку, но эта пятёрка незаслуженная, и он отказывается от неё.

Саша стремится всё делать «на совесть»: на совесть учится, работает, на совесть помогает товарищам в трудовой колонии. И когда приходит час самого сурового испытания, он служит своему народу так, как велит его большая совесть.

Целеустремлённость, скромность, самоотверженность, презрение к показному, внешнему блеску — вот черты наших героев, горячо любящих свою Родину. Таковыми были Олег Кошевой, Шура Чекалин, Зоя Космодемьянская... Такой была и другая героиня тех героических лет — Лиза Чайкина, «Чайка»...

«Предвестницей» прозвали Лизу в народе за то, что она несла слово Сталина в захваченные фашистами районы. О жизни и смерти «Чайки» рассказывает писатель Н. Бирюков в своей книге, изданной недавно Детгизом. В романе Лиза Чайкина названа Катей Волгиной.

Так же, как и Саша Матросов, «Чайка» воспитана комсомолом. Простая, жизнерадостная девушка с ясными глазами, она, на первый взгляд, кажется мало замечательной. Но посмотрите, как работает Катя! Как горячо и беззаветно отдаётся она каждому делу, сколько страсти вкладывает в него!..

...В избечитальне объявлен доклад, а докладчика нет, и Катя пешком, по грязной дороге, бежит за много вёрст к секретарю райкома партии: «Как же иначе? Ведь люди соберутся...» Лён прежде времени пожелтел, и Катя не спит ночей, доискиваясь причины беды... Все дела района — катины личные, кровные дела; катина жизнь неотделима от жизни народа. И читая главы о делах «Чайки» в мирные годы, мы понимаем, что эта девушка не отступит и в самую трудную минуту, не дрогнет под пытками и перед казнью, ничто не погасит в её сердце любовь к родному народу.

Н. Бирюков так же, как и П. Журба, вспоминает о Данко, горьковском Данко, чьё пламенеющее сердце осветило путь народу. «Данко и Катя — они родные, но разные

судьбы у них... — говорит автор «Чайки», — ...сердце Кати, любовно поднятое народом, продолжает гореть и светить. У героев всегда бывает две жизни: одна — короткая, обрывающаяся могилой, и вторая жизнь — проходящая через века.

Да, сердца Александра Матросова и Лизы Чайкиной и сейчас продолжают пламенеть. Их подвиги, как маяки, освещают наш жизненный путь.

Саша и «Чайка» — простые советские люди. Вы тоже можете походить на них, на ваших старших братьев-комсомольцев. И когда вы на совесть учитесь, хорошо работаете, помогаете товарищам, вы становитесь похожими на них, на этих замечательных людей, которых воспитала наша страна, наша Советская Армия, наш комсомол.

Ю. Новикова

ПОЛОСА ДРУЗЕЙ

Книга Георгия Рублёва называется «Песня мира». «Почему? — спросите вы. — Ведь в ней собрано много песен, много различных стихов. Разве всё это — части одной песни?»

Да, стихов в этой книге много, и герои их разные. Здесь и наш советский солдат, спасший во время боя немецкую девочку, и лётчик-кореец — храбрый защитник своей родины, и безработный докер из Марселя; ему дали наконец работу, а он вновь лишился её, отправив американские танки «рыбам на закуску».

И о детях говорится в этой книге: о стойком мальчике Ли Чане, о девочке из Вьетнама, о маленьком испанце Педро, который вывел на стене слово «Сталин»...

Сталин!.. Это «окрывающее слово, слово правды на земле», роднит всех простых людей. «Враги нам грозят непрестанно, но с нами врагов мы сильнее», — пишет Сталину старая женщина, потерявшая на войне трёх сыновей. «...Будет свободной наша земля, нам путь озаряют звёзды Кремля», — говорят китайские бойцы...

Великой ненавистью к войне и любовью к миру дышит каждое стихотворение этой книги. Вот почему все они сливаются в одну прекрасную песню, пропетую множеством дружеских голосов. Читая эту книгу, мы испытываем чувство гордости за нашу Родину — оплот мира, — и мы говорим вместе со всеми честными людьми:

Мы отстоим
Для счастья планету,
Мы преградим
Дорогу войне.
Руку, товарищ!

Борись до победы,
Чтобы земля
Не пылала в огнз...

ПОБЕДИТЕЛИ «ЧЕРНОЙ СМЕРТИ»

В 1910 году в Манчжурии вспыхнула эпидемия чумы. «Чёрной смертью» называли тогда эту страшную болезнь. Никто не знал, почему она неожиданно возникает и как с ней бороться. Каждый, кто заболел чумой, считался обречённым на гибель.

Люди в ужасе бежали из городов и сёл, к которым приближалась эпидемия. А те селения, где болезнь уже свирепствовала, оцепляли войсками, чтобы никто не вышел из заражённого города и не перенёс болезнь дальше.

И только небольшая кучка людей ехала туда, откуда все бежали, ехала на борьбу с чумой. Это были русские врачи и студенты из Петербурга, Москвы, Томска. Высокое чувство долга вело их туда, где они могли облегчить страдания заболевших, остановить распространение эпидемии, найти её причины.

Чумный пункт московских врачей помещался на окраине Харбина. Среди огромного пустыря угрюмо стоял потемневший деревянный дом. В углу двора под навесом возвышалась гора замёрзших трупов. Умерших было так много, что их не успевали сжигать. Почерневшие, они лежали на льду реки, в опустевших фанзах, на улицах города.

Днём и ночью русские врачи обходили дом за домом, помогая больным, изучая течение болезни. Как-то ранним утром один из добровольцев-студентов увидел выходящую из фанзы женщину-врача Марию Александровну Лебедеву.

— Не заходите сюда, — сказала она. — Здесь только мёртвые и умирающие.

— Но ведь вы же не побоялись пробыть тут всю ночь!

— Мне уж всё равно, — спокойно ответила Лебедева.

Она уже была больна чумой. Дома она слегла. Но до последней минуты, пока она была в сознании, Лебедева продолжала записывать результаты своей работы...

Так боролась с чумой русские врачи. Тяжёл и опасен был их труд. Как во всякой борьбе с сильным и опасным врагом, жертвы были неизбежны. Умерли, заразившись от больных, врачи Кох, Морозов, Лебедева и многие другие. Погиб, вдохнув бактерии чумы во время опыта, заведующий чумной лабораторией Вишневский. Умер от чумы доктор Деминский. Погиб микробиолог Берлин.

Но на смену погибшим приходили продолжатели их дела. Великая любовь к человеку, сознание долга врача придавали им мужество.

И в конце концов русские учёные и врачи победили врага. Они открыли микробов чумы, нашли переносчиков болезни — сусликов, тарабаганов и других степных зверьков, — создали сыровотку из ослабленных микробов.

В Советском Союзе эта страшная болезнь уничтожена навсегда.

О славной борьбе русских врачей и учёных с микробами чумы рассказано в книжке писателя А. Шарова «Жизнь побеждает». Прочтите эту интересную книжку. Вы поймёте всё величие подвига русских людей, не щадивших жизни ради блага всего человечества.

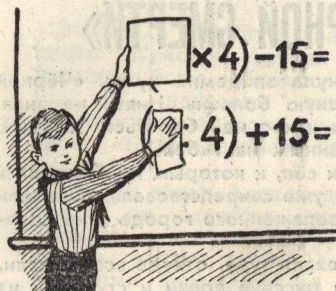
А. Дорохов

ТРИ РЕКИ

Найдите на карте Советского Союза три реки, названия которых отличаются одно от другого только первой буквой.

ИНТЕРЕСНАЯ ОШИБКА

Учитель дал ученику число, которое тот должен был разделить на 4, а к полученному частному прибавить 15.

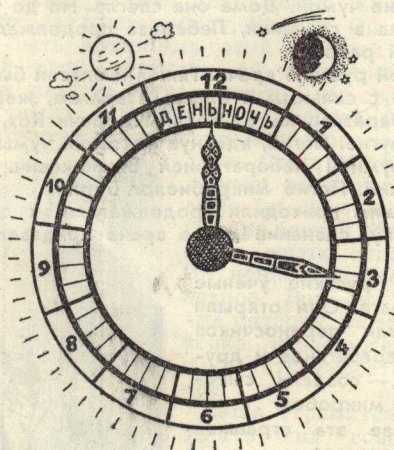
Вместо этого ученик по рассеянности умножил данное ему число на 4, а из произведения вычел 15. Несмотря на это, ученик получил правильный ответ.

Какое число дал ученику учитель?

ДЕНЬ И НОЧЬ

Напишите в свободных клетках этого циферблата одиннадцать слов. Подберите их с таким расчётом, чтобы каждое следующее слово отличалось от предыдущего только одной буквой и чтобы в результате слово «ночь» превратилось в слово «день».

Употреблять можно только существительные в единственном числе. Множественное число допускается для слов, у которых нет единственного числа.

СОДЕРЖАНИЕ

Суворовец. — Стихи И. Кульской.
Перевод с украинского З. Александровой. Рисунок Ф. Лемкуля II стр. обложки

Верный сын народа 1 стр.

Советская конница в боях под Москвой. Картина П. Кривоногова 2 "

Белый голубь. — Главы из романа Олеси Кравець. Перевод с украинского Анны Кравченко. Рисунки П. Кирпичёва 3 "

Капитан. — Стихи М. Львовского. Рисунки Ф. Лемкуля 18 "

Сталинградская панорама. — Ю. Новикова 20 "

Волга встречается с Доном. — Евг. Рябчиков 22 "

Рассказы о борцах за мир. Он и сегодня в наших рядах. — Нина Николаева 25 "

Собачья упряжка. — Рассказ Ю. Сотника. Рисунки В. Константинова 29 "

Дети Красивой тундры. — Очерк Е. Рубцовой 37 "

Наша почта 43 "

Судьба Тома Бальма. — Рассказ А. Морозова. Рисунки Г. Филипповского 46 "

Будь готов к труду и обороне! . 51 "

Школа на льду. — А. Алексеев . 54 "

Советы пионерскому активу . . 59 "

В мире книг 62 "

В часы досуга 64 "

Наш календарь III стр. обложки

На обложке: рисунок П. Баранова „Пионеры осматривают Сталинградскую панораму“.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орлов В. И., Печникова З. И., Прилежаева М. П., Смирнова В. В., Шмаринов Д. А., Щипачёв С. П.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 7/II 1951 г.

Изд. № 93.

82×110.

А — 01332.

8 печ. л.

Тираж — 115 000.

Заказ 272.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

СОВЕТСКИЕ ПОГРАНИЧНИКИ

Высоко вздымаются к небу покрытые вечным льдом горные хребты на южных границах Советского Союза. Их крутые склоны и узкие ущелья засыпаны глубоким снегом. Днём и ночью здесь царит вечная тишина.

Но в это утро безмолвие гор было нарушено звуком шагов. По еле видной тропе пробирался человек в спортивном костюме и чёрных очках.

Этот человек был враг. Он шёл на советскую землю, чтобы взорвать новую электростанцию, только что построенную в долине, у подножия хребта.

И вдруг в тишине ледяной пустыни, за десятки километров от всякого населённого места, раздался спокойный голос:

— Стой! Руки вверх!

Из-за обломка скалы поднялся солдат в фуражке с зелёным околышем. Дуло автомата было направлено в грудь пришельца.

Строители гидростанции так и не узнали, какая опасность грозила их детищу. Враг был схвачен до того, как он успел сделать своё чёрное дело...

Чем богаче и сильнее становится наше государство, чем лучше живётся советскому народу, тем яростнее злоба его врагов. Как хотелось бы им выведать наши силы, помешать нашему мирному строительству, уничтожить наши фабрики и заводы!

Но советские границы на крепком замке. Куда бы ни толкнулся враг — будь то непроходимые болота на западе, снежная тундра на севере, высокие горные хребты на юге, вековая тайга на востоке, — всюду — на суше и на море — за нарушителем границы следят внимательные и зоркие глаза. Днём и ночью, в зной и буран наши пограничники бдительно охраняют священ-

ные рубежи Родины. Тридцать лет назад, 15 февраля 1921 года, впервые встали на свой пост пограничные войска. Как бы хитёр и ловок ни был враг, стоит ему ступить лишь шаг по советской земле, как его останавливает оклик пограничника.

ХУДОЖНИК СЛОВА

Есть русская народная сказка о тульском мастере Левше. Рассказывается в ней о том, как самые искусные английские механики изготовили для русского царя заводную блоху из стали. Англичане считали, что более тонкой работы никто на свете сделать не может. Но простые тульские оружейники не только сумели починить удивительную блоху, когда она испортилась, но ещё и прибили на все её ножки крохотные подковки и на каждой написали свои имена. Не было лишь имени мастера Левши, потому что он ковал гвоздики, которыми эти подковки были прибиты.

Так наш народ в сказке выразил восхищение талантом тульских оружейников, прославившихся своим мастерством на весь мир.

Эту сказку замечательно пересказал в своих сочинениях писатель Николай Семёнович Лесков, родившийся сто двадцать лет назад, 16 февраля 1831 года. Во многих рассказах и повестях он изображал талантливых русских мастеров из народа и показывал, как тяжело им жилось под властью жестоких помещиков.

Лесков хорошо знал неисчерпаемые богатства русской народной речи и умело пользовался всеми оттенками живого слова. Наши писатели учатся у него мастерству рассказа, изучают по его произведениям выразительный, точный и бесконечно разнообразный русский язык.

ПЛАН ДЛЯ ЦЕЛОЙ СТРАНЫ

Вспомни, как ты пришёл первый раз в школу. Открылись двери класса, где для тебя и всех твоих сверстников были приготовлены парты. За столом вас ждала учительница. А потом для вас принесли учебники, тетради, карандаши.

Кто-то заранее знал, сколько мальчишкам и девочкам исполнится в этом году семь лет, и подсчитал, сколько нужно построить новых школ, чтобы всем ребятам нашлось место за партой, сколько понадобится для них учителей, сколько надо выпустить учебников, карт, карандашей и тетрадей.

Это сделали работники Госплана — Государственной плановой комиссии.

В Госплане изучают все потребности нашей страны. Там заранее высчитывают, сколько нам понадобится в этом году хлеба и хлопка, угля и стали, сколько нужно будет построить новых домов, больниц и школ, сколько нам потребуется паровозов и автомобилей, сидца, калош, ботинок, готовален... А затем Госплан даёт точные задания директорам всех фабрик и заводов, совхозов и шахт, сколько и чего им надо будет выпустить.

Вот в нынешнем году мы начали строить новые гигантские плотины и электростанции, проводить новые каналы. Подумай, сколько понадобится для такого огромного строительства бетона и стали, машин и инструментов! И всё это строители получают во-время, потому что об их нуждах давно уже позаботился Госплан.

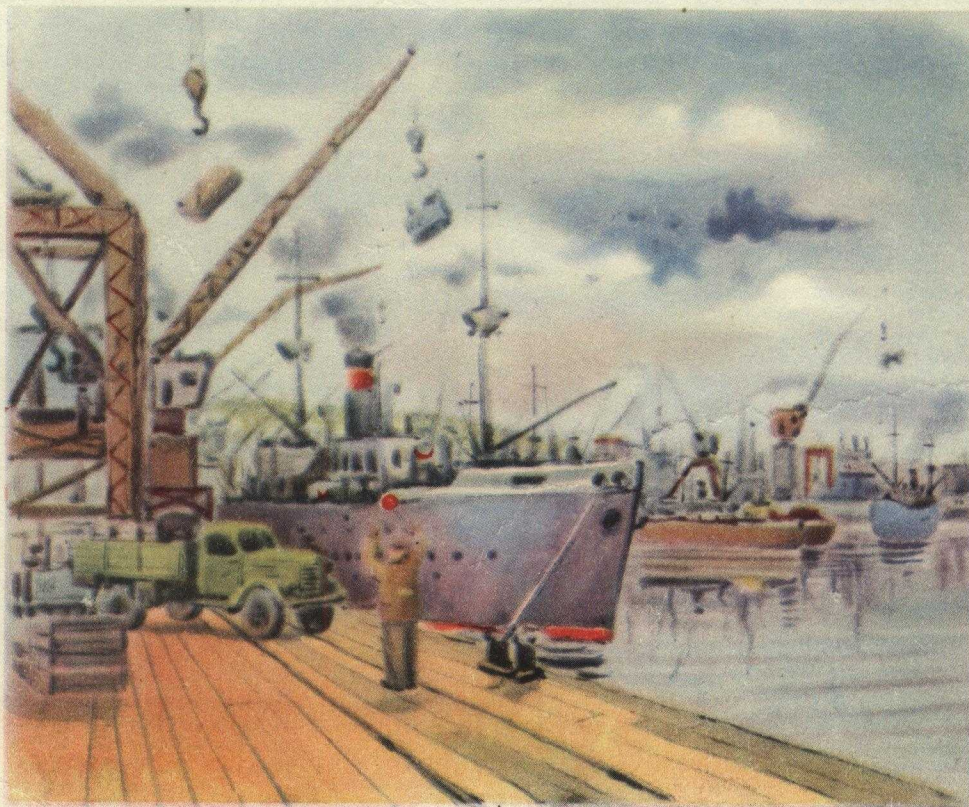
Госплан был организован тридцать лет назад, 22 февраля 1921 года. Каждый год его работники разрабатывают единый государственный план, по которому живёт всё наше государство.

Пятая Всесоюзная выставка изобразительного творчества детей.

ДЕМОНСТРАЦИЯ.

Рисунок Саши Сидорова.

ДЛЯ СТРОЕК КОММУНИЗМА.

Рисунок Лёвы Зуенкова.